8 ДЕКАБРЯ 1980 ГОДА

ДЕНЬ, КОГДА ПОГИБ ДЖОН ЛЕННОН

КИТ ЭЛИОТ ГРИНБЕРГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Еще с утра ничто не предвещало беды: фотосессия для "Роллинг Стоун", интервью на радио, обед с семьей, запить в студии, удачный день для рок-звезды, вернувшейся из творческого отпуска, а вечером его убили. Смертоносные пули вылетают из ствола, но часы продолжают тикать: доктор Стивен Линн выходит из кабинета неотложной помощи и объявляет, что бывший "битл" мертв.

- Кит Элиот Гринберг
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Эпилог
  - Благодарности
  - Избранная библиография
  - Фотографии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13

Кит Элиот Гринберг
8 декабря 1980 года: День, когда погиб Джон Леннон

Посвящается Дженнифер

«Дыханье — это жизнь моя,
его прервать не смею я»

Из стихотворения Джона Леннона,
написанного для школьного журнала.

Глава 1
«Мы все время куда-то спешим» [1]

Статуя индейца-лакота внимательно разглядывает высокие фронтоны, терракотовые стены, желтые такси и толпы народа, выливающегося из метро на Семьдесят второй стрит. Под ее неусыпным взором Джон Леннон носится вокруг Дакоты и на ходу строчит записки. Несмотря на то, что его последний альбом во всех чартах идет в гору, бывший «битл» теперь не столько музыкант, сколько отец и муж. Домашние хлопоты — такая штука, если не помечать их в блокноте, обязательно что-нибудь да забудешь. Джон и Йоко, родители пятилетнего сына, просыпаются в восемь утра и перед завтраком составляют список дел на день. В свои сорок лет Леннон относительно здоров. Остались в прошлом шумные попойки, которыми отмечена его ливерпульская молодость и гамбургский этап карьеры «Битлз». Давно закончился пятнадцатимесячный «Потерянный Уикенд», едва не стоивший ему брака. Среди рок-н-ролльщиков, выросших на «Битлз», считается, что встречать 1980-е надо на кокаине. Но Джон свое уже отторчал и теперь в завязке.

По официальной версии он теперь и сахар не ест. Однако в студии тайком предается, пожалуй, самому безобидному из своих пороков. Джон и Йоко прошли через фазу вегетарианства и переключились на макробиотику, теперь они питаются цельными овощами и рыбой с рисом. Тем не менее, журналист из «Плейбоя», встречавшийся с Джоном в Дакоте, заметил, что тот до сих пор курит «Синие Голуаз», крепкие французские сигареты, пользующиеся популярностью на Ближнем Востоке.

— Макробиотики не верят в рак, — сказал Джон в интервью. Судя по дальнейшим словам, он вполне отдавал себе отчет, что это самообман. — Мы не согласны с тем, что курить вредно. Но если курение нас убивает, значит, мы были неправы.

Тема смерти часто всплывает в разговоре с Ленноном. Как музыкант, он призывает слушателей не верить в то, что земными делами можно заработать место в раю. Однако, лишившись этого утешения, он явно боится умереть раньше срока. Практически в каждом интервью Леннон упоминает о смерти, хотя бы для того, чтобы подчеркнуть, что надеется жить долго и счастливо.

Раньше он любил побить непослушных подружек и зарвавшихся коллег, но уже более десяти Джон исповедует пацифизм. Он говорит, что если завяжется драка, он убежит с криками о мире. Но он отмечает, что Махатма Ганди и Мартин

Лютер Кинг младший тоже отказались от насилия, а их все равно убили.

Семье Леннонов принадлежит квартира в Дакоте, примечательном здании в стиле северно-германского ренессанса, расположенном на улице Централ-Парк-Уэст. Устав быть заложником собственной славы, Джон с 1975 года живет уединенно, большую часть времени проводит дома, не как отшельник, но как простой человек. Ведь и после распада «Битлз» популярность Леннона ничуть не пострадала. Поначалу ему казалось, что посвятив столько сил индустрии звукозаписи, теперь он обязан поддерживать имидж «битла» Джона. Но за пять лет творческого отпуска, как он сказал одному репортеру, «невидимый призрак» исчез.

Первый раз Джон женился, когда «битломания» в Англии набирала обороты. Брак был обречен с самого начала: его уничтожили наркотики, фанатки и слава, а так же печальный семейный опыт, усвоенный с детства. Старшему сыну Леннона, Джулиану, как раз исполнилось семнадцать лет, он начал собственную музыкальную карьеру. Но лишь когда тяготы звездной жизни остались позади, Джон начал общаться с ним в муниципальной квартире в Манчестере, или в таунхаусе в Балтиморе. Только вот упущенные годы уже не наверстать. Узнав в начале 1975, что Йоко в сорок два года забеременела, Джон поклялся, что ошибок прошлого не повторит.

Поскольку ему не нужно зарабатывать на жизнь, Джон все время проводит с близкими, занимается с младшим сыном Шоном. Однако, что бы там ни думали люди, он не перестал быть собой. Он следит за современными стилями — нью-вейвом, реггей, даже диско, пишет музыку, решает вопросы. Но там, где Мик Джаггер выходит в люди, Джон сидит дома.

Так лучше для семьи.

Для тех, кто не понимает, все объясняется в новом альбоме Джона и Йоко, «Double Fantasy».

Его выход — большой успех продюсера Дэвида Геффена, руководителя лейбла «Геффен Рекордз», дочерней компании «Уорнер Бразерс». Тот, кроме бывшего «битла», сумел подписать договоры с Элтоном Джоном и Донной Саммер. Как и Джон, он начинал, не имея за душой ничего: родители его были беженцами из Палестины, мать владела магазином одежды в анклаве евреев-хасидов в Бруклине, в Боро-Парк. Но заряд энергии, помноженный на способность предугадывать вкусы покупателей музыки, и даже бросать им вызов, позволил ему переплюнуть многих отпрысков богатых фамилий. Причем «Double Fantasy» ушел далеко от таких абстрактных экспериментов, как «Glass

Onion», «I Am the Walrus» и «Revolution 9». Джон больше не старался провоцировать слушателей, он хотел просто общаться с ними. В песнях альбома читается простота той жизни, которую Ленноны создавали в Дакоте, прославление доброты, романтики, детства.

Что важнее, утверждает Леннон, ему больше не к чему соревноваться с Элвисом Костелло или «Карс». Достаточно выражать через музыку собственную личность и чувства.

С выходом альбома Джон распахнул двери Дакоты, открывая свою жизнь для прессы и всего мира. Фанаты Джона пришли в восторг — за три недели «Double Fantasy» разошелся тиражом в 700 000 копий. Бывший «битл» выпустил первый сингл 1975 года «(Just Like) Starting Over», не потому что видел в нем большой коммерческий потенциал, а потому, что его смысл — возвращение домой, новое начало — лучше всего выражал его текущую позицию. 8 декабря 1980 года песня вышла в США на третье место.

В прошлом Джон Леннон редко бывал доволен плодами своей работы, он постоянно жаловался на качество собственных песен. Как-то раз, когда Джордж Мартин, легендарный продюсер «Битлз», сказал ему, мол, твои песни — настоящее сокровище, Джон возразил: «Если бы я мог их переписать, я бы обязательно это сделал».

Подобная неудовлетворенность преследовала Джона во всех его начинаниях, душевное смятение питало его творческий потенциал, но мешало радоваться жизни. Но к радости фанатов Джона Леннона в «Double Fantasy» его талант сияет всеми гранями. Более того, его искусство словно приобрело новое измерение. Он готов делиться не только болью, но и ликованием. Как можно судить по названию первого сингла, он начинает с чистого листа — и в личном плане, и в профессиональном. Прошлое забыто. Словно не было ничего: ни «Битлз», ни саморазрушения рок-звезды, ни попыток правительства США выслать его из страны. «У меня такое чувство, будто я сегодня впервые открыл глаза», — сказал он в интервью для радиосети RKO.

Джон включает магнитофон и слушает «сырой» микс «Walking on Thin Ice» — танцевальная песня, над которой сейчас работает Йоко в студии «Рекорд Плант», расположенной на Сорок второй стрит, где в 1971 году он записывал «Imagine». Ее основатель Гэри Келлгрен изначально хотел создать такую студию, которая будет похожа не на залитую белым светом лабораторию, где строгают записи, а на гостиную дома у музыканта.

Получилось удачно. На «Рекорд Плант» родились «Electric Ladyland» Джими Хендрикса, «Born to Run» Брюса Спрингстина, «Destroyer» группы «Кисс», «Toys in the Attic» «Аэросмитов». Джон с Йоко уже подготовили там демо-версию альбома из тех песен, которые не вошли в «Double Fantasy». Более того, они уже обсуждали и третий альбом. После пяти лет заточения чета готовилась к мировому турне.

Джон знал, что будет дальше. Вокруг будет увиваться толпа народу: подхалимы, усталые капризные музыканты, организаторы сомнительных моральных качеств. Но он — исполнитель, ему нужна энергия живых концертов. Теперь все будет не так, как раньше. Занимаясь воспитанием Шона, Джон окреп духом. А если его занесет на повороте, Йоко уверенной рукой наведет порядок. Другой мужчина взбунтовался бы против того, что его ограничивает жена. Джону же нравилось. Он прилюдно называл Йоко «матушкой» и, по собственным словам, считал ее не равной, а даже лучше себя.

«Матушка» не только писала вместе с ним музыку, но и преумножала их состояние. В 1980 году Джон получил отчислений примерно на 12 миллионов долларов, а его имущество оценивалось в 235 миллионов. Среди прочего жена приобрела: 250 голштинско-фризских коров молочной породы, дающей самые высокие надои, поголовье целых четырех молочных ферм в штатах Вермонт, Вирджиния, Делавэр и Нью-Йорк, стоимостью больше 66 миллионов; два поместья у себя на родине, в Японии; дома на Палм-Бич, в Лорел-Каньон и в старой деревне китобоев Колд Спринг Харбор на Лонг-Айленде. Самопровозглашенный «герой рабочего класса», Джон и не думал извиняться за подобное стяжательство, поскольку чета ежегодно жертвовала десять процентов дохода на благотворительность.

Десятью годами ранее, когда Ленноны переехали в Дакоту, соседям не очень понравилось, что их мрачный, закопченный дом привлек такого персонажа. Девятиэтажное здание, запоминающееся готичными очертаниями, и без того пользовалось дурной славой: Роман Полански снимал здесь «Ребенка Розмари», а среди бывших жителей числился киношный Франкенштейн, Борис Карлофф и несчастная Джуди Гарленд. И все равно их не радовала перспектива, что буйные толпы папарацци будут тушить бычки о черных змей и горгулий, украшающих массивную ограду.

Когда Ленноны сняли квартиру актера Роберта Райана на седьмом этаже с видом на Центральный парк, соседи подивились тому, что бывший «битл» с супругой так же стремятся к уединению, как и все остальные. Они не устраивали шумных

вечеринок, и жаловаться было решительно не на что. К тому времени, как чета Леннонов решилась на покупку (в 1973 они приобрели пять квартир, общей сложностью в двадцать пять комнат), их не просто терпели, а даже любили. Каждый год Йоко устраивала японский праздник для всего дома, с палочками для еды, а сама играла с сыном и тихо беседовала с Джоном или подругой и соседкой Лорен Бэколл, к 8 декабря 1980 года закончившей сьемки триллера «Фанат» об актрисе театра, которую преследует поклонник-убийца.

Глава 2
Вот мое заявление

Было утро 8 декабря 1980 года. Газеты, пестрящие рекламой торговых центров, авиалиний и свежих фильмов, вроде «Бешеного быка» и «Рядового Бенджамина», сообщали жителям Нью-Йорка, что в город прилетает свежеизбранный президент Рональд Рейган с женой. У него запланирована встреча с Терренсом Куком, католическим кардиналом Нью-Йорка, и обед с самым молодым членом семейства — Роном Прескотом Рейганом. Первая чета страны весьма удивилась, узнав, что двадцатидвухлетний танцор балета вдруг решил жениться на сожительнице, Дории Палмиери, и Рейган-старший решил лично обсудить этот вопрос с сыном. Мать жениха объявила, что ее на встрече не будет.

Америка с трудом приходила в себя после войны во Вьетнаме, Уотергейта, телерепортажей о «студентах» в Тегеране, с воплями сжигающих звездно-полосатый флаг, и карикатур на президента Джимми Картера. Сорок два человека, захваченных в посольстве США, до сих пор содержались под стражей.

Днем ранее Иран с большой помпой отметил четырехсотый день взятия заложников. Восьмидесятичетырехлетний аятолла Рухолла Хомейни, прекрасно осведомленный, как болезненно воспринимают американцы его суровый лик в черном тюрбане, провозгласил исламскую революцию «завоеванием сердец» и призвал последователей экспортировать ее в другие страны.

После добропорядочного, но слишком мягкого Джимми Картера, киноковбой Рейган во многих домах воспринимался, как новый шериф в городе, быстрый пистолет которого будет вселять страх и в бородатых исламистов, и в коварных коммуняк из Советского Союза. Его сторонники полагали, что он пришел к власти в самый нужный момент. Прошел год с тех пор, как Советы вторглись в Афганистан, на горизонте маячил конфликт между востоком и западом, которого все давно боялись. Пока пролетевший на выборах Картер страдал от позора с захватом заложников в Иране, его правительство 7 декабря гневно заявило, что судя по определенным признакам, контингент советских войск, размещенный в Восточной Германии и Чехословакии, численностью от трехсот до четырехсот тысяч человек, готов пересечь границу Польши. В Ватикане папа Иоанн Павел II[2] во время праздника Непорочного зачатия вознес молитву Деве Марии, дабы защитила она его родную страну.

— В сей трудный час я говорю, как сын Польши, моей любимой родины, — сказал понтифик. — Оттуда приходят весьма грозные вести. Мы все надеемся, что тревога окажется ложной.

Пока в Европе католическая церковь вела борьбу с левыми силами, в центральной Америке схлестнулись леворадикальное крыло веры, исповедующее теологию освобождения, и правые правительства, традиционно пользующиеся поддержкой США. Не прошло и недели с тех пор, как на проселочной дороге в Сальвадоре нашли тела монашек Иты Форд, Мавры Кларк и Дороти Кейзел и религиозного социального работника Джины Донован. Первые две были родом из Нью-Йорка, вторые — из Кливленда. В ходе воскресней мессы в митрополическом кафедральном соборе Сан-Сальвадора епископ Артуро Ривера-и-Дамас заявил, что «за гонениями на церковь, а главное, убийствами служителей церкви, стоят силы госбезопасности и ультраправые банды. Таким образом, мы обвиняем во всем правящую хунту». В результате, администрация Картера прекратила военную и экономическую поддержку Сальвадора. Наблюдателям очень хотелось знать, какую политику в отношении центральной Америки будет проводить Рейган, полагающий, что борьба с коммунизмом важнее любых идеологических разногласий.

Джону Леннону нравился Джимми Картер. То, что родное правительство поддерживает военных преступников, трогало его сердце куда сильнее, чем угрозы и черные дела коммунистов и мусульман-шиитов. Во времена личного протеста он бы присоединился к сборищу последних хиппи и йиппи[3] в Юнион-сквер парк, где нового президента клеймили демагогом. Но Джон повзрослел, Рейган честно победил на выборах, а в США на глазах крепчали консервативные настроения.

О центральной Америке Джон предпочитал помалкивать также, как не видел смысла обсуждать голодовку десятка членов Ирландской Республиканской Армии (ИРА), сидящих в тюрьме в северной Ирландии. Как у многих жителей Ливерпуля, где даже футбольный клуб «Эвертон» изначально назывался ирландской католической командой, в жилах Джона Леннона текла своя порция ирландской крови. В альбом 1972 года «Time in New York City» вошли две песни в поддержку обретения шестью графствами северной Ирландии независимости от Британии. Это «Sunday Bloody Sunday» (не путать с песней группы U2, где речь тоже идет об убийстве двадцати семи человек во время демонстрации за гражданские права в Дерри, северная Ирландия) и «The Luck of the Irish», изобилующая упоминаниями тысячи лет «пыток и

голода», и «английских бандитов», насилующих и губящих народ. Но после выхода «Double Fantasy» Джон не хотел больше поднимать скользкую тему.

В Нью-Йорке, где каждый пятидесятый белый числился в предках Ниалла Девяти Заложников — ирландского короля V века, чиновники не могли позволить себе такую политику молчания. Сенатор Альфонс Д'Амато полетел в северную Ирландию на встречу с семьями голодающих. Мэр Эд Коч выразил сочувствие ирландским повстанцам, напомнив избирателям, что горожане ирландского происхождения голосуют за него гораздо активнее, чем соплеменники-евреи.

Коч любил слушать «Битлз» в служебном авто. В плане текстов и музыки мэр отдавал предпочтение Полу Маккартни, но Джона Леннона любил и ценил как человека, и радовался тому, что бывший «битл» переехал жить в Нью-Йорк. По словам Коча, соседи, прохожие и хозяева магазинов при виде Леннона приходили в восторг: «Всякий, кто ценит анонимность, обретает ее в нашем городе. Люди с уважением относятся к личному пространству окружающих. Когда известный человек появляется на улице, никто к нему не лезет».

Высокий, лысеющий, то веселый, то раздражительный, студентом Коч жил в Гринвич-виллидж и ходил на демонстрации в защиту гражданских прав и против войны во Вьетнаме. В 1977 году, претендуя на должность мэра, он назвал себя «адекватным либералом», и основным приоритетом обозначил «законность и правопорядок», чем привлек рабочий электорат из таких районов, как Бэй-Ридж, Бруклин, Вудсайд, Квинс. Когда во время предвыборной кампании Рейгана Коч пригласил его в свою резиденцию, многие сочли этот жест заигрыванием с консервативными республиканцами. Других сторонников мэр оттолкнул, ради экономии бюджета закрыв Сиднэмскую больницу в Гарлеме, существенную часть персонала которой составляли афроамериканцы. Его обвинили в расизме и пренебрежении нуждами черного населения. Тем не менее, к концу 1980 года его популярность у народа была достаточно велика. Когда он в толпе кричал — «Ну как я вам?», вокруг раздавались возгласы одобрения.

Есть мнение, что золотой миг его мэрства пришелся на апрель, когда водители автобусов и метро устроили забастовку. Коч в знак протеста вышел на Бруклинский мост, где стал здороваться с пассажирами, пешком добирающимися на работу в Манхеттен.

— Все было однозначно, — вспоминал он впоследствии. — Жители Нью-Йорка в ответ на противозаконную забастовку

сказали: «Ну вы и мудаки. Подождите, мы еще с вами разберемся». Это было чудесно. Практически звездный час нашего города.

Как Леннон в былые времена, Коч весьма смачно выражал свое недовольство. В 1965 году он вопреки линии партии поддерживал бывшего мэра, Джона В. Линдсея. Когда Линдсей выступил в пользу его соперника, между ними разгорелась вражда.

— Если честно, я не слишком уважаю Джона Линдсея, — заявил Коч. — По-моему, он не отличается умом. Он не ценит всего, что я для него сделал. Под его руководством город тратил деньги, которых у нас не было. А мне теперь приходится за ним разгребать финансовые проблемы.

В ходе предвыборной кампании Коч при малейшей возможности радостно лил грязь на предшественника. Линдсей обратился к общему другу, чтобы тот вступился за него.

— Он просил, чтобы я перестал его ругать, — поведал Коч. — Иначе ему пришлось бы уехать из города, вот как его допекли мои замечания.

В конце концов, Коч согласился на некий компромисс, поклявшись больше не упоминать имя Джона Линдсея.

— Если мне потребуется что-нибудь о нем рассказать, — пообещал он, — я буду звать его Мэр Икс.

Эллен Чеслер, руководитель аппарата у Кэрол Беллами, президент городского совета и будущей главы ЮНИСЕФ, а так же первая женщина, избранная на общегородской пост, работала на том же этаже, что и мэр. И последние три года жила в том же доме, что Джон Леннон.

Чеслер, американский историк, впервые попала в Дакоту, когда ее пригласили на праздник домой к Бетти Фридэн. Та, соосновательница Национальной организации женщин (НОЖ), и самая известная феминистка страны, отлично вписалась в богемную атмосферу этого здания. Чеслер была очарована.

— В Дакоте было множество интереснейших людей, представителей мира искусства, — сказала она. — В здании было грязновато. Он же старое, местами ветхое, но архитектура просто потрясает.

Когда в 1977 году появилась возможность недорого взять там квартиру, Чеслер с мужем-адвокатом немедленно переехали туда.

Местный фольклор гласит, что Дакота стала первой высоткой, построенной за пределами центра города, примерно в миле от его границ, а имя получила в честь далекой Территории Дакота. Но в прессе нет упоминания этой истории вплоть до 1933

года, когда дому уже было пятьдесят лет, так что скорее всего застройщик просто хотел выразить уважение растущему западу Америки. В 1980 году, до того, как на здание, по выражению Чеслер, «навели лоск» и продали инвестиционным банкирам, его социально ответственные жители с умеренным доходом встречались в лифте с Леннонами, Бэколл, дирижером Леонардом Бернштейном и певицей Робертой Флэк.

— Там жили отличные люди, — сказала Чеслер, — кинопродюсер, торговец антиквариатом. Дети вместе играли во дворе и в коридорах дома. Это была чудесная община. Моим детям очень нравилось.

Уроженка Огайо, Чеслер в 1964-ом попала на концерт «Битлз» на муниципальном стадионе Кливленда. Едва Джон, Пол, Джордж и Ринго вышли на сцену, фанаты рванулись вперед, лезли по головам, устроив на трибунах большую свалку. Положение настолько вышло из-под контроля, что буквально через несколько песен концерт пришлось прекратить, и «битлов» эвакуировали со стадиона.

Через два года «Битлз» привезли на бронированном грузовике. И снова озверевшие фанаты прорвали ограждение и полезли на сцену. Посреди концерта музыкантов утащили в машину и объявили, что если порядок не будет восстановлен, группа уедет. Фанаты, скрипя зубами, вернулись по местам, и спустя сорок пять минут шоу продолжилось.

Воспитание помешало Чеслер подойти к Джону и поведать свои воспоминания о визите «Битлз» в Кливленд. Буйный Шон Леннон со всеми общался легко и непринужденно, но его родители сохраняли дистанцию, и Чеслер с мужем хорошо их понимали.

— Никаких претензий, — сказала она. — Все-таки Джон Леннон — это Джон Леннон.

На милю к югу от Дакоты другой почитатель Леннона готовился к величайшему дню в жизни.

В районе 11 утра в отеле Шератон проснулся и нацепил на нос очки двадцатипятилетний Марк Дэвид Чепмен, ничем не примечательный, низенький и полный гость из Гонолулу. Хотя погода на дворе стояла непривычно теплая для декабря, с Центрального парка по Седьмой авеню дул сильный ветер. Ввиду того, что ему предстояло провести на улице долгое время, Чепмен оделся потеплее. Под свитером песочного цвета у него было термобелье, на ногах — скромные синие слаксы и туфли из коричневой замши.

У Чепмена было предчувствие, что больше он сюда не

вернется. Так что он разложил для полиции ряд вещей. Среди них была Библия в кожаном переплете. Открыв Евангелие от Иоанна, он взял ручку и исправил название на «Евангелие от Джона Леннона».

Чепмен достал любимую книгу, «Над пропастью во ржи», об одиноком подростке, который у себя в голове ведет войну с «жуликами». Распахнув блестящую красную обложку, он написал: «Вот мое заявление», подписавшись именем главного героя — Холденом Колфилдом.

На пике славы «битлы» часто оказывались запертыми в отеле, потому что у них под окнами буянили толпы поклонников, так что связью с внешним миром им служили помощники. В первые годы жизни в Нью-Йорке Джон боялся поворачиваться спиной к восторженным почитателям, мало ли кто схватит его за волосы. В былые дни люди так и норовили оттяпать ножницами локон-другой, или вцепиться в него со всей дури. Но теперь Джон расслабился: с одной стороны, фанаты были повсюду, с другой — они научились вежливо обращаться к нему. Чувствовать признание Джону нравилось куда больше, чем бегать ото всех.

— Я гуляю по этим улицам вот уже семь лет, — сказал он на радио Би-Би-Си. — Просто выхожу за дверь и иду в ресторан. Знаете, как это здорово? Или пойти в кино. Конечно, люди подходят и просят автограф, или просто здороваются, но больше не пристают ко мне.

До увлечения макробиотикой Джон с Йоко могли нагрянуть в Нижний Ист-Сайд, сесть за столик в древнем кошерном ресторане «Ратнер», заказать сердитой официантке с еврейским акцентом блинчики. Джон был завсегдатаем «Хисае», расположенного рядом с Дакотой, брал там домой рыбу с овощами, или кусок шоколадного пирога, испеченного согласно принципам макробиотики, на меду вместо сахара.

Люди часто видели, как Джон ведет за руку сына к педиатру, а потом среди прочих родителей сидит в приемной с газетой или журналом. Несмотря на то, что бессчетные помощники семейства Леннонов развивали бурную деятельность, Джон находил дома тихое место, где учил Шона рисовать, читать и писать.

В 1979 году Джон с Йоко попытались объяснить фанатам свой выбор, отправив в «Нью-Йорк Таймс» статью с заголовком «Любовное письмо от Джона и Йоко. Тем, кто спрашивает нас что, как и почему». В послании говорилось, что они ценят семейную жизнь и город, где можно жить так, как им нравится: «Дома у нас очень уютно. Шон у нас умница. Цветы растут. Кошки мурлыкают. Солнце ли, дождь ли, снег ли — город сияет». Отказ от

публичности, говорят они, ни в коей мере не означает, что им безразличны те, кто любит их самих и их музыку. «Если вы думаете о нас, — подчеркивается в письме, — помните: наше молчание — это молчание любви, а не равнодушия».

Несомненно, Ленноны были неравнодушны к Нью-Йорку.

В три с половиной года Джон с Йоко устроили Шону визит в дом Гейла, гарлемский приют для детей матерей-наркоманок. Также они послали туда еду и одежду вместе с чеком на 10 тысяч долларов.

В день благодарения чета пожертвовала нуждающимся 1200 пакетов со свежими фруктами, изюмом и орехами, а также шерстяные шарфы. Они организовали доставку тысяч корзин с подарками старикам, неспособным выйти из дома, и малолетним преступникам, заключенным в споффордской следственной тюрьме в Бронксе.

«Сегодня день благодарения, — гласила приложенная записка. — Мы думаем о вас и желаем вам счастья… С любовью, Джон, Йоко и Шон».

Фотограф Боб Груен, друг Джона, предложил бывшему «битлу» попозировать в самой спокойной обстановке. На снимке Леннон, в майке с надписью «New York City», стоит на крыше, а за его спиной виден силуэт Манхеттена.

Джон бесконечно гордился ливерпульским происхождением и акцентом, но Нью-Йорк любил так сильно, как можно любить только дом. «Здесь нет агрессии», — говорил он. В этом городе бывший «битл» и его семья чувствовали себя в полной безопасности.

Глава 3
«Эту боль не объяснишь» [4]

Пол Маккартни наслаждался уединением.

В Сассексе, у себя в поместье, он практически не смотрел телевизор, не слушал радио и даже на ночь выключал телефон. Как и Джон, которого он проклинал, ненавидел и любил, как родного брата, Пол не упускал возможности отгородиться от мира и блаженствовать в кругу семьи. Если были важные дела, ему хватало самодисциплины, чтобы их запомнить. 8 декабря он размышлял о назначенной встрече с Джорджем Мартином, бывшим продюсером «Битлз». Они снова работали вместе над новым альбомом Пола.

Поклонники «Битлз» разделились на несколько лагерей. Одни в развале великой четверки обвиняли Йоко. Другие говорили, что Пол слишком попсовый для авангардного Леннона, и слишком властный чтобы придти с ним к согласию. Маккартни давно стал толстокожим, но все равно болезненно воспринимал критику в свой адрес. Зато его утешал тот факт, что за последние десять лет он достиг куда большего успеха, чем прочие «битлы».

Джордж Харрисон записал целый ряд альбомов, но с 1976 года ни разу не играл вживую. Ринго Старр поначалу выстрелил несколькими хитами, но теперь дела у него шли нешатко и невалко. Ну а Джон с 1975 года вообще был в творческом отпуске.

В свою очередь Пол вместе с Денни Лейном, бывшим гитаристом и певцом «Муди Блюз», в 1971 организовали новую группу, «Вингз», и теперь были на пике славы. Каждый из их двадцати трех синглов вошел в американские чарты «Топ-40». Правда, год выдался тяжелым, а началось все в январе, когда Пола арестовали в Токио за ввоз полуфунта марихуаны (среди поклонников «Битлз» бытовала теория заговора, мол, это Йоко сдала Пола властям своей родины). Пол провел за решеткой девять дней, а потом был выслан из страны и на десять лет стал персоной нон-грата.

Когда «Вингз» собрались вместе, они начали писать новые песни и чистить неизданные. С октября они работали над девятым альбомом в «Эйр Студиос» Джорджа Мартина, на Оксфорд-стрит в Лондоне.

Пол верил в успех. В конце концов, год назад «Coming Up» стала шестым хитом, занявшим в США первое место. Торжество Пола в «постбитловскую» эру было столь вызывающим, что родилось мнение, будто Джон, выпустив «Double Fantasy», хотел

утереть ему нос. Сам Маккартни в этом не сомневался.

Они вечно соревновались друг с другом с того самого мига, как Пол увидел шестнадцатилетнего Джона (в клетчатой рубашке и с прической под Элвиса) на сцене в саду вултонской церкви Святого Петра, где тот пел «Be-Bop-A-Lula».

Сперва Пол решил, что Леннон смотрит на аудиторию надменно и вызывающе — он не понял, что близорукий Джон вообще едва видит слушателей. После концерта ребята познакомились, и Маккартни, это потом вошло в привычку, сразу начал исправлять будущего соратника. Он настроил Джону гитару (это никогда у Леннона не получалось), а потом написал ему правильный текст «Be-Bop-A-Lula» и «Twenty Flight Rock» Эдди Кокрана.

У обоих музыка была в крови. Дедушка Пола, Джо (не путайте с Уилфридом Брэмбеллом, тем самым сердитым ирландским дедом из «A Hard Day's Night»), играл на тубе в строе ми-бемоль. Отец Пола, Джим, в 1920-х был фронтменом в «Джаз-группе Джима Мака». Дома он держал трубу и пианино, купленное в музыкальном магазине, принадлежащем семье будущего менеджера «Битлз», Брайана Эпштейна, и учил сына различать инструменты в песнях по радио.

Пол хотел играть на гитаре, но счел, что это слишком трудно. Он был левшой и не мог извлечь правильный звук из нейлоновых струн. Лишь увидев на плакате другого левшу, Слима Уитмена, чья кантри-песня «Rose Marie» в 1955 году попала на вершину британских чартов, он догадался переставить струны наоборот.

По какой-то причине, возможно, благодаря тому, что мелодии Аппалачей уходили корнями в народные песни кельтов и британцев, Уитмен и другие кантри-певцы очень сильно повлияли на музыкальную сцену Англии; Ринго Старр даже успел постучать на барабанах в группе «Дикий Техас». В 1956 году в Соединенное Королевство пришел скиффл, сплав американского фолка с блюзом и джазом. Прославил его Лонни Донеган, выросший в восточном Лондоне, сын шотландского скрипача. Стиль строился на трех простых аккордах, и через пару месяцев скиффл-группы, как грибы после дождя, вылезли по всей стране, от Брайтона до Абердина.

Учась в средней школе Квори Бэнка, Джон при одобрении и поддержке мамы, Джулии, собрал первую группу, «Кворимен» — ироничная отсылка к тексту школьного гимна («Люди Квори сильны еще до рождения»). Когда к нему присоединился Пол, они сперва взяли название Beetles, если верить легенде, то ли в честь девичьей группы из фильма «Дикарь» с Марлоном Брандо, то ли в честь «Сверчков» Бадди Холли. Потом стали Silver Beetles. И,

наконец, Beatles.

Идея принадлежала Джону — реверанс в сторону бит-музыки, пришедшей на смену скиффлу в промышленных регионах на севере Англии. Потом Леннон будет прикалываться, мол, ему было видение горящего пирога в небесах, объявившего: «Отныне вы Beatles, через „а“».

Из всех, кто был в те времена рядом с Ленноном, лучше всего его проказливую сущность понимала мать. Натуры творческие, Джулия и Джон с трудом уживались среди нормальных людей. Окружающие считали их «тупицами», они же платили им презрением. Джулия любила прикалываться: например, надевала очки без стекла, а потом сквозь оправу терла пальцем глаз. Вопреки тому, что ожидалось от женщины ее поколения, искрометная рыжеволоска ничуть не стеснялась ни собственной чувственности, ни того, что нажила со своим парнем, Бобби Дайкинсом, двух дочерей вне законного брака. К домашним хлопотам она питала отвращение, и всячески это демонстрировала, например, вытирая пыль, изображала танцевальные па.

У себя в семье Джулия считалась плохой матерью, а потому большую часть детства Джон прожил у ее сестры, Мими. Но каждый поход в гости к маме запоминался надолго. Как-то раз она развлекала друзей Джона тем, что подметала полы с женскими рейтузами на голове.

Джон любил ее сильнее всех на свете. 15 июля 1958 года он сидел с Джоном Дайкинсом у нее дома, когда в дверь постучал полицейский.

— Ты сын Джулии? — спросил он.

— Есть такое дело.

— Прими мои соболезнования. Твоя мать погибла.

Джулия, выходя от Мими, наткнулась на друга Джона, Найджела Уолли. Им было по пути, так что они вместе шли по Менлав авеню, шутили и смеялись, а потом Найджел, попрощавшись с Джулией, свернул к дому на Вейл Роуд.

Пройдя ярдов пятнадцать, он услышал визг колес, а потом удар. Подросток крутанулся на месте, и его глазам предстала кошмарная сцена. Тело матери его друга пролетело по воздуху сотню футов, и рухнуло на землю.

Джулию сбила машина «Стэндэрд-Вэнгард», в которой ехал с работы полицейский Эрик Клейг.

— Миссис Леннон просто выскочила на дорогу перед машиной, — заявил он впоследствии. — Объехать ее было просто невозможно. Я не превышал скорость, честное слово. Просто так вышло, иногда жуткие вещи случаются сами собой.

Официальная причина смерти: повреждения мозга осколками черепа.

У Джона это не укладывалось в голове. Только что рядом была гордая, независимая женщина сорока четырех лет отроду, и вот ее не стало. «Эту боль не объяснишь, — пел он в 1970-м. — У меня погибла мама».

— Я потерял ее дважды, — поведает Джон журналу «Плейбой». — В первый раз в пять лет, когда меня забрали к тете, а второй — когда она умерла. Мне стало еще горше. Детская травма просто разрывала меня на части. У нас только-только наладились отношения, и тут она погибла.

Как бы не собачились Маккартни с Ленноном, у них было одно горе на двоих. За восемь месяцев до встречи с Джоном Пол тоже потерял мать. Мэри, работавшая акушеркой, умерла от эмболии во время операции по удалению молочной железы. Хотя Пол, в отличие от друга, скрывал свою боль, но он тоже назвал ребенка в честь матери, и воспел в песне «Let It Be» «Маму Мэри», несущую утешение. В будущем и тот, и другой захочет, чтобы жена участвовала в жизни группы — признак того, что обоим для душевного спокойствия необходимо, чтобы любимая женщина была рядом.

Маккартни-старший всегда считал Джона «дурной компанией». И в самом деле, прилежный ученик Пол, связавшись с Ленноном, потерял интерес к учебе. Стоило отцу выйти за порог, он звал в гости друга, и они вместе писали песни. Это было удивительно, учитывая, что английские звезды того времени либо перепевали американские хиты, либо покупали мелодии у признанных композиторов. Поначалу Пол больше тяготел к музыкальным изыскам и красивым историям, а Джон стремился выплеснуть боль и гнев. Он пел с ярким ливерпульским акцентом, не пытаясь подражать американской манере исполнения.

Естественно, на ребят сильно повлияли чернокожие певцы, такие, как Литл Ричард и Сэм Кук, а так же неизменное почтение ко многим элементам черной культуры в США. И хотя в их песнях прослеживаются американские ритмы и мелодии, Маккартни с Ленноном быстро нашли собственный, уникальный стиль. Многие верят, что из толпы конкурентов «Битлз» выделяла сила и искренность, звучащие в голосе Джона. И хотя Пол с Джорджем, как музыканты, превосходили Джона, его летящая, но мягкая манера игры привносила в музыку страсть и затейливость.

Иногда Пол придумывал начало песни, а Джон доводил ее до ума. Бывало, текст, написанный одним из них, не требовал доработки. Оба верили, что станут звездами, а потому старались

делать коммерческий продукт. Но если Полу нравились романтичные, обнадеживающие песни, то Джон придерживался мнения, будто певец должен выражать личные переживания.

Слова Джона: «Можно сказать, что Пол привносил легкость и оптимизм, а я выбирал печаль, диссонанс, налет блюза».

Однако по версии Пола было бы ошибкой считать его тихоней, приписав весь запас хард-рокового цинизма исключительно Леннону. О черном юморе Джона не написал только ленивый, но и Маккартни временами прохаживался на тему матери Леннона, жившей не пойми как, а так же любил шпынять Джона по мелочам. Линда Маккартни впоследствии признала, что дома муж бывал «неприятно резок».

К 1980 году горечь по поводу распада «Битлз» отступила на задний план, и Джон с Полом смогли честно признать таланты друг друга. Джон называл игру Пола на басу новаторской и недооцененной. «Во всем остальном он отъявленный эгоист, — сказал Леннон в интервью „Плейбою“. — Но по поводу собственной игры на басу он всегда скромничал». По его словам, как и Ринго, не получивший должного признания, Пол всегда был на уровне. «Как музыканты, как люди, вдохновенно издающие всякие звуки, они ничуть не хуже других».

В свою очередь Пол сравнивал Джона с Элвисом. «Я всегда преклонялся пред ним», — признался он.

С пластинкой «Double Fantasy» под мышкой Марк Дэвид Чепмен вышел из номера отеля. Потом он сравнит этот миг с проходом через громадный портал, когда прошлое навсегда остается позади.

«Я был как поезд без тормозов… — скажет он. — Ничто не могло меня остановить».

Болезненная фиксация на известном человеке приключилась с Чепменом не впервые. В интервью с Ларри Кингом он вспомнил случай, когда узнал, что Лесли Нильсен и Роберт Гуле придут на открытие художественной галереи. Он сразу бросился туда. Гуле с кем-то беседовал. Чепмен похлопал его по спине, и актер обернулся, недоумевая, почему этот парень лезет в его разговор.

Нарциссист Чепмен и думать не думал о правилах этикета. Он попросил Гуле сфотографироваться вместе, и тот уступил, даже сумел выдавить улыбку. Чепмен ощутил прилив собственной значимости. Но, как он вспоминает, на выходе из галереи его самооценка куда-то улетучилась.

Если честно, причина этого непонятна. Он был женат на прелестном создании, жена любила его, несмотря на все закидоны, депрессию и паранойю. Ревностный христианин, он не

раз находил утешение у собратьев по вере, и любая из бесчисленных церквей Нью-Йорка приняла бы его в свои объятия. Прихожане наверняка избавили бы его от револьвера, который он купил полтора месяца назад за 169 долларов, и (в те дни к безопасности в аэропортах относились спустя рукава) уже четырежды протащил на борт самолета.

Речь идет о револьвере 38-го калибра «Андеркавер Спешл» производства Чартер-Армз. Полицейские берут этот короткоствол для личного пользования, потому что он чуть легче, чем табельный Смит-и-Вессон. Чтобы пуля прошила человеческое тело, она должна лететь со скоростью минимум 300 футов в секунду. Пятизарядный револьвер Чепмена перекрывает эту планку в два с половиной раза. Но главный ключ к успеху — оказаться в нужном месте в нужное время. Чепмен хотел, убив Леннона, увековечить свое имя. Если убийца промахивается, его имя забывают через пару дней, особенно в Нью-Йорке, где постоянно разыгрываются криминальные драмы.

Как раз в то утро в новстях показывали суд над Джин Харрис. Аристократка, бывшая директриса привелегированной школы для девочек «Мадейра» на краю округа Вашингтон, попала на скамью подсудимых за убийство любовника, Германа Тарновера, разработчика скарсдейлской диеты.

Днем ранее детектив Артур Сицилиано заявил суду, что обвиняемая призналась: «Я так сильно любила его, но жить с ним было невыносимо. Он не пропускал ни одной юбки, и я не выдержала».

В июле произошел другой случай. В Метрополитен-опере на выступлении Берлинского балета играла скрипачка, родившаяся на ферме в Канаде, и так любившая музыку, что поступила в музыкальную школу Джулеарда. В антракте она вышла, оставив инструмент на стуле. Когда она не вернулась, другие оркестранты сообщили охране. На следующий день ее нашли мертвой. Голое, связанное тело с кляпом во рту лежало на дне вентиляционной шахты. Прямо загадка из фильма Хичкока. Пятьдесят детективов допросили 300 исполнителей и сотрудников театра. В конце концов они арестовали Крейга Стивена Криммингса, сценического работника двадцати одного года отроду из Нью-Джерси. Согласно материалам дела, он попытался изнасиловать жертву на крыше оперы, а потом сбросил ее в шахту.

8 декабря 1980 года коллеги и друзья подозреваемого собрали 50 тысяч долларов и внесли за него залог. «Мы все ее оплакивали, — сказал Криммингс в интервью „Нью-Йорк Пост“. — Я сидел и ждал, день за днем, что вскоре окажусь на свободе и смогу доказать, что невиновен».

Когда в июне 1981 года Криммингс был осужден за убийство, никто не обратил внимания.

У людей с уст до сих пор не сходило имя Марка Дэвида Чепмена.

Глава 4
Не боюсь бояться

Одна из самых трогательных песен из «Double Fantasy» — это «Beautiful Boy», где отец со всей нежностью поет о любви к маленькому сыну. Фанаты не впервые слышали, как Джон открывает свое сердце. В «Beautiful Boy» он поведал им, ради чего живет.

«Не могу дождаться, когда ты повзрослеешь, — пел Джон о долгом пути Шона к превращению в мужчину. — Но нам обоим стоит набраться терпения».

Там же звучит голос Йоко, советующий Шону не сдерживать слезы, не прятать собственные чувства. Это не певица развлекает слушателей интересными стихами, это мать поддерживает сына, объясняет, что родители любят его без всяких условий, им не надо доказывать свою крутизну.

Сам Джон Леннон давным-давно прошел этот этап. «Я не боюсь бояться, — сказал он в интервью „Роллинг Стоун“, — хотя это всегда страшно. Но гораздо мучительнее не быть собой».

Какие бы испытания ни ждали Шона в будущем, эта песня навсегда останется с ним — подарок отца, голос, убеждающий не переживать, потому что в конце концов все наладится.

Шон будет слушать, как Джон рассказывает о бесконечной радости — держать сына за руку, когда они переходят через улицу, оберегать его не только от машин, но и от любых страхов.

Жизнь самого Джона Уинстона Леннона начиналась абсолютно иначе. Когда он 9 октября 1940 года появился на свет на втором этаже роддома на Оксфорд-стрит, его отец был в море, а на Англию сыпались немецкие бомбы.

Отец Джона, Альфред, известный как Альф или Фред, был внуком иммигрантов, переехавших в Ливерпуль из графства Даун в северной Ирландии. Вероятнее всего они происходили из клана О'Линнаинов или О'Лонаинов. По легенде отец Альфа, Джек, был певцом, колесившим по США в 1890-х. Он красился в черный цвет и исполнял негритянские песни в Кентукки. Достоверных фактов этой версии нет, но то, что в их роду увлечение музыкой передавалось из поколения в поколение — несомненно. Как и его будущая жена, Альф пел и играл на банджо.

Младенцем Альф болел рахитом, от чего стал низкорослым и был вынужден носить фиксаторы ног. Компенсируя эти недостатки, подросток с ямочкой на подбородке веселил друзей и родственников, подражая голосам и рассказывая истории. Уже

будучи взрослым, он развлекал знакомых тем, что пел, как Луи Армстронг или Эл Джолсон, и травил байки, как его неграмотная мама, Поли Магвайр, якобы предсказывала будущее по игральным картам и чайным листьям.

Как и Джулия Леннон впоследствии, Поли не могла заботиться о собственном ребенке. Когда умер Джек Леннон, Поли пыталась прокормить семью, занимаясь стиркой. К сожалению, у нее было слишком много детей и слишком большие расходы. В итоге, младших, Альфа с сестренкой Эдит, отправили в близлежащий сиротский приют «Блю Коут».

Существование там было далеко не безоблачным, вдобавок Альф терпеть не мог подчиняться приказам. Так что в пятнадцать лет, в 1927, он прибился к детскому варьете и убежал с труппой. Примечательно, что работники сиротского приюта отправили за ним погоню. В конце концов его поймали в Глазго и заставили вернуться.

Когда Альф достиг совершеннолетия, он пошел в гражданский флот, где работал на круизных судах коридорным и стюардом.

Еще в пятнадцать он положил глаз на четырнадцатилетнюю Джулию Стэнли, дочь из обеспеченной семьи, уходящей корнями в Уэльс. Но возможность заговорить с ней представилась не сразу. Джулия сидела на кованой лавочке в Сефтон-парке. Ей просто некуда было деваться, когда к ней подошел Альф, в котелке и с мундштуком в руках.

— Глупый видок, — сказала Джулия.

— А у тебя очень милый, — ответил Альф, присаживаясь рядом. Джулия покачала головой.

— Отвали, — потребовала она. Альф не тронулся с места.

— Тогда хоть шляпу сними.

Альф Леннон продемонстрировал ту непосредственность, которой будет славиться его сын. Сняв котелок, он зашвырнул его в озеро.

Уже по этой сцене можно было о многом судить. Пара вырастет, но импульсивность, озорство, соперничество и инфантильность никуда не денутся.

Они будут питать страхи и творческую энергию Джона Леннона, определять его сущность до самой эры «Double Fantasy».

Семья Джулии жила на Ньюкасл Роуд, неподалеку от приюта, где держали Альфа Леннона. Поскольку Ливерпуль стоит на реке Мерси, многие мужчины в этом городе зарабатывали на жизнь работой в доках или в море. Отец Джулии, Джордж, не был

исключением. Правда, в отличие от Альфа Леннона, он никогда не связывал с океаном все надежды. С появлением детей он устроился оценщиком ущерба в страховую компанию, даже купил жилье в пригороде. Стэнли обосновались в опрятном доме с верандой в районе Вултона, известном как Пенни-Лейн.

Альф им не понравился с самого начала. Родители считали, что Джулия слишком юна и непредсказуема, чтобы заводить отношения с мальчиками, а ее избранник ей не ровня. Джордж Стэнли даже попытался устроить Альфа на китобойное судно, потому что оно уходит в море на два года — приличный срок, чтобы Джулия подыскала себе кого-нибудь получше.

Альф отказался от щедрого предложения. В 1938 году, спустя одиннадцать лет после первой встречи, Джулия предложила Альфу Леннону сочетаться браком.

Пара поженилась в ливерпульском ЗАГСе на Болтон-стрит. Свидетелем был брат Альфа, Сидни. Со стороны невесты не пришел никто.

Отпраздновали бракосочетание в ресторане «у Риса» на Клейтон-сквер — вполне пристойная забегаловка, где собирались местные масоны. Потом они сходили в кино, и Альф отправился в меблированные комнаты, а Джулия вернулась к себе домой со свидетельством в руках.

— Смотри! — крикнула она папе. — Я вышла за него замуж!

На следующее утро Альф уплыл в западную Индию. В Ливерпуль он вернулся только через три месяца.

После рождения Джона, Стэнли, скрипя зубами, разрешили Альфу жить у них дома во время увольнений. Шла война, Альф служил матросом на транспортном судне. В первое время вся его зарплата приходила жене. Но в 1943 году чеки перестали поступать. Альф ушел в самоволку.

Общее чувство, что любимый человек их бросил, сплотило Джона и маму. Джулия устроилась работать в кафе рядом со школой сына, каждый день отводила его туда и забирала после уроков. Но в двадцать девять лет у Джулии были и такие потребности, которые сын удовлетворить не может. Перед исчезновением Альф, возможно, уже решивший бросить семью, начал в письмах убеждать ее не сидеть взаперти. Она поймала его на слове, и в 1945 году познакомилась с солдатом из Уэльса. Вскоре она забеременела. Служивый знал, что его любовница технически до сих пор замужем, и отказывался жить вместе, пока Джулия не сбагрит кому-нибудь последнее напоминание о неудачном браке — собственного сына.

Джулия выбрала Джона.

Ее родители пришли в ужас. Они потребовали, чтобы она отдала Джона на усыновление. Посреди скандала в Ливерпуль нагрянул Альф. Взяв на себя всю вину за сложившуюся ситуацию, он сказал, что готов растить второго ребенка как родного.

Джулия отказала ему. Ей хотелось нормальной жизни, а рассчитывать в этом на Альфа было бесполезно. Ее дочь, впоследствии крещеная как Лилиан Ингрид Мария Педерсон, через десять дней после рождения была удочерена семьей норвежского моряка.

Тем временем Альф пытался завоевать сердце сына. В 1946 году он взял его с собой в Блэкпул, изначально рабочий поселок, а теперь курортный город на берегу Ирландского моря.

Когда Джулия узнала, что муж планирует из Блэкпула тайно вывезти Джона в Новую Зеландию, она сразу бросилась спасать сына.

На глазах у сына муж и жена яростно спорили о будущем ребенка.

— Тебе выбирать, — сказал Альф пятилетнему сыну. — С кем ты хочешь жить?

— С тобой, — ответил сбитый с толку ребенок. Он еще не отошел от замечательных выходных с отцом.

— Точно? — закричала Джулия.

Помедлив, Джон кивнул.

Обиженная решением малолетнего сына, Джулия бросилась прочь.

Спустя миг до нее донеслось, как Джон плачет и зовет маму. Обернувшись, она увидела, как он бежит к ней с раскинутыми руками.

Альф уехал из страны. Потом Джон скажет английскому писателю Хантеру Дэвису: «Он был для нас как будто мертв».

Марк Дэвид Чепмен шел по Централ-Парк-Уэст в сторону Дакоты. Мысли крутились вокруг того, как в номере он отрабатывал выстрел перед зеркалом. «Когда я в следующий раз возьму пистолет, — подумал он, — все будет по-настоящему». Если его не убьют на месте, он будет молчать. Пускай читают «Над пропастью во ржи», там все сказано.

Виды Нью-Йорка напомнили Чепмену сцену в книге: главный герой, Холден Колфилд, с командой по фехтованию приезжает в город и забывает рапиры в метро. Соревнования отменяют, все злятся на Холдена. «По дороге назад на меня демонстративно не обращали внимания, — говорит Холден читателю. — По-своему, было даже забавно».

Но Чепмен знал, что это совсем не забавно. На него тоже

никто не обращал внимания. Ничего хорошего в этом не было.

Когда в 1970 году «Битлз» распались, любовь к ним Алана Вейса пошла на спад. Он слышал по радио песни с «Double Fantasy», они даже ему понравились. Но, по его мнению, сольные проекты «битлов» не шли ни в какое сравнение с тем, что великая четверка делала вместе.

Не то чтобы у него было время на подобные размышления, у старшего продюсера программ на «WABC News» хватало забот и без «Битлз». В 1968 году телекомментатор Эл Примо привез из Филадельфии собственную концепцию «прямого наблюдения», и тем самым навсегда изменил характер новостных репортажей в Америке. Передача начиналась с быстрой мелодии, напоминающей треск телетайпа, и была выдержана в духе городской молодежи. Комментаторы больше не зачитывали новости с листа, они отправлялись в какой-нибудь Вашингтон-хайтс или на Кони-Айленд, брали интервью у жертв и разделяли с ними горе. Через его школу прошли такие люди, как Том Снайдер, Говард Коуселл, Джим Бутон — бывший игрок «Нью-Йорк Янки», разворошивший мир бейсбола, выдав в своей книге «Четвертый мяч» кучу инсайдерской информации, Роуз-Энн Скамарделла, прообраз Роузэнн Роузэннадэнн из «Субботним вечером в прямом эфире» Джильды Рэднер, и друг Джона Леннона, Джеральдо Ривейра.

8 декабря 1980 года Вейс упорно готовил шестичасовой выпуск новостей. В его распоряжении были истории о вандалах, рисующих граффити, нью-йоркских родственниках заложников в Тегеране, и демонстрантах, готовящихся встретить свежеизбранного Рейгана. По указу начальства выпуск в 16:30 начался с предупреждения, что в связи с приездом нового президента перекрывают движение. Теперь Вейсу предстояло заполнить дополнительные полтора часа эфира и найти способ вовремя получить отснятый метраж.

Нью-Йорк стал одним из последних городов, закупивших новостные фургоны со спутниковой связью. Как потом объяснил Вейс, каналу в какой-нибудь Уичите или Такоме достаточно одного-двух фургонов. «Если что-то не работает, это не беда. Но в Нью-Йорке их понадобится штук двадцать. И надо быть уверенным, что все функционирует как положено. Так что такие вещи сперва обкатываются на небольших рынках».

В 1980 году некоторые операторы еще снимали на пленку. Прямая трансляция была в зачаточном состоянии. Так что нужен был способ доставлять отснятый материал в студию. Когда из-за забастовки весь город стоял в пробках, канал закупил для

курьеров мотороллеры.

— Забастовка кончилась, и курьеры больше не хотели ездить на мотороллерах, — сказал Вейс. — В Нью-Йорке это небезопасно.

В итоге WABC выставила их на продажу. Один за 650 долларов купил Вейс.

В тот день он строил планы на вечер. После работы у него было свидание на другом конце Манхеттена. Он решил поехать на мотороллере напрямик через Центральный парк. Так выходило быстрее всего.

В один прекрасный миг семья решила, что беспорядочная жизнь Джулии не подходит для воспитания ребенка. Джона отправили к ее старшей сестре, Мэри — известной всем фанатам, как тетя Мими.

Хотя Джон предпочел бы остаться с матерью, чтобы помогать ей и просто быть рядом, он понимал, что другие члены семьи думают о его благе. Несмотря на строгие правила, ему нравилось у Мими, в том числе из-за того, что она жила рядом с детским домом Армии спасения под названием «Земляничная поляна». Летом там устраивали концерты и всяческие праздники, и Джон с друзьями были там частыми гостями. Еще они играли в соседнем лесу, который, следом за детским домом, тоже прозвали «Земляничные поляны». Спустя годы Джон поведал «Плейбою»:

— «Земляничные поляны» — реальное место. Когда я переехал из Пенни-Лейн к тете… в милый отдельный домик с маленьким садом, где вокруг жили всякие врачи, адвокаты… В классовой системе я оказался на полголовы выше Пола, Джорджа и Ринго, обитавших в муниципальном жилье. У нас был собственный дом с садом… А рядом — «Земляничные поляны»… Там устраивали праздники на открытом воздухе, ребенком я часто туда бегал… Мы там зависали, продавали лимонад в бутылках за пенни. В «Земляничных полянах» всегда было весело. Вот откуда взялся этот образ — «Земляничные поляны» навсегда.

Может, Мими и была старомодной, но она ценила природные таланты Джона, если те могли как-то помочь ему в дальнейшей жизни. Благодаря ее поддержке, Джон пошел в хор в церкви Святого Петра. Ему нравилось петь перед аудиторией, но он сам все испортил. На празднике урожая Джон с друзьями заметили среди украшений кисти винограда. Они их украли и съели, не потому, что так любили виноград, а лишь потому, что им строго-настрого запретили это делать. В результате, Джона и еще нескольких мальчиков выгнали из хора.

Мими разозлилась и распереживалась. Понятное дело, не кража винограда была тому причиной. Она боялась, что

непокорность, унаследованная от родителей, обернется для него столь же незавидной участью.

Муж Мими, Джордж, пытался выстроить с Джоном товарищеские отношения, вместе с ним читал книги, иногда шел с ним гулять на весь день. Дядя Джордж был не такой, как Мими, он любил азартные игры, не понаслышке был знаком с пороками, чем купил Джона с потрохами. Он и сам привязался к племяннику, купил ему велосипед и губную гармошку. Благодарный Джон таскал ее в кармане, и, рисуясь перед друзьями, играл в автобусе.

— Еще у меня был маленький аккордеон, — в 1971 году сказал Леннон в интервью поп-музыкальному таблоиду «Рекорд Миррор». — Я играл на нем только правой рукой, те же самые вещи, что и на губной гармошке.

Любимые песни десятилетнего паренька были «Moulin Rouge», «Swedish Rhadsody» и «Greensleeves».

— Никогда не понимал, почему никто не разглядел меня раньше? — сказал он в 1970 году в интервью издателю «Роллинг Стоун» Дженну Веннеру. — Как они не замечали, что я умнее всех в школе, и что учителя те еще тупицы?

Тетя Мими и дядя Джордж в какой-то мере верили, что Джон наделен особыми талантами, и что их можно направить на общественно полезные дела. Они думали, что Джулия была исключением, но ведь остальные Стэнли — честные, трудолюбивые граждане. Надо было научить Джона быть не столько Ленноном, сколько Стэнли. В 1955 году, в возрасте пятидесяти двух лет, Джордж внезапно умер от кровоизлияния.

Джон в очередной раз убедился: все, что поначалу кажется хорошим, потом обернется очень плохим.

Взять хотя бы Бобби Дайкинса, красавца-сомелье. После всех пертурбаций Джулия наконец нашла себе мужчину, и он переехал к ней жить. Но и он оказался не без изъяна. Напившись, он поколачивал маму Джона. Тем не менее, в подростковом возрасте Джон часто оставался ночевать у мамы, дразнил сводных сестер, Джулию и Джеки, отбирал у них домашнее задание и держал над головой. Девочкам и Джону нравилось, как мама играет на аккордеоне и поет детские песенки. Когда она доходила до особо яркого момента, например, главный герой подглядывает, как плюшевые мишки устроили пикник, пальцы у нее так и летали, звук сливался в общий фон, совсем не похоже на каллиопу в песне «Битлз» «Being for the Benefit of Mr. Kite»

Когда к группе Джона присоединился Маккартни, он тоже стал частым гостем в доме. Они репетировали в ванной, где, по мнению Пола, акустика была точь-в-точь как в

звукозаписывающей студии. Джулия ходила на концерты «Кворимен», смешивалась с толпой, танцевала под музыку, свистела и хлопала громче всех. «Мы были так счастливы, — написала сестра Джона, Джулия Берд, в книге „Только представь“. — Я жила как в сказке, и не подозревала, что лучше мне уже никогда не будет».

Когда мама Джона погибла, Дайкинс, слишком раздавленный, чтобы рассказать дочерям о несчастном случае, тут же увез их в Шотландию. А Джон остался. Он не пошел в центральную больницу Сефтона, где лежало тело, а на похоронах положил голову на колени тете Мими. Потом несколько месяцев он отказывался говорить с Найджелом Уолли, последним, кто видел Джулию в живых. При виде друга Джон мог думать только о пережитой трагедии.

Эрик Клейг, сидевший за рулем машины, сбившей Джулию, хотел выразить ее семье соболезнования, но боялся встретить злобный прием. Когда шло следствие, Мими в ярости ткнула пальцем в констебля и заорала: «Убийца!»

Коронер объявил, что Джулия вышла на проезжую часть, не посмотрев по сторонам. Подобно сыну, ее ум занимали куда более интригующие вопросы, нежели правила перехода улицы.

Природное недоверие к учреждениям, предназначенным для помощи людям, переросло у Джона в жгучую ненависть. Это отношение поменялось, лишь когда в его жизни появился Шон, и бывший «битл», вырвавшись из цепких лап музыкальной индустрии, начал радоваться домашнему уюту, красоте парков и городской жизни, постоянно кипящей вокруг.

Глава 5
Тонкий лед

Джорджу Харрисону надоел рок-н-ролл. Вот уже больше года он работал над новым альбомом. Никакого желания ускорять процесс не было — значительное изменение на фоне ранних «Битлз», когда группа выдавала по два-три альбома в год. И коммерческий потенциал собственной музыки Джорджа тоже не волновал. Пускай все продюсеры очарованы нью-вейвом, это же не значит, что он должен идти у них на поводу? Когда Харрисон в сентябре 1980-го принес на «Уорнер Бразерс» первую версию «Somewhere in England», руководство компании было разочаровано. Несмотря на громкое имя, четыре трека забраковали сразу. «Слишком уныло, — сказали ему. — Слишком пессимистично».

Да что они знают, эти пиджаки? Им даже макет обложки встал поперек горла. Сердитый Харрисон вернулся в студию особняка Фрайер-парк в Хенли-на-Темзе, и в ноябре вышел оттуда с заменой. К его радости, к нему присоединился Ринго. Они вместе поработали над альбомом Джорджа, а еще записали кавер-версию «You Belong to Me» для следующего проекта Ринго, «Stop and Smell the Roses».

Джордж всегда с удовольствием помогал Ринго. Как и все остальные. Пускай у Ринго были проблемы с алкоголем, но он был хорошим человеком, и его все любили. А о Джоне Ленноне так сказать было нельзя. С ним всегда начинались разборки. Последний случай — реакция Джона на книгу Джорджа «Я, мне, мое». По словам Леннона Джордж похвалил каждого музыканта, с кем работал, кроме него. Джордж пришел в негодование. Столько лет он жил в тени великих Джона и Пола, и что теперь? Они сами хоть чуть-чуть о нем думают? Весь мир превозносит Леннона как бога, а он, видите ли, обиделся, что его не упомянули.

Вот же ходячая неприятность.

А чего Джон хотел? Когда рассказывают историю «Битлз», всегда делают акцент на судьбоносной встрече Джона Леннона и Пола Маккартни. А какую роль сыграл Джордж Харрисон никого не интересует. Первую гитару ему купили еще в тринадцать лет, а Маккартни он знал еще до того, как нарисовался Джон. Пол не без основания считал его весьма приличным музыкантом, и когда ребята собирали «Кворимен», попросил его сыграть для Джона на заднем сидении автобуса. Джордж был всего на год младше Пола и на два — Джона, но Леннон сразу начал ныть, мол, Пол тащит в

группу «сраных детей». Правда, услышав, как играет Джордж, взял слова назад.

Забавно, что в какой-то момент Джордж ушел из группы, чтобы учиться на электрика. Но эта профессия была не для него, и он вскоре вернулся. Харрисон очень сильно повлиял как на музыку, так и на философию «Битлз». Но Пол вечно называл его «младшим братом». Он-то думал, что так выражает любовь. Но Джордж слышал в его словах высокомерие, снисходительность. Ему казалось, что ни Пол, ни Джон так и не смогли перерасти подростковое отношение и увидеть в нем равноправного члена группы.

Дело шло к полудню. Джон сидел в парикмахерской на Манхеттене. Сейчас они с Йоко активно занимались продвижением своего альбома. Пока все шло путем. Те хиты, что крутили по радио — «Do That to Me One More Time» Кэптина и Тинайла, «Call Me» Блонди, «Crazy Little Thing Called Love» Квин — с головой погружали слушателя в семидесятые, а «Double Fantasy» была встряской, дорогой в новое десятилетие. Мало того, что люди доброжелательно принимали их музыку, Джона неизменно радовало ощущение, что именно он, а не лейбл и не пиарщики, контролирует процесс. Здесь надо поблагодарить Йоко. Мало кто понимал крепость ее деловой хватки, а ведь в успехе «Double Fantasy» она сыграла немалую роль.

По возвращении в Дакоту Джона с Йоко ждала фотосессия у соседки сверху, Энни Лейбовиц, а потом — интервью для радио. А потом они отправятся в студию, где наведут последний глянец на «Walking on Thin Ice».

С точки зрения рок-звезды лучшего дня и желать нельзя.

В 1970, через три года после того, как Дженн Веннер начал выпускать «Роллинг Стоун», Лейбовиц, бывшая студентка Художественного института Сан-Франциско, показала ему свои работы. Веннеру понравилось, и он дал Энни первое задание. Результат — черно-белая фотография на обложку: взъерошенный Джон Леннон в джинсовой рубашке и рабочих брюках, его напряженный взгляд пронзает толстые стекла очков. В нем нет той дебильной манерности, которую так любили демонстрировать «битлы». Слегка изогнутые губы Джона обрамлены аккуратно подстриженной бородкой. Фотография говорит о мироощущении Леннона-музыканта: юношеский угар «Битлз» позади. Джон повзрослел, у него своя голова на плечах.

Лицо Джона смотрело с обложек журналов по всему миру. Но именно этот снимок был для него особенным. В нем сиял и внутренний настрой Лен-нона в переломный момент

музыкальной карьеры, и талант фотографа.

Появление в «Роллинг Стоун» открыло перед Лейбовиц двери мира рокеров. В 1975 году журнал выбрал ее как официального фотографа их мирового турне. Энни сделала сотни снимков. В памяти у всех осталась черно-белая постановочная фотография Мика Джаггера и Кита Ричардса. Оба без рубашек, Кит важно надулся, в бандане и с белым шарфом на шее, выпятив живот вперед. Мик, напротив, скромно смотрит в объектив, он больше похож на школьника, позирующего для выпускного альбома, чем на рок-звезду.

В очередной раз Лейбовиц сделала культовую обложку для «Роллинг Стоун».

Ленноны считали Энни другом. Ей они тоже нравились, но она не могла так легко к ним относиться.

— Они были для меня как боги, — сказала она в интервью «Роллинг Стоун». — Помню, какое впечатление на меня произвел их поцелуй на обложке «Double Fantasy». Восьмидесятые были не самой романтичной эпохой, и поцелуй — это было так восхитительно.

Энни узнала, что Джон подстригся, лишь когда зашла домой к Леннонам. Спроси он ее заранее, она бы его отговорила. Фотосессия началась пятью днями ранее, и вдруг Джон меняет образ. Нельзя сказать, что Энни разозлилась, она просто недоумевала, что подвигло Джона на такой шаг.

Тот объяснил, что носит длинные волосы со времен «битлов». Это, конечно, смотрится здорово, но «ухаживать за ними — такая морока».

Вопрос замяли. Важнее было решить, каким Джон хочет предстать перед миром. Лейбовиц пообещала ему очередную обложку «Роллинг Стоун» и пыталась вырулить в сторону одиночного снимка. Джон с Йоко переглянулись. Их такой вариант не устраивал. Они вместе работали над «Double Fantasy», и хотели отобразить, что они — команда. Энни ударилась в панику. Редакторы журнала хотели Джона Леннона, одного, без жены. Но с этим чета боролась с тех пор, как Йоко впервые пришла на репетицию «Битлз». Они знали, как выиграть эту битву.

Хотите Джона — получите Джона с Йоко. Не согласны — проваливайте.

Ленноны понимали, что камень преткновения — не Энни. Дело в «тупицах», как сказала бы Джулия Леннон, сидящих где-то там, в конференц-зале. Энни меньше всего хотела бы обманывать их доверие. Она оглядела комнату. В окна, выходящие на парк, лилось солнце. Джон и Йоко сидели довольные. Лейбовиц

предложила им раздеться и обняться.

Джон тут же разоблачился. А Йоко почему-то забуксовала. Они уже тысячу раз снимались голышом, и она никогда не испытывала комплексов. Что сейчас не так? Энни слишком уважала Леннонов, чтобы причинять им неудобство. Она решила не давить, посмотреть, что будет делать Йоко.

— Рубашку я сниму, а штаны не буду, — предложила Йоко. Энни была разочарована, но легко подстроилась.

— Оставляй все, — сказала она.

Йоко легла на пол, расслабилась и закрыла глаза. Голый Джон свернулся клубочком рядом, согнул ногу и положил ей на живот. Он тоже закрыл глаза и поцеловал ее в щеку.

— Складывалось впечатление, что она безразлична, а он так и вцепился в нее, — расскажет потом Лейбовиц.

Она подняла фотоаппарат, понимая, что это — особый миг. После всех страданий детства, Джон, голый и ранимый, чувствует себя защищенным, обнимая волевую женщину, которую зовет «матушкой».

Чепмен косился по сторонам. Окружающий мир давил на все чувства: проносились желтые пятна такси, в потоке машин сновали люди, вдоль каменной ограды Централ-Парк-Уэст стояли и курили прелестные девушки, ветер нес листья, обрывки газет и фантики, разливался запах соленых крендельков, жаренных на угле, и крики торговцев. Вдруг он почувствовал, что ему чего-то не хватает. Он всегда носил с собой томик «Над пропастью во ржи», сейчас тот остался в отеле. Без него у Дакоты делать нечего. На ближайшем светофоре Чепмен свернул в сторону Бродвея. Там он нашел книжный магазин и купил себе новую книгу.

Холден Колфилд не любит насилия, думал Чепмен, даже если в воображении он и разряжает револьвер в живот человеку, жулику, который его предал. Он оправдывал в собственных глазах то, что собирался сделать. Он свято верил, что действует на благо всего человечества, и поступок превратит его в реального Холдена Колфилда, «квази-спасителя», «ангела-хранителя».

Его имя встанет в один ряд с Джоном, Полом, Джорджем и Ринго.

Смирившись с тем, что не быть Джону ни бизнесменом, ни докером, тетя Мими отправила племянника поступать в Ливерпульское художественное училище, и даже сходила с ним на собеседование. Впервые Леннон очутился среди сверстников, которые его понимали. Рисуя обнаженную натурщицу, молодые

парни изо всех сил пытались забыть, что перед ними стоит голая женщина. Джон, как обычно, отличился. С присущим ему талантом попадать в неловкие ситуации, он сперва выразил охватившее всех волнение, громко взвизгнув, а через несколько секунд пронзительно захихикал. Вскоре весь класс, вместе с моделью, охватил истерический хохот.

Даже в окружении собратьев-художников Джон примечал то, что ускользнуло от внимания остальных. Как-то раз, пока все вырисовывали контуры тела натурщицы, Джон набросал единственный предмет у нее на теле, наручные часы.

Хоть Ливерпуль и был провинцией, там нашлась своя богемная тусовка, и Джон быстро очутился в ней. Он ходил на выставки, поэтические чтения и на джазовые концерты в таких темных, уединенных заведениях, как клуб «Пещера».

Джордж Харрисон и Пол Маккартни учились в Ливерпульском институте по соседству, ребята бегали в художественное училище на обед, вместе с Джоном репетировали в свободном кабинете, или развлекали народ песнями Бадди Холли и «Эверли Бразерс».

Отношение Леннона к Харрисону было неоднозначным. Когда Джордж играл на гитаре, Джон гордился таким другом. В остальное время младший паренек воспринимался как помеха.

— Между школьником и учеником колледжа лежит целая пропасть, — говорил Джон «Плейбою». — Я уже ходил в колледж, занимался сексом, пил, и все в таком духе, — Джон не считал себя взрослым, но в развитии далеко обогнал Харрисона. — Мы выходили из художественного училища, а он болтался вокруг, как те подростки, что сейчас торчат у ворот Дакоты.

Первой девушкой Джона стала Тельма Пиклес. В те времена полная семья была даже не нормой, а всеобщим правилом, а отец Тельмы бросил их, когда ей было десять. Из-за этого она отдалилась от друзей, и стеснялась обсуждать свою жизнь, пока Джон не рассказал ей о себе.

— Когда мы оставались наедине, он был мягким, заботливым, очень добросердечным, — сказала она газете «Обзервер». — Конечно, смерть матери наложила на него сильный отпечаток. Нам обоим казалось, что жизнь обошлась с нами несправедливо.

Но психика Джона пострадала куда сильнее, и они вскоре были вынуждены расстаться. Как-то раз на танцах в училище они вдвоем прокрались в темный класс. Тельма рассчитывала на уединение, но вскоре стало ясно, что они в помещении не одни. У нее испортилось настроение, и она собралась уходить. Джон грубо потащил ее назад, потом ударил.

— Он бывал агрессивен, по большей части ругался, —

вспоминает она. — Как только он поднял на меня руку, все было кончено.

Джону требовалась ось, вокруг которой вертится жизнь. Потом это будет Йоко. Сейчас ею стал Стю Сютклифф, красивый художник-шотландец, любитель темных очков и причесок под Элвиса, которые делал чуть выше, чем принято в Америке. Он с друзьями поселился в заброшенном доме эпохи короля Георга неподалеку от училища и пригласил Джона жить с ними. Он очень привязался к Стю, даже убедил продать одну из своих картин и на вырученные деньги купить бас-гитару. Играть Стю не умел, но Джон верил, что со временем тот научится. Так или иначе, Леннон сообщил ребятам, что Стю теперь тоже член группы.

Столь немузыкальный компаньон привел Пола в ужас. Маккартни и Леннон постоянно издевались над игрой Стю. Но из группы не гнали. Леннону было хорошо рядом с новым другом, а решающее слово в таких вопросах всегда было за ним.

Еще Джон нашел себе новую подружку, Синтию Пауэлл, скромную, приятную девочку. С ней он познакомился на уроках начертания. Если с Тельмой Джона объединяла утрата родителей, то с Синтией — плохое зрение, о чем они узнали в тот день, когда ученики стали мерить очки друг друга.

— Это судьбоносное открытие вывело наши отношения на принципиально новый уровень, — пошутил он в разговоре с английской писательницей Кейт Шелли в 1980 году.

Поначалу Синтия выдерживала дистанцию. Острый язык Джона славился на всю школу, в любой момент его юмор мог перерасти в насмешку.

— Уже в том возрасте у него был очень сложный характер, — сказала она английскому радиоведущему Алексу Белфилду, — а все из-за трудного, поломанного детства.

Когда он предложил ей встречаться, она сперва отказала, потому что была помолвлена с другом из Хойлека, приличного пригорода, где жила ее семья.

— Я же не прошу выходить за меня замуж, правда? — заорал Джон, как обычно, подмешивая к обаянию угрозы.

Вскоре Синтия бросила жениха и начала меняться, чтобы соответствовать Джону, чуть ли не извиняясь за «благородный» говор и выкрасив волосы, как у любимой актрисы Леннона Бриджит Бардо.

Марк Дэвид Чепмен мог и не знать, что имя «Чепмен» уже вписано в историю «Битлз». В 1960 году в группе какое-то время играл Норман Чепмен, которого Джордж Харрисон считал

лучшим барабанщиком из всех, кто у них был. Потом он пошел в армию, и за ударной установкой его сменил Пит Бест.

Несмотря на протесты тети Мими, Джон бросил художественное училище. Она понимала его творческую натуру, но полагала, что карьера художника, или даже дизайнера, всяко лучше, чем гитарист. Он так хорошо рисует, убеждала она, почему бы не получить диплом?

— Я и без бумажек разберусь, куда пойти и чем заняться, — ответил Джон.

Он собирался хотя бы ненадолго съездить в Западную Германию.

17 августа 1960 года в Гамбурге состоялся первый концерт группы «Битлз», в клубе «Индра» на Репербан, центральной улице квартала красных фонарей. Пит играл на барабанах, Джон, Пол и Джордж на гитарах, а Стю Сютклифф на басу. Турне обернулось тяжелым испытанием — ребята давали многочасовые концерты. Чтобы выдержать темп, они стали принимать амфетамины.

Вот на сцену выходит Леннон, еще более яростный, чем обычно, с выпученными глазами и стучащими зубами, в старомодном купальном костюме и с сиденьем от унитаза на шее. Но фреляйнам нравились «Битлз», так что в ветхом жилище ребят не смолкали визги фанаток. Потом Леннон расскажет репортеру Тому Снайдеру, что эти девчонки вешались на любого, кто выступал перед публикой: «Им было все равно, кто это — комик или глотатель шпаг».

Для Битлз Гамбург стал курсом молодого бойца, он превратил новобранцев в закаленных поп-музыкантов, четко понимающих, чем и как завоевываются сердца аудитории. Спустя два дня после рождества 1960 года «Битлз» во всей красе выступили в танцевальном зале ратуши Ливерпуля. Впервые толпа ломанулась на сцену. Так в землю упало первое зерно «битломании».

Потом два года «Битлз» сновали между Гамбургом и Ливерпулем. В обоих городах у них образовались фан-клубы. К сожалению, в нагрузку к славе пришла ревность; молодые люди ненавидели «битлов» за то, что те изливают на их девушек волны сексуальной энергии. 30 января 1961 года, когда после концерта в ливерпульском Лэтом-холле ребята грузили аппаратуру в машину, на них напала местная банда. В драке Сютклиффу проломили череп.

В Гамбурге Сютклифф познакомился с Астрид Кирхер, художницей и фотографом, и влюбился в нее. Та своим восприятием культуры и моды сильнейшим образом повлияла на группу. Джон называл Астрид и ее друзей «Экзи» — его личное

обозначение экзистенциалистов.

— Совсем еще дети, мы придерживались простой философии: вырядиться в черное и бродить по улицам с угрюмым видом, — сказала она на радио Би-Би-Си в 1995 году. — Естественно, мы знали, кто такой Жан-Поль Сартр. Мы черпали вдохновение у французских художников и писателей и стремились одеваться как французские экзистенциалисты.

Сегодня те черно-белые фотографии «Битлз», что Астрид делала в Гамбурге, считаются историческими артефактами. Но важнее другое: она изменила внешний вид «битлов», попросив Стю «смыть бриолин с волос». Тогда у молодых немецких художников в моду вошла прическа моптоп. Именно так Астрид и подстригла своего парня. Вскоре Джордж присоединился к нему. Пол с Джоном тоже не заставили себя долго ждать, подставив головы под ножницы друга Астрид, когда были в Париже. Только Пит Бест оставил прическу под Элвиса, потому что, как сказала Астрид, «у него кучерявые волосы, ничего не выйдет».

Поселившись у Астрид, Стю часто одалживал ее вещи, в том числе и пиджак без воротника, который надевал на концерты. Недовольный Джон спрашивал друга, мол, «пиджачок с мамы снял?»

Когда Стю ушел из группы, чтобы жить с Астрид в Германии, его место на басу пришлось занять Полу, как он ни сопротивлялся. Однако, если верить Полине, сестре Стю, больше всех возмущался Джон. По пьяной лавочке Полина рассказала писателю Ларри Кейну, что Джон сильно избил ее брата, даже пнул по голове: «Тогда он спросил меня, разве стал бы Джон бить Стюарта, которого так любил? Я предположила, что Ларри не понимает суть любви, и что можно любить человека и все равно его бить».

По мнению Полины Джон набросился на Стю с кулаками, негодуя, что его в очередной раз бросает самый близкий человек.

Джон и Стю остались друзьями. Когда «Битлз» 13 апреля 1962 года вернулись в Гамбург, он только и ждал встречи с Сюткліффом. Но прямо у трапа Астрид огорошила его печальной новостью. Несколько месяцев Стю жаловался на мучительные головные боли. Три дня назад на уроке рисования он потерял сознание и умер в карете скорой помощи на руках у любимой. Официальная причина смерти: церебральный паралич, вызванный кровоизлиянием в правом полушарии мозга.

До сих пор никто не знает, что послужило причиной кровоизлияния: врожденный порок или травма, полученная в драке у Лэтом-холла. Как бы то ни было, Леннон не забыл ни друга, ни горечь утраты. В Дакоте имя Стю всплывало в среднем

раз в неделю: Джон рассказывал Йоко об их дружбе, утверждал, что чувствует его дух рядом. На обложке «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band», вышедшего в 1967 году, по требованию Леннона было и лицо Стю.

Таким образом, Стю снова очутился среди «битлов» и музыкальных инструментов. К сожалению, это не помогло избыть навязчивый страх Джона перед тем, что любимые люди так и будут исчезать из его жизни.

— Рядом со мной много кто умер, — сказал он Дженну Веннеру.

Глава 6
Джон, я простой фанат

Дакота всегда казалась домом с привидениями. Еще до выхода «Ребенка Розмари» по городу бродили легенды, что там видели призрака. В 1960-х маляры, работавшие в квартире недавно усопшей Джуди Холлидей, утверждали, что им являлся дух мальчика в костюме Бастера Брауна — с телом мужчины и лицом малыша. В другой раз группа рабочих якобы встретила бледную девушку с длинными светлыми волосами. Та, в платье другой эпохи, играла в мяч в коридоре. Соседи Джона рассказывали, что в пустых комнатах раздаются шаги, и мебель двигается сама. Сюда же надо отнести горгулий. По разным версиям твари, украшающие ограду, либо действовали заодно с привидениями, либо отгоняли их.

Марк Дэвид Чепмен, стоя на холодном ветру, изучал тех самых горгулий. В их чертах явственно сквозило нечто языческое, но это не задевало религиозных чувств ярого христианина. Внимательно рассмотрев «porche cochere», то есть ворота для экипажей (раньше конные кареты заезжали прямо в дом, чтобы состоятельных пассажиров не мочил дождь), Чепмен открыл «Над пропастью во ржи».

«Одна надежда, что когда я умру, найдется умный человек и вышвырнет мое тело в реку, что ли». Сколько бы Чепмен ни перечитывал книгу, ему каждый раз казалось, что Холден Колфилд обращается именно к нему. Он так увлекся, что совсем забыл про суету вокруг. А когда пришел в себя, испугался, что Джон Леннон вполне мог пробежать мимо и запрыгнуть в такси.

К половине первого перед Дакотой кроме него осталось всего два человека: какая-то фанатка и Пол Гореш, фотограф-любитель из Северного Арлингтона, Нью-Джерси, двадцати одного года отроду. Гореш влюбился в «Битлз» в семь лет, когда услышал «Rubber Soul». Впервые он вломился домой к Леннону обманом, заявив охране на входе, что он ремонтник, пришел чинить видеомагнитофон.

У Гореша отвалилась челюсть, когда дверь открыл Леннон собственной персоной. Бывший «битл» удивился незванному мастеру, особенно с учетом того, что видеомагнитофон работал исправно. Не выходя из образа, Гореш достал фотоаппарат, но Джон объяснил, что не хочет видеть свои фото в прессе; общественное внимание мешает ему заниматься семьей. Зато он дал автограф. Гореша такое свидетельство встречи с кумиром

вполне устроило, он решил, что снимок можно сделать и позже, на улице.

Через пару дней Джон заметил перед домом Гореша с фотопринадлежностями и сильно разозлился. Так это обманщик, а никакой не мастер! Леннон, кипя от негодования, бросился к Горешу и стал отнимать камеру.

Тот оттолкнул Джона.

— Аккуратнее! Вы же ее разобьете.

Тот, кто тайком проник в здание, и даже в квартиру, где играл и спал Шон, в глазах Леннона не заслуживал вежливого обращения.

— Не смей меня фотографировать, — рявкнул Джон.

До Гореша дошло, что его приняли за папарацци. Ссориться с кумиром ему хотелось меньше всего.

— Джон, я простой фанат, — объяснил он.

Если перед ним простой фанат, пусть отдает пленку, и на этом закроем вопрос, решил Джон.

— Отдавай пленку, — потребовал он.

Гореш подчинился.

— Можно попросить об одолжении? — взмолился он. — Я отснял два кадра. Пожалуйста, проявите ее и отдайте мне фотографии для частной коллекции!

Джон категорично отказал.

— Никаких фотографий! — С этими словами он засветил пленку и потопал прочь.

Перебранка на отношение Гореша никак не повлияла. Он так и бродил под стенами Дакоты, и вскоре Джон понял, что это простой паренек, которому нравятся «Битлз». Фанаты в попытках увидеть его часто перегибали палку, но опасными он их никогда не считал. Если уж он прочно обосновался в Нью-Йорке, где отовсюду звучит певучая смесь испанского, китайского и гаитянского языков, то надо уживаться с теми, кто каждый день встречается на пути. Выходя на прогулку, Джон предложил Полу составить ему компанию. Он объяснил, что Гореш, пробравшись к нему домой под видом мастера, напугал его, и что личное пространство надо ценить. Гореш извинился.

— Пока ты без фотоаппарата, все в порядке, — сказал Джон.

В следующие месяцы Джон при виде Гореша махал ему рукой и приглашал прогуляться. Как-то раз фанат достал Джона бессчетными вопросами про «Битлз», и тот перевел разговор на другую тему.

— Расскажи-ка что-нибудь о себе, дружок.

Всяк любит поговорить о себе, а уж если ты делишься подробностями своей жизни с кумиром…

Настал тот миг, когда Джон снял запрет на фотографии и стал относиться к Горешу как к другу, ведь он сам прекрасно помнил, каково это — быть фанатом звезды рок-н-ролла. Он даже взял один из снимков Гореша, тот, где Джон с Йоко летним днем идут на фоне ворот Дакоты, для обложки «Watching the Wheels», первого сингла с альбома «Double Fantasy».

Рубикон был перейден. Джон признал фаната за своего человека.

Чепмен видел, что Гореш в сборище перед Дакотой стоит отдельно. Леннон выделял его из толпы, рабочие и даже жители дома здоровались с ним. Прикинув, что связи паренька могут ему пригодиться, Чепмен подошел к нему и протянул руку.

— Меня зовут Марк.

— Привет, Марк. Ты местный?

— Нет, что ты. С Гавайев.

— С Гавайев? А говоришь прямо-таки с южным акцентом.

Чепмен кивнул, рассказав, что вырос в Джорджии.

— Джон твой любимый музыкант?

Чепмен покачал головой.

— Музыка Джона мне очень нравится, но больше всех я люблю Тодда Рандгрена.

Чтобы развеять скуку, Гореш поддержал разговор ни о чем.

— В Нью-Йорке ты где живешь?

Внезапно Чепмена одолела паранойя. Он окрысился на Гореша:

— А зачем тебе знать?

Глава 7
Иллюзия

С океана дул теплый бриз, над головой колыхались пальмы. Ринго Старр налил себе еще и косо улыбнулся подружке. С Барбарой Бах, родившейся в Квинс, моделью, знойной девушки Бонда из фильма «Шпион, который меня любил», он познакомился десять месяцев назад. Они вместе снимались в «Пещерном человеке», комедии о доисторических неудачниках. С тех пор они, не просыхая, куролесили где придется. Сейчас они отдыхали в съемном доме на Багамах.

Из всех «битлов» Ринго был самым болезненным. В шесть лет он заболел перитонитом и впал в кому. Полгода он провалялся в больнице, а потом рухнул с кровати и так сильно пострадал, что пришлось отлежать еще столько же. В школу он так и не вернулся: столько пропустив, он бы никогда не догнал сверстников.

3 июня 1964 года, накануне стремительного турне «Битлз» по Скандинавии, Азии и Австралии, Ринго свалился разом с фарингитом и воспалением миндалин. Ему на замену тут же наняли ударника Джимми Никола, записывавшего ряд кавер-версий песен «битлов», постригли его под моптоп и выдали костюм Ринго. Вскоре Маккартни прислал товарищу короткую телеграмму: «Ринго, быстрее поправляйся. Твои костюмы на Николе просто горят». Несмотря на плохое состояние, Ринго внял совету и присоединился к группе. Никола успел отыграть восемь концертов. Его уже звали в разные места, в том числе замещать больного Дэйва Кларка из «Дэйв Кларк Файв» и открывать в Мексике фабрику по производству пуговиц.

В 1979 году Ринго загремел в больницу Монте-Карло. Аукнулся перенесенный в детстве перитонит — пришлось удалить несколько футов кишечника. Он быстро пошел на поправку, и даже явился в компании Джона и Пола на свадьбу Эрика Клэптона. Но лимит неприятностей на год еще не был исчерпан. Через шесть месяцев в Лос-Анджелесе сгорел дом Старров. Огонь уничтожил большую коллекцию реликвий его «битловской» карьеры.

Как бы ни ссорились Джон, Пол и Джордж между собой, их дружбе с Ринго ничего не мешало. Маккартни, как и Харрисон, помогал в работе над альбомом «Stop and Smell the Roses». Скупой на похвалу Леннон не уставал говорить в интервью, что высоко ценит талант Ринго как ударника, певца и актера. По его словам,

не присоединись Ринго к «Битлз», он взял бы свое и так.

Восторгам Джона есть объяснение. Когда «Битлз» только начинали, Ринго уже был видным деятелем музыкальной сцены Ливерпуля. В 1959 году он вошел в состав «Rory Storm and the Hurricanes». Рори Сторм сильно заикался, но харизматичность успешно компенсировала этот недостаток. Группа, как и «Битлз», колесила между Гамбургом и Ливерпулем, но зарабатывала больше и жила в относительно приличных квартирах. Когда заболел Пит Бест, вышло так, что его заменил Ринго. Но он считался барабанщиком Рори, и Джон наравне со многими и многими считал, что «Харикенс» станет первой ливерпульской группой, завоюющей международное признание.

Рори, урожденный Алан Колдуэлл, полагал, что прозвище «Шторм» больше подходит для шоу-бизнеса. Он же убедил Ричарда Старки взять себе звучный псевдоним. Большой любитель перстней, Старки сперва превратился в «Рингз», а потом счел, что «Ринго» навевает ассоциации с кантри и вестернами. Фамилия «Старр» прилипла сразу. Сольные выступления Ринго во время концертов «Харикен» окрестили «Старр Тайм». Джон, Пол и Джордж часто смотрели из зала, как Ринго в свете софитов поет каверы песен, которые потом будут считать его собственными — в первую очередь «Boys», ставшую популярной еще в исполнении «Shirelles», и «You're Sixteen» звезды рокабилли Джонни Бернетта.

Пит Бест, благодаря родителям, был для «Битлз» просто незаменим. Кто бы мог подумать, что его выгонят из группы? Отец Пита рос в семье покровителей спорта, которым в свое время принадлежал Ливерпульский стадион. Мать организовала кофе-клуб «Казбах», насчитывающий больше тысячи членов. Там начинали играть и «Кворимены», и первая группа Пита, «Блэк Джекс». «Битлы», взяв к себе Пита, регулярно выступали в «Казбахе».

Но Брайан Эпштейн, взявшись за «Битлз», свел на нет влияние «Бестов», и — случайно или преднамеренно — привел в группу Ринго.

Семья Эпштейна кроме мебельного бизнеса владела сетью розничных магазинов под названием NEMS[5]. Все «битлы» были в них частыми гостями. Они не раз видели, как лощеный Брайан беседует с сотрудниками и покупателями. Эпштейн, как и Леннон, был в натянутых отношениях с родственниками. Его заставляли работать в семейном деле, невзирая на то, что сам он мечтал стать дизайнером одежды. Несмотря на успехи на торговом поприще, Брайан не был счастлив. В конечном счете, отец Брайана, Гарри Эпштейн, не выдержал и разрешил сыну

изучать в Лондоне художественное мастерство, но эта попытка не принесла плодов. Молодой человек в итоге вернулся в Ливерпуль, где вплотную занялся развитием франшизы NEMS.

9 ноября 1961 года Эпштейн пришел в клуб «Пещера» на дневное выступление «Битлз». Когда он с коллегой заглянул после концерта в гримерку, его сразу узнали.

— Что привело к нам мистера Эпштейна? — выпалил Джордж Харрисон.

— Мы просто зашли поздороваться, — ответил Брайан с изящным произношением. — Ваш концерт мне очень понравился.

Роль простого фаната утонченного юношу не устраивала. Может, «Битлз» спасут его из цепких лап суровой еврейской семьи, станут билетом в красивую жизнь? Особенно Эпштейна обаял Джон Леннон, грубый парень в кожаных штанах, не такой, как его товарищи, более глубокий. Джон не ответил ему взаимностью. Тем не менее, он нашел в Брайане свои достоинства. Во-первых, его связи открывали перед «Битлз» невиданные доселе горизонты, а во-вторых, он должен был понимать чувство одиночества, от которого страдал Джон.

В те времена гомосексуализм в Англии был запрещен законом. Посещая бары и клубы, популярные у его единомышленников, Брайан разрывался от предвкушения, страха и отвращения к себе. И все равно в каждом городе его неудержимо тянуло в голубые районы, где его регулярно ловила полиция. К стыду всего семейства, во время службы в армии его поймали за тем же делом и уволили как «эмоционально и психически непригодного».

Может быть, мечтал Брайан, будучи менеджером «Битлз» он завоюет ту респектабельность, на которую человек с его вкусом и протестантской этикой имеет полное право.

Тетя Мими предупреждала Джона, что избалованный мальчик из богатой семьи быстро наиграется возней с группой. Она боялась, что появится новая мода, и Эпштейн выбросит «Битлз», как надоевшую игрушку. Родители Брайана тоже были против. У них на руках был растущий бизнес, они рассчитывали на помощь сына и не одобряли посторонних увлечений. Чтобы их успокоить, Брайан пообещал, что дела «Битлз» не отразятся на работе. У магазинов NEMS всегда будет приоритет.

Только мама Пита Беста посоветовала сыну держаться за Эпштейна.

24 января 1962 года Брайан получил должность, и сразу вдумчиво занялся имиджем группы. В Ливерпуле шло противостояние фанатов Ливерпульского футбольного клуба и

«Эвертона», так что он запретил ребятам говорить о футболе. Далее, сказал он, пора завязывать с привычками группы, играющей по барам, одеваться в джинсы и кожаные куртки, обрывать песни, чтобы выслушать просьбу какого-нибудь слушателя. Отныне «Битлз» должны вести себя так, будто выступают в концертном зале или театре: на сцене не есть, не материться, после концерта синхронно кланяться.

И выглядеть они должны как те, кто кланяется аудитории. Брайан приказал подопечным выходить на сцену в костюмах и галстуках. Леннон сопротивлялся — он же рок-н-ролльщик, а не страховщик какой-то. Пол втолковывал ему, что подход Эпштейна обещает вознести группу на новый уровень.

— Лады, согласен, — уступил Джон. — Надену я ваш пиджак. Да я мешок из-под картошки на себя напялю, если мне заплатят.

Джону тогда было двадцать один, а Эпштейну двадцать семь. Брайан казался бесконечно мудрее, и пытался привить ребятам собственные изысканные манеры.

— Чувством вкуса «битлы» обязаны Эпштейну, — сказал Джордж Мартин телесети E!. — Он научил их одеваться, создал их шарм. Он строго следил, чтобы все были в костюмах, заставлял кланяться… Все это сделал Брайан. Очень талантливый был человек.

Именно Эпштейн привел «Битлз» к Мартину, который до этого продюсировал шуточно-комедийные и абсурдные песенки и колесил по Британским островам, записывая местечковые группы. Мартин работал на «Парлофоун», подразделение EMI, предназначенное для маргинальных проектов. Первое прослушивание прошло скомкано — Пит Бест играл из рук вон плохо.

Были с ним и другие проблемы. На фоне товарищей ему явно не хватало жизнерадостности, и он по-прежнему носил прическу в стиле теддибоев из 1950-х. Вдобавок, если верить слухам, Джордж с Полом завидовали его красоте. Так что Эпштейну поручили уволить барабанщика и взять ему на замену Ринго.

Пит пришел в ярость. Ведь первый фан-клуб «Битлз» появился в «Казбахе» при помощи его мамы. Особенно его возмутило, что прямолинейный Леннон отказался наедине обсудить этот вопрос. Впоследствии Джон утверждал, что хотел избежать драки. Но признал, что они с товарищами по группе повели себя как «трусы».

Поначалу Мартин сомневался, что Ринго впишется в группу. Как-то раз на запись пригласили другого ударника, а несчастному Ринго вручили маракасы и бубен. Однако для «Love Me Do», вышедшего осенью 1962 года, барабаны записывал Ринго. К

декабрю альбом в английских чартах добрался до 17 места, и Ринго навсегда прописался в «Битлз».

Марку Чепмену тогда было семь лет. Он рос забитым и несчастным в семье старшего сержанта ВВС и медсестры. Он родился на окраине Форт-Уэрта, Техас. После увольнения отец Марка, Дэвид, устроился в кредитный отдел «Американ Ойл Компани» и перевез семью в пригород Атланты, Декейтер.

Внешне семья Чепменов производила впечатление здоровой, богатеющей американской семьи. Однако, по словам Чепмена, за закрытыми дверями царила атмосфера недоверия, ужаса и беспричинного насилия. Якобы Дэвид был вспыльчив, регулярно избивал жену и сына. Юного Чепмена раздирали страх и ярость, когда посреди ночи до него доносились крики матери. Марк рассказал, как иной раз сидел на полу рядом с матерью и гладил ее по ноге в тщетной попытке успокоить боль.

По его версии отец не умел признавать вину и просить прощения. Дэвид никогда не обнимал сына, никак не демонстрировал любовь. Марк, в свою очередь, его ненавидел. Он часто представлял, как в пылу ссоры достает пистолет и убивает родителя.

В школе Чепмен был беспокойным и неуклюжим учеником, никудышным спортсменом и легкой жертвой других мальчишек. То, что другой спокойно бы вынес, Марк не мог стерпеть. Его болезненная реакция на издевательства только подстегивала мучителей.

Лишь в одиночестве Чепмен обретал спокойствие и уверенность. Он придумал себе вселенную, где живут маленькие невидимые человечки, подчиняющиеся его приказам. Они любили Марка, потому что он был их королем, и исполняли все его прихоти. Дома, оторвав взгляд от книги или телевизора, он прямо-таки слышал, как человечки бегают по стенам. Если они служили ему верно, он не скупился на похвалу. Тех, кто его разочаровывал, ждало возмездие: нажав кнопку на диване, он их взрывал.

Человечки защищали Чепмена от окружающей действительности, пока он не открыл для себя «Битлз». Он приоткрыл дверь в душу и пустил их в свой внутренний мир. Он знал их имена, выучил все их песни. Марк вырезал из бумаги крошечные гитарки и приклеил своим солдатикам поверх винтовок. А потом, включив пластинку «Битлз», устраивал концерт для человечков.

Человечки тоже были их фанатами, только они понимали, сколько песен написано специально для Чепмена.

Мир любил «Битлз» также, как человечки любили Чепмена. Почему же все остальные относятся к нему не так?

Еще полюбят, решил Чепмен, когда он сам станет «битлом».

Одна из причин, почему Джон Леннон так много сил посвящал семье — с Йоко он обрел то, на что даже не надеялся. Хотя доходы «Битлз» позволяли Джону купить все, что угодно, у него никогда не было надежного дома. Когда группа уже приобрела в Англии статус богов, Синтия, девушка Джона, сообщила ему, что беременна — и он подумал было, что дело в шляпе. Другой бы парень на его месте ощутил себя загнанным в угол. Но Джона перспектива рождения ребенка радовала ничуть не меньше, чем первые места в чартах. Он сразу же предложил Синтии выйти за него замуж.

Синтия пришла в восторг. Тетя Мими — нет. Она боялась, что отцовство в столь раннем возрасте подкосит племянника. Джон не видел грядущих тягот, он просто радовался тому, что сможет вырастить ребенка, рядом с которым всегда будет папа.

Ни Джон, ни Синтия не понимали, что шанс на независимость от «Битлз» уже упущен. Группа прочно обосновалась в мыслях Леннона, даже свидетелем на свадьбу он позвал Брайана Эпштейна.

Скромное гражданское бракосочетание прошло быстро. Церемония потонула в шуме отбойных молотков с близлежащей стройки. Получился такой бардак, что когда жениха попросили выйти вперед, рядом с Синтией встал Джордж Харрисон. Эпштейна, который из-за гомосексуальности был не в ладах с родственниками и своим социальным кругом, искренне тронуло, что Джон так высоко ценит их дружбу. Он организовал небольшой прием в ресторане «у Риса» на Клейтон-сквер — там же, где отмечали свадьбу Альф и Джулия Ленноны. Потом «Битлз» понеслись выступать в танцзал «Риверпарк» в Честере.

Пока Синтия носила ребенка, Эпштейн пустил Ленноновв пожить у себя в квартире, а потом для родов оплатил отдельную палату в центральной больнице Сефтона. 8 апреля 1963 года на свет появился Джон Чарльз Джулиан Леннон. Джон, для которого работа оставалась на первом месте, в тот день был в турне. Но он сдержал обещание, данное Эпштейну, и позвал его крестить мальчика.

К тому дню «битломания» уже накрыла Англию. Второй сингл группы, «Please Please Me», в феврале взлетел в чартах до второго места, и «битлы» тут же слепили альбом из тринадцати песен, в том числе «Misery», «Twist and Shout» и «Do You Want to Know a Secret?». Синтия с ребенком остались в стороне от кипучей

деятельности. Озабоченный имиджем, Эпштейн поддерживал иллюзию того, что все музыканты одиноки и свободны.

Синтия с Джулианом прятались в том же доме, где жила тетя Мими, их существование держали в секрете не только от публики, но и от Ринго — тот пришел в группу совсем недавно и еще не заработал должного кредита доверия.

— Было такое ощущение, что меня вообще нет, — сказала Синтия писательнице Кейт Шелли. — Я бродила вокруг, как призрак. Как ни крути, «битлы» были женаты друг на друге.

Даже Джон признал, что иллюзия заменила ему реальность.

Несмотря на клятву обеспечить сыну полноценную семью, Леннон впервые увидел мальчика, когда тому было всего три дня. Отыграв ряд концертов, Джон прилетел в Ливерпуль, подержал Джулиана на руках и тут же уехал из города. Он объяснил Синтии, что едет с Брайаном отдыхать в Испанию. Мол, менеджера надо как следует окучить, потому что «Битлз» исчезнут, а Эпштейн останется, и можно будет примазаться к его новому бизнесу. (Есть мнение, что Джон хотел во время совместной поездки убедить Эпштейна, что в группе один лидер, и это не Пол).

Для тесных отношений с менеджером были и другие причины. Эпштейн открыл ребятам такие миры, куда музыканты провинциальной группы сами никогда бы не попали. Исключительно гетеросексуальный Джон, тем не менее, хотел больше знать про образ жизни, опасный настолько, что его запретили на законодательном уровне. В испанском городе Торремолинос он сидел с Брайаном и разглядывал проходящих мимо геев. Чтобы лучше понять мышление Брайана, «битл» расспрашивал его, каких мужчин тот считает привлекательными, и почему. Потом Джон скажет, что чувствовал себя журналистом-исследователем.

По версии Леннона его отношения с Эпштейном были чисто платоническими. Но его друг детства Пит Шоттон впоследствии поведает, что пьяный Джон разрешал Брайану мастурбировать ему, чтобы на собственном опыте прочувствовать гомосексуальную связь.

Надо ли говорить, что в музыкальных кругах Ливерпуля подоплека их отношений не сходила с языков? Ориентация Брайана была видна невооруженным глазом. А как насчет Джона? Когда диск-жокей клуба «Пещера» Боб Вулер, объявлявший «Битлз» на сцене, на праздновании двадцать первого дня рождения Пола подколол Джона на эту тему, пьяный Леннон ударил его. Фотографию их стычки поместили на последней полосе «Дейли Миррор», но рыть глубже пресса не стала. В

частной беседе Эпштейн сказал знакомым репортерам, что звезда «Битлз» едва начала путь вверх, и никто не хотел быть отлученным от этой щедрой кормушки.

К несчастью для Синтии, она в картину не вписывалась. Когда журналисты, наконец, узнали о семейном положении Джона, ей отвели роль тихой жены, которая сидит дома и растит сына, пока муж завоевывает славу. Муж приезжал по большим праздникам, отсыпался, вставал заполдень, а она должна была приносить ему в постель завтрак и газету.

— Жить с известным человеком совсем не так приятно, как считают в народе, — сказала она Кейт Шелли. — Скажу больше, скука смертная. Он тобой практически не интересуется. Любит только себя, видит только себя, занят только собой.

Спустя годы, Джон поймет, что воспринимал заботу Синтии как должное, даже написал песню про женщин в ее положении — «Woman is the Nigger of the World». «Мы заперли ее в стенах квартиры / и жалуемся, что она оторвана от мира».

Конечно, в то время Джона совесть не мучила, он думал только о «Битлз». Лишь влюбившись во вторую жену, он осознал, как сильно заставил страдать первую.

Чем известнее становились «Битлз», тем больше Джон сомневался в себе. Рано или поздно, переживал он, фанаты поймут, что певец из него никакой. Не раз он просил Джорджа Мартина на сведении песни приглушить вокал. Сам Леннон считал свой голос скрипучим. Понятное дело, покупатели альбомов «Битлз» не разделяли это мнение. Что же до Мартина, работа с группой, способной на ходу сляпать хит, вызывала у него трепет.

«Битлз» еще ни разу не были по ту сторону Атлантического океана, когда в январе 1964 года «I Want to Hold Your Hand» вышла на первое место в американских чартах. Турне по США стало делом решенным. 7 февраля 1964 года самолет с «битлами» на борту приземлился в нью-йоркском аэропорту Кеннеди. На летном поле его уже ждали журналисты, а в здании — трехтысячная толпа визжащих фанатов. Прямо у трапа Джон продемонстрировал свой язвительный цинизм.

— Почему людям так нравится ваша музыка? — спросили у него.

— Если б мы знали, не торчали бы на сцене, а заделались менеджерами.

У него поинтересовались, работали ли его родители в шоу-бизнесе.

— Нет, — ответил он, и весьма неоднозначно пошутил: — Но

мне говорили, отец был тот еще актер.

Репортеры захохотали. Да этот парень играет словами почище их! На следующий день о «Битлз» вышли самые доброжелательные статьи. Но группа только разогревалась. Спустя два дня они пришли на вечернее «Шоу Эда Салливана». На семьсот три места в студии пришло пятьдесят тысяч заявок. Трансляция перекрыла все американские рекорды популярности — перед экранами сидело семьдесят три миллиона человек! Теперь эта передача повсеместно считается переломным моментом. «Битломания» вышла на качественно новый уровень. Прозвучавшие песни — «All My Loving», «Till There Was You», «She Loves You», «I Saw Her Standing There» и «I Want to Hold Your Hand» — навсегда изменили слушателей.

Пока восторженные девочки валялись в обмороке, авторитетный Салливан показал их настороженным родителям, что одобряет группу. Он назвал ребят «четырьмя милейшими подростками, какие только поднимались на нашу сцену». Шестидесятидвухлетний ведущий объявил, что сам является «ярым фанатом группы».

Для американского рынка разработали свою стратегию продвижения, где Леннон изображался прилежным семьянином. Когда по телевизору показывали, как он поет песню «Till There Was You» из мюзикла «Музыкант», которую в 1959 году исполнила будущая противница равных прав для геев Анита Брайант, надпись внизу экрана сообщала: «Девочки, извините, но он женат».

Вскоре по всей Америке магазины заполонили часы, кружки и вкладыши из жвачки с портретами «битлов». Одна фирма в день производила по 15 тысяч париков «под Битлз». Даже Брайан Эпштейн заработал себе репутацию — его пригласили английским спецкорреспондентом в американское музыкальное шоу «Халабалу». В начале 1965 года «Битлз» во всех своих ипостасях окончательно подмяли США.

Импрессарио Сид Бернштейн, организатор их выступления на стадионе Ши в Нью-Йорке, на тот момент величайшего рок-концерта в истории, сказал: «Такая власть над толпой, как у них, была только у Гитлера».

Видимо, королевское семейство Британии разделяло его оценку. 26 октября 1965 года королева Елизавета II собственноручно пожаловала четверым «битлам» членство в Превосходнейшем ордене Британской империи. Джон отнесся к этой чести с большим сомнением. Он не любил ни королевскую семью, ни империалистические похождения Англии. И ему

крайне не нравилась перспектива вознестись над простыми людьми. Тот образ рок-звезды, который так превозносят, говорил он, ничуть не похож на реального Джона Леннона, паренька из распавшейся семьи, воспитанного тетей Мими. Два года назад, выступая перед королевой, королевой-матерью и принцессой Маргарет, Джон обозначил свое презрение к правящему классу страны. Перед тем, как исполнить «Twist and Shout», он объявил: «Это наша последняя песня, и нам понадобится ваша помощь. Те, кто сидит на дешевых местах, хлопайте в ладоши. Остальные могут звякать драгоценностями».

Впоследствии он утверждал, что собирался сказать «сраными драгоценностями», но Маккартни и Эпштейн отговорили его портить группе карьеру.

«Битлз» нравились всем, даже тем, кому по штату было положено считать великую четверку попсой. Как-то раз Боб Дилан ехал со своей группой через Колорадо и слушал десятку лучших хитов. Восемь мест из десяти занимали песни «Битлз». Вместо того, чтобы списать «битломанию» на всеобщее помешательство на ровном месте, Дилан говорит, что их аккорды и созвучия сняли шоры у него с глаз.

— Они делали такие вещи, которых раньше никто не делал, — сказал он биографу Антонио Скадуто. — Они показали нам, в каком направлении должна развиваться музыка.

Пользуясь любовью таких разных людей, как Дилан и королева, «Битлз» зарабатывали больше денег, чем могли потратить за всю жизнь. Леннон купил для сводных сестер Джеки и Джулии дом на четыре спальни. Письма от фанатов ему таскали мешками. Почтальон Пола Маккартни тоже сбился с ног. Но здесь имело место престранное совпадение. Им оказался Эрик Клейг, бывший констебль, который некогда сбил Джулию Леннон, а потом ушел из полиции.

Ни Полу, ни Клейгу подобное назначение не доставляло радости.

— Я носил к нему домой сотни писем и открыток, — поведал почтальон в интервью «Сандей Миррор». — Волочь эти мешки было совсем нелегко. И, естественно, они напоминали мне о Джоне Ленноне и его матери.

Появление на горизонте Клейга не только бесило Леннона, но и подпитывало паранойю, одолевшую «битлов» на фоне внезапной славы. Во время путешествия по северной Америке Джордж Харрисон отказался выехать на парад в Сан-Франциско, памятуя об участи, поджидавшей Джона Ф. Кеннеди в Далласе. На концерте в Монреале Ринго высоко повесил тарелки, на тот случай, если на балконе притаился убийца. Джон, по понятным

причинам одержимый страхом перед смертью, начал рассуждать о вариантах собственной гибели: «Или мы разобьемся в самолете, или нас завалит какой-нибудь псих».

Глава 8
«Вот, собственно, и все»

В девятом классе Марк Дэвид Чепмен отпустил волосы и начал одеваться как Джон Леннон. Ни Пол, ни Джордж, ни Ринго для него словно не существовали, только Джон. Что бы ни сделал кумир, он всегда был прав: даже когда «Битлз» поднимали вопрос несостоятельности христианства, Чепмен только смеялся. Он курил траву, глотал кислоту, и якобы даже пробовал героин. Однажды, по обкурке, он глазел на нож, представлял, как вонзает его в кого-нибудь из знакомых, и почувствовал, что вполне способен на убийство. Однако в те времена ряд факторов удерживал Марка от претворения фантазий в жизнь.

Мучительная неуверенность в себе отпускала Чепмена только под воздействием наркотиков. Он пропускал занятия, потому что не видел смысла учиться. Лично ему образование ничем не поможет. Он же «бесполезный», он «никто».

Первое столкновение с законом произошло, когда в четырнадцать лет он начал чудить под кислотой. Его арестовали и обвинили в бродяжничестве. Продержав ночь в обезьяннике, его выпустили под опеку родителей. Новые привычки и компания Марка так взбесили мать, что она заперла его в комнате. Стоило ей уйти в другой конец дома, как он снял дверь с петель и сбежал на неделю к другу. Вернувшись, он пришел к выводу, что в Декейтере ему ничего не светит, и сорвался в Майами. Перед ним открылась возможность жить своей головой — наплевать на мнение родителей, слепить себя заново по образу и подобию песен «Битлз». Но он недолго там продержался. Его все сильнее одолевала тоска по привычному домашнему кошмару, пока в один прекрасный день случайный знакомый не купил ему билет на автобус в Джорджию.

Для ребят, воспитанных в стране, где гомосексуализм был под запретом, «Битлз» с завидным пониманием относились к образу жизни Брайана. Пол объяснял это тем, что знакомства Эпштейна среди голубых всегда играли на руку группе. Именно Эпштейн свел их с Робертом Фрейзером по прозвищу «Груви Боб». По слухам, в 1950-х во время службы в Африке Фрейзер вступил в связь с юным Иди Амином. В Лондоне у него была своя галерея, расположенная на Дюк-стрит рядом с Гроувернор-сквер. В 1966 году власти устроили там облаву, сочтя проходящую выставку непристойной. Дурная слава лишь укрепила репутацию Фрейзера.

Маккартни называл его «одним из самых влиятельных людей в лондонской сцене шестидесятых». Фрейзер стал первым, кто предложил Полу кокаин. Через Фрейзера «Битлз» и «Роллинг Стоунз» вышли на скульптора-авангардиста Класа Олденбурга, поп-художника Энди Уорхола, андеграундного кинорежиссера Кеннета Энгера и писателя из поколения битников Уильяма Берроуза. Фрейзер отправил «битлов» к Питеру Блейку, художнику, чей коллаж украшает обложку «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band». Скорее всего он же послужил прообразом героя песни «Dr. Robert»: «Доктор Роберт — верь ему / Не откажет никому / Всем поможет, всех излечит доктор Роберт».

Когда открылась галерея «Индика», Пол захотел, чтобы с ней было связано его имя. Он уже прославился как первый покупатель расположенного наверху книжного магазина «Индика», и нарисовал флаера для первой выставки.

9 ноября 1966 года под патронажем Груви Боба открылся показ работ тридцатитрехлетней художницы-японки, проживающей в Нью-Йорке.

Как и многие революционеры, Йоко Оно происходила из знатной семьи: ее отец был потомком японского императора, а мать — внучкой Ясуды Дзэндзиро, основателя банка Ясуда (впоследствии банк Фудзи, затем финансовая группа Мидзухо). Но их благополучие не пережило Второй мировой войны. Папу Йоко арестовали. Те, кто пережил бомбардировку Токио, смаковали унижение некогда могучей семьи Оно. Мать Йоко побиралась и выменивала еду под градом издевательств. Этот опыт закалил Йоко и помог ей выдержать не только ненависть фанатов «Битлз», но и характер Джона.

Когда семья Оно перебралась в Скарсдейл, зажиточный пригород Нью-Йорка, Йоко было восемнадцать. Она поступила в колледж Сары Лоуренс, потом переехала на Манхеттен и с головой нырнула в богемную жизнь, устраивая перформансы у себя в лофте в нижнем Ист-Сайде. Йоко стояла у истоков «Флуксус» — международного движения, бросающего вызов общепринятым подходам к изобразительному искусству и музыке, смешивающего различные творческие дисциплины. В 1956 году она вышла замуж за японского композитора и пианиста Тоси Итиянаги. Вернувшись с ним на родину, она почувствовала, что общество давит на нее, равняет под общую гребенку. Утверждают, что она пыталась покончить с собой.

Во время лечения она вступила в связь с джазовым музыкантом Тони Коксом, от которого родила дочь, Киоко. Кокс и Йоко вместе не ужились; он славился резкими перепадами настроения, и они, по слухам, не раз бросались друг на друга с

ножом. Йоко продолжала бросать вызов миру искусства, а муж, как впоследствии сделал Леннон, взял на себя все заботы о ребенке и помогал жене двигать ее идеи в массы. Йоко сняла фильм, где были только голые задницы 365 человек, и еще один, как муха ползает по телу обнаженной женщины. Еще она покрыла одного из четырех львов на Трафальгарской площади громадными белыми простынями.

Джон Леннон из любопытства пришел в «Индику» на открытие выставки Йоко. Но то, что он увидел в галерее, его не впечатлило. Мешок столярных гвоздей продавался за 100 английских фунтов, яблоко на подставке за двести.

— Я подумал: «Чистой воды надувательство. Что это вообще за хрень?» — поведал Джон Би-Би-Си. — Я-то ждал настоящую оргию… А там было тихо.

Джона, как почетного гостя, немедленно представили художнице. Леннон привык, что женщины заигрывают с ним, пытаются ему понравиться. Но Йоко жила во вселенной, куда «Битлз» не дотягивались. В глазах родственницы монарха, в жилах которого якобы течет кровь богов, Леннон был простым смертным. Без всякого выражения на лице она протянула ему карточку с надписью «Дыши».

Слегка позабавившись, Джон стал вдыхать и выдыхать.

Оглядев комнату, он заметил белую лестницу, ведущую к белому холсту, свисающему с потолка. Поднявшись по ступенькам, Леннон взял увеличительное стекло на цепочке и разглядел на полотне крошечное слово «ДА».

— Было бы там «нет», или что-нибудь мерзкое, например, «лох», я бы тут же сбежал из галереи, — сказал он телеведущему Дику Каветту. — Но я увидел позитивное «Да», и подумал: «Хорошо, это первая выставка, где мне сказали теплое слово». И решил посмотреть остальные экспонаты.

Йоко предложила Джону забить гвоздь в доску. Цена вопроса — шестьдесят шиллингов. Джон замер, потом ухмыльнулся: «Давай так, я заплачу тебе воображаемые пять шиллингов, и забью воображаемый гвоздь».

Йоко уставилась ему в глаза. Его абстрактное чувство юмора было ей по нраву.

В конце вечера они разошлись каждый своей дорогой. Но связи не потеряли, и встречались время от времени.

— Между нами установились отношения учителя с учеником, — сказал Джон «Плейбою». — Вроде бы я такой известный, должен знать все на свете, но учителем была она.

Йоко сказала в том же интервью, что сама многому научилась у Джона. Но верит, что ее «женская сила» повлияла на «битла».

— Женщинам присуща глубинная мудрость… У мужчин ее не бывает, им просто не до этого. Так что мужчины обычно полагаются на глубинную мудрость женщин.

Даже если и так, в браке с Синтией Джон ничему не научился. Жена растила сына, муж эгоистично с головой ушел в себя — усиленно штудировал книги авторов, которых в школе пропускал мимо ушей, например, Джорджа Оруэлла, Оскара Уальда и Льва Толстого, или под ЛСД глазел на цветные пятна. Хоть он практически не общался ни с Синтией, ни с Джулианом, он рассказал жене про Йоко — про ее искусство, ауру, уникальный образ мыслей. Выпускница художественной школы, Синтия понимала, что Джон ушел далеко вперед, и теперь видит в ней недалекую провинциалку.

— Ему нужна была женщина, которая понимает, одобряет и поддерживает его экстравагантные идеи, — объяснит она в 1978 году в книге мемуаров «Мой муж Джон».

Наконец, Синтия лично познакомилась с Йоко. Внешне казалось, что переживать ей не о чем: все друзья Джона разделяли мнение, что она куда красивее соперницы. Но Синтия женским чутьем понимала, что между мужем и японской художницей установилась глубокая связь. Столько лет она старательно не замечала толп фанаток, увивающихся вокруг «Битлз». Но мысль о том, что Джон близок с Йоко, наполнила ее предчувствием беды.

Как-то раз, в пылу спора, Синтия высказала свои тревоги, заявив Джону, мол, ему будет лучше с Йоко. Джон ответил, что Синтия бредит.

Оба прекрасно все понимали.

Поначалу журналисты любили «Битлз», потому что ребята говорили от души. Конечно, Брайан Эпштейн обучил их сценической подаче. Но в музыку он не лез, и слова их песен звучали свежо и искренне — пока на них не обрушила гнев немаловажная группа американского населения.

— Стоит мне открыть рот, пиши пропало, — сказал Джон в интервью «Роллинг Стоун».

В нашем случае он не просто пощекотал нервы обывателей. Когда на концертах он выходил объявлять песни, а вместо этого смотрел поверх голов, корчил рожи, сплетал пальцы и грозным голосом выкрикивал всякую тарабарщину, мало кто замечал, что он изображает Адольфа Гитлера. Но стоило ему прилепить на верхнюю губу расческу, выйти на балкон отеля и вскинуть руку вверх, и сразу все поняли, что он глумится над толпой восторженных фанатов, сравнивая их с озверевшими

сторонниками фюрера. По сути, в издевке Джона было рациональное зерно — он как бы говорил, что нельзя слепо поклоняться никому, даже если это твой любимый музыкант.

Беда в том, что к религии Джон относился не менее скептически. Синтии даже пришлось крестить Джулиана без ведома отца.

— Христианство — вчерашний день, тут сомнений нет, — сказал он в 1966 году Морин Клив из лондонской «Ивнинг Стандарт». — Оно вовсю сдает позиции. Доказывать не буду. Время покажет, что я прав. Мы уже популярнее Иисуса. Не знаю, что исчезнет раньше — рок-н-ролл или христианство. Иисус правильно все говорил, но ученики ему достались тупые и серые. То, как они переиначили его слова, для меня ставит на христианстве крест.

В Англии на высказывание Леннона практически не обратили внимания. Однако через несколько месяцев в Америке подростковый журнал «Дейтбук» опубликовал эту цитату под заголовком, утверждающим, что «Битлз» лучше Иисуса.

Те, кого потом назовут правым крылом христианства, пришли в ярость. Сразу пошла обратная реакция. Двадцать две радиостанции объявили, что навсегда вносят «Битлз» в черный список — хотя именно они до сих пор не выдали в эфир ни единой их песни. На юге страны подростков призывали сжигать «битловские помои», швырять в огонь пластинки и сувениры.

За две недели до очередного турне по США пошли разговоры о запланированном убийстве и выступлениях ку-клус-клана. Чтобы снизить накал страстей, Брайан Эпштейн собрал в Нью-Йорке пресс-конференцию. Он призывал к миру, но крепко стоял на своем: несмотря на любые неполиткорректные высказывания «Битлз» были, есть и будут явлением культуры.

— Если кто-нибудь из организаторов сочтет, что концерт нужно отменить, я мешать не буду, — сказал он. — Особенно выступление в Мемфисе… они вчера продали больше билетов, чем за все время до этого.

Другими словами, даже в сердце южных штатов, на родине Элвиса, «Битлз» правили баллом.

11 августа, за день до открытия турне в Международном амфитеатре, «Битлз» провели еще одну пресс-конференцию в чикагском отеле «Астор Тауэре». Джон свято верил, что «антибитловкая коалиция» ненавидит рок-н-ролл из-за его сексуальной энергии и негритянских корней. Но все равно дико переживал, что его слова остановят победное шествие «битломании», и его с ребятами ждет участь сессионных музыкантов. Сидя в номере отеля, он не выдержал и заплакал. А

потом вышел к журналистам и взял всю ответственность за недопонимание на себя. Он объяснил, какой смысл вкладывал в свои слова: «Битлз» сегодня значат для подростков больше, чем Иисус и религия. Мы не ругаем христианство, и не пытаемся его ниспровергать. Я всего лишь констатировал факт… Я не говорю, что мы лучше или выше, не сравниваю нас с Иисусом Христом ни как с человеком, ни как с Богом, ни как с кем бы то ни было. Я сказал только то, что сказал, возможно, я неверно выразился, или меня неправильно поняли. Вот, собственно, и все».

Он также дополнил, что его замечание по сути является интерпретацией многочисленных книг о христианстве:

— Я пересказывал то, что прочел и понял о христианстве, только простыми словами, как я обычно и говорю.

Репортеры хотели знать, раскаивается ли он в своих словах. Леннон ощетинился, но счел, что если сейчас заартачится, может все потерять, а потому принес извинения. Подростки-бунтари, увидевшие в Ленноне своего парламентера, сохранили доверие к нему. В глазах остальных он заслужил прощения.

В старшей школе Марк Чепмен разочаровался в Джоне.

Сперва история про то, что «Битлз» популярнее Иисуса, повеселила его, но через несколько лет его мировоззрение совершило крутой поворот. Метаморфоза произошла, когда у него на улице отняли кошелек. Убедившись, что наркотики не могут защитить его от безжалостного мира, шестнадцатилетний Чепмен принялся искать более реальное, более надежное решение. Он обратился за помощью не к человечкам, но к традиции. Воздев ладони к небу, он взмолился: «Иисус, приди ко мне и спаси меня».

В тот же миг на него снизошел святой дух и навсегда изменил его жизнь. Чепмен постригся и выбросил армейскую куртку. Тусовки и наркотики были забыты. Все силы Марк отдавал делам церковным. На улице он обычно раздавал христианские брошюры. По школьным коридорам он бродил с Библией и «Записной книжкой Иисуса» — подборкой религиозных изречений.

Как большинство неофитов, он был нетерпим к инакомыслию. Из всех «врагов церкви» самую сильную ненависть у него вызывал Джон Леннон.

Чепмен поломал пластинки «Битлз». Текст песни «Imagine» подвергся доскональному разбору.

Джон говорит, что не надо стремиться к материальным ценностям, а сам заделался мультимиллионером, по всему миру скупает недвижимость, презирает таких, как Чепмен, наивно

поверивших, что Леннон — тот самый герой рабочего класса из песни.

Леннон — жулик.

«Представь, что небес нет». Как может Джон Леннон так говорить? Выходит, он не верит в Бога, и остальных тянет на скользкую дорожку атеизма.

По словам друзей, Чепмен переиначил слова песни: «Представь, что Джон Леннон погиб».

Стоило «битлам» отречься от христианства, как на горизонте появился Махариши, чья вера возмутила Чепмена еще сильнее. Технически Махариши Махеш Йоги, темнокожий гуру с белыми прядями в черной бороде, был призван помочь группе справиться с ненужными увлечениями, включая наркотики. Но основатель Трансцендентальной медитации сам стал звездой. Он раскатывал в «роллс-ройсе» и рассказывал состоятельным адептам о «новом религиозном течении».

«Битлам» в первую очередь нужно было спрятаться от «битломании». Ребята были на грани нервного истощения — кроме Ринго, который любил летать первым классом, на выходе из аэропорта садиться на заднее сиденье лимузина и тратить деньги без счета. Слава молодежных кумиров недолговечна, но «битломания» неуклонно набирала обороты. Потеряв возможность пройтись по улице, Джон стенал, что вынужден безвылазно сидеть в номере, есть и не чувствовать насыщения до полной отключки. Вспоминая тяжелое неблагополучное детство, он понимал, что соскучился по простоте и анонимности. Это чувство он выразил в песне «Help!»: «Эти дни давно прошли, я растерял свой пыл, / Тем, кто мне придет на помощь, двери я открыл».

Может, из-за того, что в группе Джордж всегда был на вторых ролях, он первым возненавидел «битломанию».

— Конечно, сперва мы стремились к славе и всему такому, — скажет он на представлении альбома «Cloud Nine» в 1987 году. — Но наше мнение быстро изменилось… Когда схлынули первая радость и переживания, меня, например, одолела депрессия. Все, что нам осталось в жизни — бегать из одного дерьмового отеля в другой в окружении визжащей толпы психов.

Хотя остальные «битлы» потом будут прославлять его поэтический талант, и даже сам Фрэнк Синатра назовет балладу Харрисона «Something» лучшей любовной песней второй половины века, Джордж страдал от того, что его творения попадают в альбом «Битлз» только после упорной борьбы с Ленноном и Маккартни.

— Дело в том, что Джон и Пол давно писали песни… У них было столько готовых вещей, и они естественным образом считали, что приоритет за ними, — сказал Джордж в интервью журналу «Кроудэдди». — Чтобы они выслушали одну мою, приходилось ждать, пока они исполнят десяток своих… Иной раз они меня хвалили, но так, будто делают мне одолжение.

Однако современники Джорджа явно ощущали его влияние на «Битлз». Кит Ричардс сказал журналу «Пипл»:

— Мы играли в своих группах примерно одинаковую роль, что создавало между нами особое взаимопонимание.

Поклонники Ричардса, потерявшегося за сверкающим образом Мика Джаггера, именно его считают душой «Роллинг Стоунз». В свою очередь, именно Джордж, увидевший в ЛСД способ уйти от серости и своего католического детства, и поточного производства заурядных хитов, подвиг «Битлз» свернуть на тропу психоделики. Под влиянием кислоты Джордж не только по-новому воспринимал музыку, но и задавался вопросами о смысле жизни.

Джон тоже ударился в поиск. Поначалу он разделял любовь товарища к экспериментам с веществами. На вечеринке в Голливуде актер Питер Фонда показал Леннону и Харрисону заработанный в детстве шрам от пули. Джордж совсем иначе представлял себе хороший кислотный приход. Он испугался и распереживался.

— Я знаю, каково это — быть мертвым, — хвастался Фонда.

Джон, знакомый со смертью не понаслышке, возмутился.

— Слышь, мужик, завязывай с такими разговорами, — потребовал он.

— От тебя такое чувство, будто меня вообще на свете нет, — отшутился Фонда.

В песне «She Said She Said» Джон представил Фонда в женском образе: «Она сказала: „Я знаю, каково это — быть мертвой“ /…от нее такое чувство, что меня на свете нет».

Эта песня вошла в альбом «Revolver», где встречаются такие кислотные звуки, как гитарное соло, проигранное задом наперед, и голос Джона, пропущенный через вращающийся громкоговоритель, предназначенный исключительно для электрооргана. Но Джорджу хватило ума понять, что наркотики — не лучший способ понять правду жизни. В 1966 году он начал летать в Индию, шесть недель учился играть на гитаре у Рави Шанкара, искал духовного наставничества у Махариши, усвоил его базовый постулат о позитивном мышлении во имя процветания человека и мира в целом.

Несмотря на то, что первую скрипку в группе играл вовсе не

Джордж, «Битлз» пришли к Махариши всем составом, и повели за собой в мистическое путешествие других звезд. Актриса Миа Фэрроу называла Харрисона «духовной силой».

До «Битлз» о таких скользких темах, как война и гражданские права, спокойно говорили только фолковые певцы вроде Буди Гатри, Джоан Баэз и Пита Сигера. В группе разгорелся спор, нужно ли следовать совету Эпштейна — молчать даже о футболе, или пойти на поводу у тех, что видит в «Битлз» духовных лидеров.

В 1966 году, когда во Вьетнаме находилось 385 тысяч американских солдат, а по стране прошла волна возмущения неосторожной фразой Леннона про Иисуса, «Битлз» объявили, что они за мир. Объясняя, что культ героизма стал настоящим бременем, члены группы видели, что их слова действуют не только на фанатов их возрастной группы, но и на юнцов вроде Марка Дэвида Чепмена.

Они надеялись, что именно молодежь поведет их сверстников по пути отказа от насилия.

Как проповедовал Махариши, деяния одного человека способны изменить мир.

Глава 9
Портрет безумца

Как многие подростки, впервые открывшие для себя «Над пропастью во ржи», Марк Дэвид Чепмен разделял мнение Холдена Колфилда, что система ценностей у взрослых какая-то дурацкая, а учителя, родители, политики — ничто иное, как лицемеры и шарлатаны. Не подозревая, что вливается в стройные ряды тысяч таких же подростков, Чепмен начал воспринимать себя как Холдена, одинокий протест против несправедливого общества.

Любопытно, что увлечение этой книгой пришлось на счастливый период в жизни Чепмена. Он блаженствовал в окружении молодых христиан, относившихся к нему как к другу. Когда Марк работал консультантом в летнем лагере Молодежной христианской организации (YMCA), дети прозвали его «Немо», а взрослые выдали грамоту за заслуги. Во время награждения его подопечные вскочили на ноги и начали скандировать — «Немо, Не-мо, Не-мо!»

Начальство заметило Чепмена и поставило на должность заместителя директора.

— Он был настоящим лидером, — сказал журналу «Нью-Йорк» Тони Адаме, бывший исполнительный директор отделения YMCA в Южном Дикалбе. — Марк был очень заботливым. В его словаре не было слова «ненависть»… Он чувствовал, что на него снизошел дух господень… Он старался быть хорошим человеком.

Окончив школу, Чепмен переехал в Чикаго, где снова попал в теплые объятия братьев-христиан. Он играл на гитаре в церквях и на религиозных сборищах, а его друг, Майкл Макфарленд, подражал голосам.

YMCA по программе международного обмена отправили Марка в Ливан, но вскоре там разгорелась гражданская война между христианами и мусульманами. Домой он вернулся опытным, закаленным человеком — вера в Иисуса прошла испытание взрывами бомб и стрекотом пулеметов. Ему дали новое назначение в Форт-Чафе, Арканзас, работать с вьетнамскими беженцами. Практически сразу Чепмен стал региональным координатором. Когда в лагерь с визитом приехал президент Джеральд Форд, верховному главнокомандующему представили Марка, и они обменялись рукопожатием.

В том году Форд пережил два покушения. Но ни сам президент, ни агенты его службы безопасности не почувствовали в Чепмене ни малейшей угрозы.

Дэвид Мур, в те времена живший с Марком в одной комнате, рассказал «Дейли Ньюс» Нью-Йорка:

— Он отличался редкостным состраданием, заботился о людях, очень любил детей.

По вечерам Мур и Чепмен открывали Библию и вдумчиво обсуждали жизнь по христианским заповедям. Каждое воскресенье они ходили в церковь. Часто им составляла компанию девушка Чепмена, Джессика Блэнкиншип.

— Мне кажется, это было лучшее время в его жизни, — сказала она в «Дейтлайн», программе Эн-Би-Си. — Я была в него влюблена, а он отвечал мне взаимностью.

Больше всего Джессику очаровало, как ловко Чепмен общается с вьетнамскими детьми. Он к каждому умел найти подход.

— Я подумала: «Ого, настоящий талант. Всегда приятно посмотреть, когда человек находил общий язык с детьми», — вспоминает она.

Уходя в себя, она мечтала, как они с Чепменом женятся, селятся в пригороде, заводят детей.

К сожалению, Чепмен, уходя в себя, видел совсем другие картины. Христианская вера дала ему такой толчок, о каком и думать было нельзя, но мрачные воспоминания о тех временах, когда он сидел на кислоте и сбегал из дома, так до конца и не стерлись.

Дело происходило в Джорджии, одним прекрасным утром 1975 года. В дверь Майлза Макмануса, школьного друга Марка, постучал почтальон и вручил ему посылку. Внутри обнаружилась кассета. Майлз сунул ее в магнитофон и услышал знакомый голос.

— Привет, ты слушаешь запись Марка Чепмена.

Тогда это было в порядке вещей. Ни скайпа, ни электронной почты не существовало, и посылка с кассетой была хорошей высокотехнологичной альтернативой простому письму. Чепмен рассказал другу о своих музыкальных пристрастиях. В Ленноне он разочаровался, но по-прежнему считал кумиром Тодда Рандгрена. Одна его песня, «An Elpee's Worth of Toons», прекрасно отражала самооценку Чепмена: «Портрет безумца… образ мятущейся души».

За четыре года «Битлз» отыграли более 1400 концертов, в среднем по 350 выступлений в год.

— Как-то мне поднадоело, — сказал Джон телеведущему Тому Снайдеру о непрерывном турне. — Мы превратились в открывающих рот мимов.

Все четверо «битлов» жаловались, что не слышат друг друга за воплями толпы, что крайне мешает профессиональному росту. Запершись в студии, они сразу делали мощный рывок вперед, создавая такие сложные вещи, как «Eleanor Rigby» и «Tomorrow Never Knows». Но примитивная концертная аппаратура тех дней не позволяла исполнять подобные песни на типичном концерте «Битлз».

29 августа 1966 года «Битлз» отыграли последний официальный концерт в Кэндлстик-парк в Сан-Франциско. Забавное обстоятельство: именно там развивалась совершенно иное музыкальное направление, уходящее корнями в свободомыслие психоделики и презирающая конформизм американского запада. Пола тревожила категоричность решения — он считал, что группа не должна терять контакт со своими фанатами.

С точки зрения Эпштейна группа рубила финансовый сук, на котором сидит. Но за четыре года, прошедшие с того дня, как он уволил Пита Беста и упаковал ребят в костюмы, разительно изменились и «Битлз», и окружающий мир. Брайан в пылу борьбы с собственными демонами потерял возможность отдавать приказы.

С ним или без него, они оставались «Битлз».

Чепмен стоял на Семьдесят второй стрит и вспоминал, как выглядел человек, не так давно севший в такси. Был ли это Леннон? Вполне возможно. Но тут разнесся слух, что Джон вернулся в Дакоту. Марк, отлучавшийся несколько раз, предположил, что они с Ленноном разминулись.

Тем временем у себя в квартире Джон с Йоко давали интервью калифорнийскому радиоведущему Дэйву Шолину. Тот готовил передачу для сети RKO. Речь шла о «Double Fantasy», о трудностях брака и воспитания сына. Шолин прекрасно знал, как работает индустрия звукозаписи, и полагал, что авторов такого популярного альбома загоняли в хвост и в гриву. Так что он ожидал, что чета Леннонов воспримет интервью как очередную надоевшую обязанность. Но они вели себя расслабленно, разговор больше походил на простую дружескую беседу. Время летело незаметно — Шолин просидел у Леннонов примерно три часа.

— Я на самом деле обращаюсь к тем людям, кто рос вместе со мной, — сказал Джон про альбом. — Говорю им: «Вот он я. Как у вас дела? Как семья, как дети? Справляетесь потихоньку? Семидесятые не задались, да? Ну давайте попробуем пережить восьмидесятые».

До творческого отпуска, отметил Джон, он активно

участвовал в общественной жизни — из любопытства, сострадания, любви, или потому, что хотел расти и развивать свою систему ценностей. Однако главное послание Джона и Йоко — каждый человек должен стремиться к миру в себе и во всем мире — остается неизменным.

— Я по-прежнему верю в мир и любовь, — сказал он Шолину. — Верю в позитивное мышление. Мы рисуем картину жизни, где нет войн, не просто поем о любви и мире, но несем их в себе.

Даже в лучшие моменты Джон не забывал о смерти — и пять безмятежных лет с женой и сыном не смогли этого изменить.

— Или мы будем жить, или умрем, — сказал он. — Если умрем, так тому и быть. Если будем жить, значит, надо научиться жить как следует. Если мы будем сидеть и бояться апокалипсиса в виде краха Уолл-Стрит или пришествия Зверя, ничего хорошего из этого не выйдет.

Потом каждое слово, сказанное Джоном в тот вечер, изучат под микроскопом и сочтут пророческим.

— Надеюсь, что умру раньше Йоко, — сказал он, — потому что просто не знаю, как жить без нее. Я не сумею.

Разговор быстро ушел дальше. Джон, как и его фанаты, пережил лихие годы, и был рад, что все окончилось благополучно:

— Мы выжили… Изменилась даже карта мира, в будущем нас ждет неизвестность, но мы целы и невредимы. А пока есть жизнь, есть и надежда.

Леннон переживал небывалый творческий подъем. Вырвавшись из цепких лап музыкальной индустрии, он будто обрел второе дыхание. Все было хорошо — и «Double Fantasy», и посиделки с Йоко в студии. Он получал такое удовольствие от записи своих песен и их продвижения, как никогда в годы «Битлз».

— Я не перестану работать, пока не умру и не лягу в гроб, — сказал он Шолину. — Надеюсь, этослучится нескоро.

Путь к этому мгновению был тернистым. Разве мог Джон в 1960 году предположить, что спустя двадцать лет будет сидеть с женой-японкой у себя дома в Нью-Йорке и дружелюбно беседовать с репортером? Так что и на будущее загадывать смысла нет. Но он ничего не боится, потому что у них с Йоко все замечательно.

Как сказал Джон, они «спешат жить».

Работу над первым чисто рок-н-ролльным концепт-альбомом «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» «Битлз» начали еще до

последнего своего выступления. Как впоследствии в «The Village Green Preservation Society» группа «Кинкс», в нем был налет ностальгии, траур по тому образу жизни, который стремительно уходил в прошлое — во многом усилиями самих «Битлз». Идея группы, колесящей по деревням и развлекающей одиноких людей, восходила к эпохе, когда музыканты и слушатели сидели в одном кругу. Текст «Being for the Benefit of Mr. Kite» взят с плаката, рекламирующего праздник, организованный в девятнадцатом веке Пабло Фанком, первым чернокожим владельцем цирка в Британии. Несмотря на психоделический антураж, здравое зерно было и в «Lucy in the Sky with Diamonds».

Песня родилась в тот день, когда Джулиан Леннон принес из детского сада картинку. Джон хоть практически не занимался сыном, всегда с большим интересом разглядывал рисунки четырехлетнего сына. Глазами Джулиана он видел увлечения собственного детства, в том числе «Алису в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла — влияние этой книги заметно во многих его текстах, среди которых «I Am the Walrus». На картинке была изображена девочка с кристаллами вместо глаз. Джон спросил у сына, что это такое.

— Это Люси в небе с бриллиантами, — объяснил Джулиан, имея в виду малышку из его группы по имени Люси О'Доннел.

Поначалу Леннон хотел включить в «Сержанта Пеппера» свою «Strawberry Fields Forever». Но альбом и без того был перегружен, так что песня о благословенных днях, когда они детьми играли в «Земляничных полянах», пошла в «Magical Mystery Tour».

— Мы хотели написать о Ливерпуле, — сказал Джон журналу «Роллинг Стоун» в 1968 году. — Я взял и выписал на листочке все благозвучные названия, какие вспомнил… «Земляничные поляны» стоят у меня перед глазами. Еще была Пенни-Лейн и Каст-Айрон Шор… всякие хорошие названия, драйвовые, красивые. «Земляничные поляны» — просто такое место, где обязательно хочется побывать.

Даже в самых мягких работах Леннона всегда заметна боль. Строка «со мной на дереве нет никого» выражает детскую уверенность Джона в том, что его никто не понимает.

Когда в 1967 году вышел «Сержант Пеппер», все четверо «битлов» сменили имидж — стали ярко одеваться, отпустили усы и бороды. Повсеместно вошли в моду круглые очки — только потому, что их носил сам Леннон. На обложке на переднем плане стоят «Битлз» в ярких атласных мундирах, похожих на форму Армии спасения, а за ними — такие личности, как Зигмунд Фрейд, Карл Маркс, Мерилин Монро, Льюис Кэрролл, Боб Дилан,

бывший ливерпульский футболист Альберт Стаббингс. По правую руку Леннона склонили головы «Битлз» разлива 1964 года, в темных костюмах, с прическами моп-топ, похожие то ли на восковые фигуры, то ли на призраков.

Леннон просил разместить на коллаже Иисуса Христа. Но после демонстративных сожжений альбома в южных штатах ему решительно отказали.

За сиянием обновленных «Битлз» прятались болезненные тексты Джона Леннона, с головой ушедшего в самокопание. Его пока что жену Синтию еще ждет публичное унижение, но Джон уже сожалеет о том, как плохо он обращался с женщинами. Например, в песне «Getting Better», навеянной фразой Джимми Никола, не раз звучавшей во время его недолгой работы с «Битлз», Леннон признает: «С женщиной своей я был жесток / Бил ее и взаперти держал».

— Да, таким я и был, — скажет он потом журналу «Плейбой». — Со своей женщиной я обращался жестоко, распускал руки. Не мог выразить свои чувства словами, поэтому и бил ее. Я дрался с мужчинами, бил женщин. Вот почему теперь я все время говорю о мире. Самые жестокие люди первыми стремятся к любви и миру. Мы тяготеем к противоположности.

С пистолетом в кармане, стоя перед Дакотой в ожидании Джона Леннона, Марк Чепмен листал «Над пропастью во ржи». Он и не пытался скрывать, что одержим Ленноном — ни внешностью, ни поведением он не выделялся из толпы фанатов. В первый приезд сюда, с месяц назад, он обошел здание кругом, пообщался с охраной, оценил, можно ли заметить в окне Джона или Йоко. Но так и не понял, какие из окон ведут к ним в квартиру. Но даже встреть он Леннона на улице, он бы не смог так сходу осуществить свою фантазию.

По законам Нью-Йорка нельзя просто зайти в оружейный магазин и купить патроны тридцать восьмого калибра.

Теперь он был полностью укомплектован. Поначалу он хотел было остановиться в YMCA, но тогда бы в прессе написали, мол, Чепмен жил в дешевой комнате рядом с наркошами и извращенцами, а это никуда не годилось. «Шератон» — вот его выбор. Там портье и коридорный говорили ему «сэр». И видели в нем не какого-нибудь проходимца, а дорогого гостя.

Даже таксисты принимали его всерьез. Как-то на выходных он перед Дакотой поднял руку, и к нему сразу же рванула машина. Похоже, водитель принял его за обитателя этого дома. Не так уж и нереально, подумал Чепмен, жить рядом с Ленноном.

— Вам куда?

— Гринвич-виллидж.

Водитель свернул в нужном направлении.

— Столько дел, зашиваюсь, — поведал Чепмен.

— Чем занимаетесь?

— Инженер звукозаписи. А работаю над… только обещай никому не говорить.

Таксист кивнул.

— Особый проект. Пол Маккартни и Джон Леннон снова играют вместе. Я как раз был у Леннона, обсуждали технические вопросы.

24 августа 1967 года Махариши читал в Лондоне лекцию о Трансцендентальной медитации. Трое из «битлов» пошли туда как живая реклама и мероприятия, и движения в целом. Джордж явился с женой Пэтти, Пол с подружкой Джейн Эшер, а Джон с Синтией. На следующий день репортеры ломанулись всей толпой смотреть, как четверо «битлов», Мик Джаггер и Марианна Фейтфул садятся на поезд до Бангора, Уэллс, где должен проходить семинар. В толпе Синтия потеряла Джона. Поезд уже отходил, когда один фотограф заснял миссис Леннон, рыдающую на платформе.

Потом она скажет, что в тот самый момент почувствовала себя брошенной. Брайан Эпштейн обещался тоже подтянуться, как закончит дела в Лондоне — он договаривался об аренде театра Сэвилл для концерта Джими Хендрикса. Пока «битлы» общались с гуру, домохозяйка Брайана заметила, что он весь день не выходит из спальни. Встревожившись, она позвала его по имени, постучалась, не дождавшись ответа, зашла в комнату, где лежало бездыханное тело тридцатидвухлетнего менеджера.

Успех в жизни Брайана — раскрутка сети магазинов, потом превращение «Битлз» в денежный станок — шел рука об руку со стыдом за сексуальную ориентацию. Пока «битлы» экспериментировали с различными веществами, Эпштейн предавался собственным порокам, проигрывал тысячи фунтов за раз в азартные игры, подсел на амфетамины и другие таблетки. Во время турне музыканты часто не знали, где пропадает Брайан, но замечали, что его одолевает депрессия. За две недели до смерти репортер из журнала «Мелоди Мейкер» спросил у него, чего он больше всего боится.

— Одиночества, — ответил Эпштейн. — Хотя в известной степени одиночество — дело наших собственных рук.

Во время записи «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» Брайан лег в больницу. Но едва альбом вышел, он снова с головой окунулся в атмосферу невоздержанности, чем отличались

«битлы» на пике психоделической фазы. Чтобы заснуть, каждый вечер он пил успокоительное, карбитрал. Организм настолько привык к лекарству, что Эпштейн принимал максимально допустимую дозу.

Вскрытие показало, что Брайан умер по неосторожности, от передозировки снотворного, хотя многие верят, что его саморазрушение дошло до логического финала.

После нескольких дней занятий у Махариши обычно скептичный Леннон заявил прессе, что обрел в медитации «уверенность, необходимую, чтобы пережить потрясение». Харрисон, сильнее всех ударившийся в мистику, неоднократно повторял, что «смерти нет, умирает только тело. Мы знаем, что с ним все хорошо. Он вернется, потому что так сильно мечтал о счастье и блаженстве».

Не прошло и месяца со дня смерти Эпштейна, как в Англии узаконили гомосексуальные отношения. Возможно, проживи он дольше, успел бы почувствовать себя нормальным человеком. Джон, которого многие считали объектом страсти Брайана, увековечил его память в песне «You've Got to Hide Your Love Away», и сам записал ее на двенадцатиструнной гитаре.

Через неделю имя Марка Дэвида Чепмена прогремит на весь мир.

Эта мысль грела Чепмену душу. Он третий день ждал под окнами Дакоты. Развязка приближалась. Но хватит ли ему смелости убить Леннона? Может, лучше совершить другой поступок, не менее впечатляющий? Марк почувствовал, что его самого смерть больше не страшит. Если его над трупом Леннона застрелит полицейский — так тому и быть, он все равно навеки войдет в историю.

Но что, если он не встретит Леннона? Все остальные фанаты, торчащие перед Дакотой, уже видели кумира, а Марк второй раз в Нью-Йорке, почему Леннон вечно от него ускользает? Может, сама судьба стоит у него на пути?

Но уехать ни с чем Марк не мог. Он не умрет в безызвестности. Если он не сумеет убить Леннона, есть и другие варианты. Например, пойти на экскурсию в голову статуи Свободы и спрыгнуть вниз.

Люди все равно его запомнят.

«Битлз» в компании других звезд поехали в индийский город Ришикеш осваивать Трансцендентальную медитацию в ашраме Махариши Махеш Йоги. Там гуру заманил Миа Фэрроу в темную пещеру, загнал в угол и неуклюже облапал. Пол и Ринго уже

вернулись в Лондон, но Джон и Джордж, узнав о том, что Махариши попался на горячем, а так же по слухам соблазнил другую последовательницу, пошли разбираться к «аскету, давшему обет воздержания». Не только Леннон утратил веру в Махариши, но даже Джордж начал сомневаться в честности духовного наставника. Покидая Индию, Джон начал писать новую песню: «Махариши, ты злодей / Ты обманывал людей».

Фэрроу потом призналась, что могла неверно истолковать жест наставника, и Джордж уверовал, что Махариши стал жертвой дурной молвы. Леннон не был в этом уверен, но согласился с требованием Харрисона убрать из текста имя гуру. Песню в результате назвали «Sexy Sadie».

Через месяц после фиаско в Индии Синтия Леннон уехала в Грецию, а Джон пригласил в гости Йоко, якобы поэкспериментировать со звуком. По возвращении домой Синтия застала Джона и Йоко сидящими на полу в позе йоги и смотрящими друг другу в глаза. Тапочки японской художницы стояли у двери супружеской спальни. Она явно жила здесь не первый день. Джон не стал утруждать себя оправданиями, и Синтия собрала чемоданы.

Она не винила супруга: по ее мнению, Джон и Йоко не могли не полюбить друг друга, ибо обладали «единством тела и духа», с которым ей было не тягаться.

— Йоко не украла у меня мужа, — напишет Синтия в автобиографии «Мой муж Джон», — потому что он и так мне не принадлежал. Он всегда был сам по себе, и делал что хотел.

Тем не менее, она была вынуждена подать на развод по причине супружеской неверности. Джон все признал, и 8 ноября 1968 года все бумаги были подписаны.

Джордж Арцт скакал по широким старинным лестницам Сити-Холла. Он занимал там скромное помещение, но всяко лучше, чем грязная комната отдела новостей «Нью-Йорк Пост», с облупившейся краской и поломанными пишущими машинками. В прошлом начальство требовало, чтобы он звонил в редакцию сразу по приезду на Геральд-сквер. Выудив из кармана монетку, Джордж бежал к таксофону и получал задание. Если ничего срочного не было, ему приказывали явиться в Сити-Холл. Сказать по правде, эта фраза звучала каждый божий день. С годами из журналиста широкого профиля он превратился в шефа бюро своей газеты в Сити-Холле.

Еще в 1980 году журналистский корпус Нью-Йорка в массе состоял из ребят, неотличимых от чиновников. В особенности это касалось «Нью-Йорк Пост» и «Дейли Ньюс». Их репортеры, родом

из окрестных городков, писали с пролетарской основательностью. Джордж помнил, как мама внушала ему: «Кем ты станешь, зависит только от тебя. Денег, чтобы помочь тебе, у нас нет».

Сперва он выбрал работу в газете, чтобы, общаясь с людьми, победить собственную застенчивость. А потом полюбил репортерскую жизнь. Рядом были настоящие титаны журналистики — Джимми Бреслин, Пит Хэмилл, Нора Эфрон, Хелен Дудар. В их среде царил сексизм — если женщина была крутой и сильной, она превращалась в своего парня.

Сити-Холл, центр городской администрации, был плодоноснейшей делянкой. В середине семидесятых, когда мэрствовал Эйб Бим, а город переживал первую волну массовых увольнений со времен Великой депрессии, в зале для пресс-конференций приходилось следить за языком. Репортерам строго-настрого запрещали произносить в присутствии мэра слово «банкротство». Можно было находиться «на краю пропасти», но не на грани банкротства. Эд Коч оказался совсем другим типажом. Говори, что хочешь, но не обижайся, когда тебя начнут возить лицом по столу.

Политики и звезды так и сновали по коридорам Сити-Холла. А те, кто собирал газетный материал по городу, встречали известных людей еще чаще. В отличие от иных коллег, Джордж никогда не видел Джона Леннона вживую. Но Йоко пару раз попадалась ему на глаза. Хотя журналисту положено сохранять беспристрастность, Джорджа интриговало участие Йоко в жизни «Битлз». Он восхищался этой группой, и когда те были поп-звездами, и когда ушли в эксперименты со звуком и создание новых, крайне неожиданных концепций.

— Для таких, как я, людей среднего класса, их песни всегда были вызовом, — сказал он.

Когда десять лет назад «Битлз» распались, мир Джорджа пошатнулся. Он сравнивал это душераздирающее событие с переездом «Бруклин Доджерс» в Лос-Анджелес по окончании сезона 1957 года.

Примерно в половине третьего Чепмен увидел няню, ведущую в сторону Дакоты улыбающегося ребенка с каштановыми волосами и азиатскими чертами лица. Джуд Стин, частая гостья под окнами дома, подошла к Шону Леннону и спросила, как прошел день. Шон, узнав Джуд, показал ей руку.

— Пальчик прищемил.

— Ничего страшного, до свадьбы заживет. Чепмен покинул компанию Пола Гореша, чтобы присоединиться к разговору. Джуд окинула его взглядом. Перед ней стоял спокойный, дружелюбный

мужчина.

— Какое прелестное дитя, — сказал Чепмен, наклоняясь и протягивая ладонь. Шон с удовольствием пожал ему руку.

Новым менеджером «Битлз» в срочном порядке назначили Клайва Эпштейна, но он не разделял увлеченности брата этой группой и подрастерял старых деловых партнеров. Художественное руководство принял на себя Маккартни. Так родился фильм «Magical Mystery Tour». «Битлз» засняли в естественной среде, во время поездки на автобусе в компании различных персонажей вроде дяди Чарли, родственника Леннона, добавили эдаких «музыкальных клипов» образца 1967 года и получили на выходе полный хлам. Амбициозный проект с треском провалился.

Тем не менее, в одноименном альбоме звучат величайшие песни «Битлз»: «Penny Lane», «The Fool on the Hill», «Strawberry Fields Forever» и «I Am the Walrus» — дивное, слегка тревожное путешествие в сознание Джона Леннона. Клип на последнюю песню многие годы считался образцом авангардизма — музыканты в костюмах зверей и белых шапочках «под человека-яйцо», раскачивающиеся полисмены, мелькающие фотографии совсем юных «битлов» погружают зрителя в сюрреалистичный мир.

Другая песня по заряду человеколюбия, заложенному Джоном, вполне сравнима с «Imagine». «Битлз» впервые представили ее незадолго до смерти Брайана — на первой спутниковой программе, идущей в прямом эфире на всю планету. Шоу под названием «Наш мир» смотрело 350 миллионов человек на пяти континентах. «Битлз» с такими друзьями, как Мик Джаггер, Кит Мун, Эрик Клептон и Грэхем Нэш, заявили в полный голос: «All You Need Is Love».

Встреча с Шоном Ленноном нарушила вялое течение времени. Когда мальчик ушел, Чепмен разговорился с Джуд Стин. Она хорошо знала Леннонов, и была подлинным знатоком «Битлз». Марк с удовольствием ее слушал, сам рассказывал ей о своей жизни на Гавайях. К тому времени оба успели замерзнуть, и Чепмен пригласил девушку зайти в соседний ресторан.

Фотографии Леннона висели в витринах многих магазинов на Коламбус-стрит. Чепмен заглянул в каждый и пообщался с сотрудниками. Было видно, что Джон нравится не только фанатам «Битлз», но и тем, кто сталкивается с ним в повседневной жизни. Он ведет себя с людьми обходительно, они отвечают ему взаимностью. В лагере YMCA к Марку относились

точно также. А что с гавайскими соседями? Что они скажут о нем? Одни назовут его тихим, другие — странным.

Впоследствии Чепмен признается, что в тот вечер пригласил Джуд на свидание. По его словам он надеялся расстроить собственные планы. Согласись она, история пошла бы по другому пути. Вероятно, он бы сделал попытку застрелить Леннона, но в другой день. А если бы его помутившимся рассудком овладела другая идея, Чепмен вполне мог бы просто забыть о задуманном преступлении.

В интервью программе «Дейтлайн» Джуд сказала, что не помнит никаких романтических намеков с его стороны. Чепмен был приятным человеком и любил «Битлз»; каждый день, стоя у Дакоты, она общалась с подобными людьми. А больше ничего не было.

Она абсолютно уверена, что он не приглашал ее ни на какие свидания:

— Полный бред. Впервые слышу. Должно быть, эта сцена разыгралась у него в воображении.

Они вернулись к Дакоте, но температура на улице продолжала падать.

— Ты до которого часа здесь будешь? — спросила Джуд у Чепмена.

— До упора, — ответил он.

Она решила, что он хочет взять автограф.

Чепмен вернулся на позицию у главного входа, зажав подмышкой пластинку «Double Fantasy». Он кивнул привратнику и Полу Горешу. Джуд прислонилась к ограде с горгульями. В квартире Леннонов подходило к концу интервью. Джону с Йоко пора было ехать в студию. С утра он отслушал ее запись «Walking on Thin Ice» и хотел внести некоторые изменения. Он уже знал, каким хочет видеть сингл — с заглавной песней Йоко на стороне А и его собственным хитом на стороне Б. Наконец-то слушатели прозрели, подумал он. Люди, простые люди начинают понимать творчество Йоко, также, как в свое время приняли сердцем идею мира.

— Работать с друзьями — величайшая радость, — сказал он Дэйву Шолину. — У меня нет друга ближе жены. Можно ли мечтать о большем?

Внизу Чепмену показалось, что он одержим дьяволом.

Те самые фанаты, которые в 1980 году восхищались трогательными отношениями между Джоном и Йоко, поначалу восприняли их в штыки. Шестидесятые были унылым, консервативным продолжением пятидесятых, пока Джон, Пол,

Джордж и Ринго не открыли дверь и пригласили всех на праздник. А потом, как утверждают Йоко-ненавистники, ворвалась она и начала всем гадить.

Вскоре после того, как Джон и Йоко официально начали встречаться, они пришли на авангардный джаз-фестиваль в Кембриджском университете, и их позвали на сцену. «Это первый раз, когда я был не в роли «битла», — сказал Джон журналу «Роллинг Стоун». — Я просто стоял с гитарой у колонки, слушал, как она заводится, а народ меня узнал и давай возмущаться. „Он-то что тут делает?“ Это вечное „Сиди в домике и не высовывайся“… Каждый хочет, чтобы ты вписывался в нарисованный ими образ. Но это все равно, что вечно соответствовать ожиданиям родителей или общества… Чтобы нормально жить, нужно высовываться из домика».

Чем больше чета ощущала сопротивление, тем сильнее они давили. Их отношения активно освещались, и Джону достаточно было появиться где-нибудь и выступить с заявлением. Вот Джон и Йоко сажают два желудя на территории собора Ковентри — один смотрит на запад, второй на восток, символизируя слияние двух их культур. Перед галереей Роберта Фрейзера Йоко стоит рядом с Джоном, пока он перерезает веревку, удерживающую 365 шариков, надутых гелием. К каждому прилеплена карточка с надписью «Вы находитесь здесь» и просьба нашедшему написать Леннону на адрес галереи. Потом Джон с Йоко читали ответы. К их печали основная масса фанатов просила Джона вернуться к Синтии.

Как-то раз на Эбби-роуд перед студией EMI они встретили группу молодых людей. Йоко вручили букет желтых роз. Она была очень тронута, несколько раз повторила слова благодарности.

— Давно пора людям сделать для нее что-нибудь хорошее, — сказал Джон.

Но оказалось, что розы специально протянули ей шипами вперед.

Джон с Йоко давно научились не обращать внимания на нападки, но эта сцена задела обоих.

— Самое унизительное, это когда на тебя смотрят как на паразита, — объяснила Йоко в интервью «Плейбою». — Мы любили друг друга, хотели помочь всему миру. Так почему бы просто за нас не порадоваться?

— Когда тебе говорят: «Как ты можешь жить с этой женщиной?», отвечаешь: «Что ты имеешь в виду?» — поддержал ее Леннон. — Почему все хотят бросить в нее камень, а меня наказать за то, что я ее люблю?

Постоянное чувство отчуждения закипело в Джоне с новой силой, и он уверовал, что Йоко — единственный человек, кто всегда на его стороне. Он говорил друзьям, что и минуты не может без нее обойтись.

— Отношения с Йоко требуют сил, но нам достался волшебный дар любви, — сказал Джон телекомпании ATV в 1969 году в Англии. — Любовь, как бесценный цветок. Нельзя получить его и забыть на подоконнике… Его надо поливать. Заботиться о нем, ухаживать, отгонять мух, проверять, что все в порядке, подсыпать удобрения.

Джон постоянно говорил о них с Йоко как об одном человеке. Он даже заявил, что «Йоко — это я в юбке».

То, что Джон оказался во власти посторонней женщины, разрушило гармонию в «Битлз». Пол ощущал, что группа только мешает Джону проводить все время с Йоко — как работа в офисе или школьные домашние задания. Ринго как никто понимал Джона, но его жена, Морин, водила дружбу с Синтией, а потому отношения с Йоко у барабанщика не задались.

Когда закончился бракоразводный процесс, Джон с Йоко выпустили собственный альбом, «Two Virgins». Он состоял из визжащих и стрекочущих звуков, записанных парой, пока Синтия отдыхала в Греции. На обложке обнимаются взъерошенные и совершенно голые Джон с Йоко. На обратной стороне они же, голые, держась за руки, стоят спиной к камере и через плечо смотрят в объектив. Пускай, они не самая красивая пара, смысл был в другом.

— Мы пытались сказать: «Мы встретились, мы любим друг друга и готовы поделиться своими чувствами», — сказал Джон Дэйву Шолину. — Еще это своеобразное заявление о том, что я пробудился. «Вы знаете меня как «битла», а вот я каков на самом деле». Понимаешь, «вот я, голый, с женщиной, которую люблю. Хочешь с нами?»

Пол с ними не хотел.

— Джон теперь любит Йоко, — сказал он, — а нам троим нет места в его жизни.

В районе пяти Джон с Йоко наконец вышли из Дакоты.

Интервью заняло неожиданно много времени, так что они сильно опаздывали в студию. Дэйв Шолин предложил их подвезти.

Марк Дэвид Чепмен увидел, как бывший «битл» подошел к Полу Горешу.

— Привет, Пол, давно тут торчишь?

На глазах у взволнованного Чепмена они обменялись парой

фраз. Пол подозвал нового знакомого. Джон поймал взгляд Чепмена и заметил пластинку «Double Fantasy» у того в руках. Марк протянул ее вперед.

— Дать автограф?

Чепмена колотило: столько лет он восхищался Джоном Ленноном, и тут объект восторгов обращается к нему!

— Подпишите пластинку, если можно, — попросил он, протягивая Джону черную ручку «Бик».

Гореш отодвинулся и навел фотоаппарат. Довольный Чепмен следил, как Леннон царапает стержнем блестящую обложку. Ручка сперва отказалась писать, и Джон ее потряс. Йоко, проходя мимо, несколько секунд разглядывала Марка. Он выглядел точь-в-точь как остальные фанаты. Приятно, что такая мелочь, как автограф, может доставить человеку столько радости.

Наконец, ручка разработалась. «Битл» подписался «Джон Леннон», и добавил снизу «1980».

Йоко уже сидела в машине, но Джон потратил на Чепмена еще несколько секунд.

— Что-нибудь еще нужно?

Чепмен понял, что Леннон о чем-то догадывается, может, инстинкт подсказывает ему, какую трагическую роль сыграет Марк в его жизни? Иначе с чего такая обходительность?

— Жена сидела в машине, — поведал потом Чепмен Ларри Кингу с CNN. — Дверь была открыта, а он же занятой человек… Он спешит… в студию звукозаписи, но тратит время на разговоры с посторонним человеком и спрашивает, что мне нужно. Он же дал мне автограф. Фотоаппарата у меня с собой не было. Чего еще я мог хотеть?

Марк покачал головой.

— Нет, благодарю, — ответил он Джону.

Леннон развернулся и сел рядом с женой. Дверь захлопнулась, и Шолин отъехал от тротуара. До зимнего солнцестояния оставалось две недели, поэтому уже темнело. В магазинах загорались рождественские гирлянды. От этого времени года у Джона шла кругом голова. Интервью закончено, но Леннон никак не мог угомониться, он восторженно вспоминал о Литл Ричарде и других кумирах детства. Потом запел. «Би-боп-а-лула, она моя малышка…»[6]

Леннон даже похвалил Пола Маккартни.

Перед Дакотой Чепмен выяснял у Гореша, что было на фотографии:

— Я был в шляпе или без? Хорошо бы без. Народ на Гавайях просто глазам не поверит.

Он подошел к зданию и положил пластинку на выступ. Привратник Хосе Пердомо улыбнулся ему.

— Сделай одолжение, — попросил Чепмен. — Запомни, куда я ее положил, пригодится.

Потом он утверждал, что у него в голове спорили два голоса:

— Пошли домой.

— Нет, ни за что. Я хочу его убить.

Йоко и Тони Кокс оформили развод в феврале 1969 года. Йоко получила опеку над дочерью, Киоко. 20 марта Джон с Йоко поженились в городе Гибралтар, заморской провинции Великобритании, расположенной на юге Пиренейского полуострова. Чтобы соблюсти формальности, а заодно бросить вызов привычке женщин бездумно брать фамилию мужа, Джон официально взял имя Джон Уинстон Оно Леннон.

Медовый месяц чета провела в 902-м номере амстердамского «Хилтона». Они всех пригласили понаблюдать.

Но в этом зрелище не было ничего сексуального. Семь дней они проторчали в постели, объявив, что своей акцией борются за мир во всем мире. Дюжины фотографов, щелкая вспышками, снимали, как Джон с Йоко в пижамах возлежат на мягких подушках. Джон сказал в интервью Тому Снайдеру:

— Что бы мы ни сделали, все попадало в газеты. Мы решили — пускай площадь, отведенная под репортажи о нашей свадьбе, будет лучше занята рекламой мира, ну и нашего творчества… Считай, получилась семидневная пресс-конференция, посвященная миру. Обычно репортеру достается пять, максимум десять минут. Мы отвечали на вопросы, пока не надоест, и постоянно говорили о мире.

Перед зданием «Рекорд Плант» кипела суматоха. Когда Джон с Йоко зашли внутрь, вся улица — туристы, наркоманы, торговцы хот-догами — пришла в движение. И дело не в том, что перед ними промелькнула звезда. До людей начало доходить послание, заложенное в «Double Fantasy».

В студии царило праздничное настроение. «Double Fantasy» уверенно шел в гору. Решение Дэвида Геффена открыть «Геффен Рекордз» оказалось более чем уместным. Леннон решил, что выведет «Walking on Thin Ice» на вершины хит-парадов — гитарное соло, основанное на мелодии рокабилли-песни 1956 года, «The Fool» Сэнфорда Кларка. Джон пришел в студию, чтобы его записывать. На заре музыкальной карьеры техника у него так хромала, что мать, не выдержав, стала учить его играть на укулеле и банджо. Сегодня пальцы Джона летали по струнам так,

будто он родился с гитарой в руках.

Леннон радостно сказал жене:

— Твой первый хит, Йоко.

Та послушала трек с наложенным соло Джона. Получилась танцевальная клубная песенка, но пара не считала, что пошла на поводу у коммерции. Все также в мелодии Йоко к надежде примешивалась толика уныния, сквозь оптимизм звучали нотки неуверенности, лоб в лоб сталкивались вечность и смерть.

— В пепел обратятся наши сердца, — пела Йоко, — и все уйдет в историю.

Глава 10
Мешкизм, трахизм, хренизм

Даже в самые плохие времена у нас в районе жили приличные люди. — Полицейский Питер Каллен шестьдесят лет проработал в Двадцатом административном округе, с объективностью профессионала и вовлеченностью местного жителя наблюдая за демографическими и социальными переменами кварталов, окружающих Центральный парк. — Испачканную форму я ношу в одну и ту же химчистку, у меня есть любимый китайский ресторанчик, а если хочется итальянской кухни, я знаю одно хорошее заведение…

У него на глазах с 1964 года домовладельцы бросали недвижимость, приходили в упадок целые кварталы, но на месте ветхих зданий не раз вырастали новые. Облик Нью-Йорка меняется к лучшему, но далеко не везде.

— Кое-где все остается по-прежнему, — отметил Каллен. — Уэст-Сайд населен достойными людьми. Риверсайд-драйв всегда был очень приличным местом. То же самое можно сказать про Уэст-Энд авеню. Централ-Парк-Уэст. Между этими улицами расположены неблагополучные кварталы, их обитатели часто нападают на более успешных соседей. Так что у нас много работы.

Питер вышел в вечернюю смену, с четырех часов вечера до полуночи. Вместо постоянного напарника с ним был Стив Спиро. В обычный день поступало от десяти до пятнадцати вызовов. Разбойные нападения, автомобильные аварии, квартирные кражи. Иногда в полицию звонили с просьбой доставить престарелого родственника в больницу.

Каллену в верхнем Уэст-Сайде нравилось разнообразие: все время новые лица, люди из разных стран, интересные разговоры. Полицейские часто ругают свою работу. Питер никогда не смотрел на часы, мечтая, чтобы смена побыстрее кончилась. Время и так летело незаметно.

Но и расслабляться он себе никогда не позволял.

— Уличный опыт прибавляет мозгов, — сказал он о работе в полиции. — Некоторые люди ничему не учатся. На службе надо прикрывать спину, ничего не упускать из виду, писать отчеты. Политика — тоже часть нашей работы. Если компрометируешь полицейское управление Нью-Йорка, тебе обязательно накрутят хвост.

Его патрульная машина катилась по западной Семьдесят

второй стрит в сторону Централ-Парк-Уэст. Каллен и Спиро даже не смотрели в сторону Дакоты. Они и так прекрасно знали, как выглядит этот дом, его историю, кто там живет.

Может, Леннон и был настроен против властей, но с полицией Нью-Йорка он дружил. Об этом знали все сотрудники Двадцатого административного округа. Годом ранее Джон с Йоко послали в Благотворительную ассоциацию патрульных (БАП) чек на тысячу долларов. Деньги предназначались не для юридической поддержки тех, кто стрелял в невооруженных подозреваемых, а для спасения офицеров от бандитских пуль. На эту сумму приобрели десять бронежилетов. Чета также написала записку: «Прилагаемый чек выражает нашу заботу о жизнях наших сотрудников полиции Нью-Йорка».

Как представитель БАП Каллен видел записку своими глазами. Для него ключевым словом было «наших». Леннон ни за что не стал бы заискивать перед властями. Но он уважал работу тех людей, кто защищает его покой.

В июне 1968 года Джон с Йоко собирались провести в США очередную «постельную забастовку». Но ему отказали в визе под предлогом того, что в Англии он был осужден за хранение марихуаны. Не испугавшись, чета полетела в Монреаль, где провела акцию в 1724-м номере отеля «Королева Елизавета». Именно там они представили первый официальный сингл группы «Plastic Ono Band». Этот проект разительно отличался от «Two Virgins». Джон и Йоко играли с подлинными музыкантами, среди которых надо отметить Эрика Клэптона на лид-гитаре, а на басу — Клауса Вормана, художника-абстракциониста, друга «Битлз» еще со времен Гамбурга. Песня «Give Peace a Chance» превратилась в настоящий гимн — ее пела собравшаяся у мемориала Джорджа Вашингтона полумиллионная толпа протестующих против войны во Вьетнаме.

«Все говорят о мешкизме[7], - пел Джон, высмеивая массовые увлечения, смещающие акцент с их основной задачи, дела мира. — Трахизм, хренизм, психизм, злобизм, чего-то-там-изм, один сплошной изм, / Мы просим только об одном: давайте жить дружно».[8]

Крайне трогательная песня, на собратьев по «Битлз» она произвела гнетущее впечатление. Как бы они ни старались, Джон снова всех затмевал.

Дело в том, что Джон устал от «Битлз»: в его сознании группа была неразрывно связана с тем периодом трудовой гонки, когда приходилось выдавать по два альбома в год и по синглу в

квартал. Работая с Йоко, он отдыхал душой и телом.

Леннон заявил, что «When I'm Sixty-Four» вышла банальной, крайне слащавой песенкой, какую он и слушать бы не стал, не то, что писать самому. Это был укол в адрес Маккартни, чей жизнерадостный взгляд на мир Джон считал поверхностным. Естественно, проведя с Полом столько времени, Джон не мог не увидеть его глубину. Просто Маккартни подмял под себя власть в группе, тем самым оттолкнув от себя товарищей. Ринго с Джорджем, возмущенные тем, что Пол тратит время исключительно на собственные старые песни, бросали все и уходили со студии, даже во время съемок документального фильма «Let It Be». Чтобы не связываться с Маккартни, Харрисон позвал записывать «While My Guitar Gently Weeps» Эрика Клэптона.

С точки зрения Пола, у него не было выбора, кроме как взять на себя руководство группой. Кто-то же должен командовать этим детским садом. Джордж принимал каждое предложение Маккартни в штыки. Джон вел себя с ним как с тетей Мими — при любой возможности провоцировал его, бросал ему вызов. Находящаяся в студии Йоко становилась яблоком раздора. В отличие от прочих жен и подружек она не хотела тупо смотреть, как парни работают, она активно вмешивалась в процесс. С суровым лицом восседая на усилке Джона, она заговорщицки нашептывала мужу, что его коллеги пишут неправильную музыку.

В какой-то момент Джордж не выдержал и высказал Леннону все, что думает по поводу атмосферы в студии:

— Что за дела? Вы постоянно вместе. Меня это слегка бесит.

Всем было трудно. Джон по-прежнему любил старых друзей, но выступления Пола и Джорджа против японской художницы приводили его в ярость.

— Я за Йоко, — настаивал он.

Съемки «Let It Be» обострили конфликт. Джон подозревал, что Маккартни подговорил режиссера и оператора все лавры отдать ему. Маккартни, в свою очередь, полагал, что Джон стремится исполнять только свои песни. Те, кто наблюдал за «Битлз» вблизи, не могли не заметить, что великая четверка перестала существовать как группа. Каждый из них шел своей дорогой, а других воспринимал как помощников, сессионных музыкантов.

Долгие годы после убийства Леннона Марк Чепмен будет думать, как бы все повернулось, если бы Джон погиб до встречи с ним? Выбрал бы он себе новую жертву?

— Не могу ответить на этот вопрос, — сказал он Ларри Кингу. — Леннон играл в моей жизни огромную роль. Я был бы

просто уничтожен. Что бы я тогда предпринял, сам не знаю.

Очевидно одно: психоз не ослабил у Чепмена влечения к женщинам. В Гонолулу его ждала Глория, верная, надежная жена, но его одолевали животные инстинкты. Вечером перед убийством он в одиночестве сидел в номере «Шератона» и размышлял над тем, что это последние его сутки на свободе. Припомнив сцену из книги, где Холден Колфилд в Нью-Йорке заказывает проститутку *к себе* в отель, Чепмен позвонил в службу эскорта. Забавно, но факт: приехавшая женщина была одета в зеленое платье, точь-в-точь как ее литературная коллега, навестившая Холдена. Она готова была выполнить любое пожелание Чепмена, но тот слишком перенервничал и никак не мог определиться. Он всячески лапал ее, но до секса дело так и не дошло.

Тем не менее, Чепмен знал, что согрешил. Они с женой были христианами, а он совершил супружескую измену. Он просто не смог удержать себя в руках. И всегда так было. По возвращении из лагеря вьетнамских беженцев их отношения с подружкой, Джессикой Блэнкеншип, развивались в нужном направлении. Марк перевелся к ней в школу, пресвитерианский Колледж Завета в Лукаут-Маунтин, Теннеси. Они вместе учились. Вместе молились. Все шло великолепно. Но кое о чем он Джессике так и не сказал. В Форт-Чафе он в близлежащем отеле спутался с другой девчонкой. Он вроде как сопротивлялся, но она его соблазнила. Эти воспоминания не давали Марку покоя. Джессика блюла себя до замужества, он тоже мог бы подождать. Она ничего не знала о его измене, а ему не хватало смелости признаться. Но он странно себя вел. Его пожирало чувство вины. Он забросил учебу и, в конце концов, вылетел из колледжа.

Потом Марк утверждал, что хотел остаться в колледже… «Я мечтал о карьере, мне нужно было образование, но я просто не мог учиться. И помощи у Бога я не просил. Перестал общаться с людьми. Замкнулся и все держал в себе».

Джессика заметила, что Марк часто плачет. В этом не было ничего плохого: она уважала в людях способность выражать свои чувства. Но Чепмена доводили до слез сущие мелочи, и подавленное состояние длилось целыми днями. Потом выяснилось, что время, которое можно было бы потратить на учебу, он проводит в тире. Чего он хочет добиться? Ей нужен был мужчина, с которым можно создать семью. А Марк превратился в непредсказуемого типа, способного причинить вред себе или окружающим. Она видела в нем немало достоинств, но доведенный до отчаяния, он ее пугал. Готова ли она провести с этим человеком остаток своих дней?

Джессика решила, что нет, и порвала с Марком.

В этом Чепмен и Джон Леннон были очень похожи. Всю жизнь Марк своими руками создавал такие ситуации, в которых испытывал печаль, разочарование, злость, чувствовал себя неудачником, никчемным. Он вернулся в лагерь беженцев, но совсем не тем человеком, которого там знали и любили. У него на душе лежал огромный камень. Он стал нетерпелив, раздражителен. После жаркого спора с тренером по плаванью он ушел оттуда.

Чепмен устроился работать охранником. Может, получилось бы начать с чистого листа. Он производил впечатление умного и ответственного подчиненного. Начальство оценило Чепмена и отправило на недельные курсы обращения с оружием. Результат превзошел все ожидания: Марк и без того неплохо стрелял. Чтобы получить сертификат, нужно было шестьдесят баллов. Марк набрал восемьдесят. Снова перед ним открылись новые горизонты. Ему предложили повышение. Чепмен отказался.

Просто не выдержал.

Пол Маккартни греб под себя все, что можно. Изданием «Magicial Mystery Tour» занималась новая фирма «Битлз» — «Эппл». По рекомендации владельца галереи Роберта Фрейзера Пол начал коллекционировать картины бельгийского сюрреалиста Рене Магритта. Особенно его обаял автопортрет художника, держащего перед лицом зеленое яблоко. Этот образ стал символом «Эппл». Чтобы сохранить контроль над империей «Битлз», Маккартни сам возглавил компанию. «Эппл Мьюзик» управляла авторскими правами на все произведения группы. Так же были созданы киноподразделение, два розничных магазина, «Эппл Менеджмент» и «Эппл Электронике», директором которых стал грек Янни Алексис Мадрас, он же Волшебный Алекс.

Миссию «Эппл» Пол с Джоном видели одинаково.

— К счастью, денег нам и без того хватает, — заявил Пол на пресс-конференции, посвященной открытию компании. — Так что впервые хозяева не стремятся к прибыли. Мы давно купили все, о чем мечтали. Теперь мы помогаем другим сделать тоже самое.

Джон был без ума от концепции, что маргинальные артисты могут придти в «Эппл» и немедленно получить финансирование.

— Теперь человек, задумавший снять фильм о чем угодно, может больше не унижаться в кабинете инвестора, — сказал он.

Леннон свято верил, что Волшебный Алекс способен совершить революцию в мире электроники. Его до глубины души поразила «Ничто-коробка» Алекса, кубик из пластмассы с мерцающими лампочками. Джон часами разглядывал ее под кислотой.

При знакомстве Алекс порадовал Джона завидной неофициальностью своего «резюме».

— Я умею делать сады камней, — похвастался он с сильным акцентом. — А сейчас занимаюсь электроникой. Может, в следующем году решу снимать фильмы или писать стихи. Соответствующего образования у меня нет, но это мне не помешает.

Леннон тут же взял Алекса на зарплату, и пообещал ему десять процентов с прибыли от его будущих разработок. Вундеркинда особенно занимала краска. Он утверждал, что вскоре создаст краску, способную делать вещи невидимыми, и другую, чтобы машина меняла цвет по щелчку кнопки. Вскоре вокруг домов «Битлз» будут силовые поля, а на стенах — «обои-динамики». «Эппл» финансировали попытки Алекса сделать искусственное солнце, которое будет сиять на ночном небе. Но когда пришло время демонстрировать результат, Алекс заявил, что пока не нашел подходящий источник энергии.

Алекс все время ошивался в студии. Наблюдая за работой техников, он жаловался, что они «отстали от жизни». Джордж Мартин хотел было прогнать надоеду, но ему не позволили очарованные «битлы».

Алекса преследовали те проблемы, от которых страдает любой творческий человек, подавшийся в бизнес. Поскольку весь мир слушал «Битлз», «Эппл Мьюзик» показывала завидные результаты. Другие подразделения лишь проедали прибыль. Никто не мог толком сказать, чем занято большинство сотрудников — они торчали в офисе, переливали из пустого в порожнее и вешали на «Битлз» счета на пьянки-гулянки.

Надо было что-то делать. Пол заявил, что у него есть решение. Недавно он женился на американке Линде Истмен, и полагал, что ее отец Ли Истмен, известный юрист в шоу-бизнесе, способен грамотно управлять «Битлз». Во время встречи Джон назвал Истмена Эпштейном, тем самым обозначив свою враждебность. С его точки зрения человек, переделавший фамилию на английский манер, чтобы скрыть еврейские корни, и в других областях не заслуживал доверия. Джордж с Ринго увидели в предложении Пола очередную попытку захватить власть.

Джон предпочитал Аллена Кляйна, бывшего менеджера Бобби Дарина, Сэма Кука и «Роллинг Стоунз». До появления на сцене Кляйна звукозаписывающие компании и менеджеры рука об руку «доили» артистов. А Кляйн устроил войну с лейблами, требуя отчислений с укрытых прибылей. Кляйн заявил: он уверен в своих силах настолько, что готов работать в «Эппл» исключительно за

процент от подконтрольной деятельности. Если компания останется в убытках, он не получит ни копейки.

У Леннона давно выработался иммунитет к лести фанатов, но Кляйн, цитируя стихи Джона, сумел подобрать ключик к его сердцу. К тому же, в глазах Леннона простой, как пять центов, Кляйн, смотрелся куда привлекательнее лощеного Истмена. Он был уличным пареньком из Ньюарка, Нью-Джерси. Мать его умерла, когда Аллен был младенцем, а отец работал в лавке мясника. Джон убедил Джорджа с Ринго в пользу Кляйна, обосновав свой выбор тем, что «он единственный, кого одобрила Йоко». Маккартни отказался подписывать контракт. Кто такая эта Йоко, что решает за «Битлз»? С его точки зрения, бандитский имидж Кляйна был отнюдь не наигранным.

В свое время Брайан Эпштейн обсуждал с Полом Кляйна, отзываясь о коллеге в негативных тонах. В середине 1960-х у Кляйна были проблемы с Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям из-за раздувания стоимости акций звукозаписывающей компании, которой он управлял. А Мик Джаггер поведал Маккартни, что очаровав группу своим грубым шармом, Кляйн умыкнул у них права на ряд песен. К сожалению, на тот момент доверие к Полу было окончательно подорвано, и его никто не стал слушать. В 1969 году, заключив контракт с EMI, Кляйн выбил для «Битлз» самый большой гонорар в истории, чем полностью оправдал свое назначение.

Для сотрудников «Эппл» Кляйн ввел регулярную отчетность и контроль за временем прихода и ухода, а заодно срезал все излишние расходы. Алистеру Тейлору, верному лейтенанту Брайана Эпштейна, пришлось подать в отставку. Закрылся «Эппл Электроникс», вылетел на улицу Волшебный Алекс, облегчивший карманы «Битлз» на 300 тысяч фунтов. Джон не стал защищать друга, согласившись, что Алекс тот еще поганец. В Индии он активно трепал языком о сексуальной невоздержанности Махариши. А через двадцать четыре часа после развода Джона с Синтией уже сидел рядом с брошенной женой, спаивал ее и убеждал, что с ним куда лучше, чем с Ленноном.

Хоть Алекс умело веселил компанию, он исчерпал кредит доверия. «Битлз» было не привыкать избавляться от прихлебателей и мошенников. В момент кризиса им не нужен был пассажир, раскачивающий лодку.

Пока сверстники входили во взрослую жизнь, Марк Дэвид Чепмен мечтал заполучить ядерную бомбу и взорвать небольшой городок. Потом ему в голову пришла новая мысль. Можно заставить страдать многие миллионы, если убить их кумира,

выражающего их мнения, их ролевую модель.

— К 8 декабря 1980 года Марк Дэвид Чепмен находился на грани помешательства, — объяснит он потом Ларри Кингу. — Он полностью погрузился в вымышленный мир «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Он сам не знал, чего хочет: прыгнуть в такси, вернуться на Гавайи, или убить… кумира.

В 1977 году Чепмен зашел в публичную библиотеку, где попросил карту Гавайев. Потом опять туда вернулся с той же целью. Мечтая о райских островах, он не думал ни о криминальной обстановке в Гонолулу, ни о безработице. У него в мыслях качали листьями пальмы, шуршали волны, царила безмятежность. Там было не как здесь. Там все его тревоги и волнения окажутся позади. Марк спешно опустошил счет, где лежало всего 1200 долларов. Он твердо решил уехать в пятидесятый штат Америки.

Деньги кончились даже позже, чем он рассчитывал. Примерно неделю он прожил в роскошном отеле, отдыхая на пляже и зависая в баре. Когда кошелек опустел, Марк переехал в местное отделение YMCA. Депрессия пошла на спад. И он позвонил Джессике, бывшей подружке.

— Скажи, что любишь меня, — умолял он.

Джессике совсем не понравился его тон. Она испугалась, что неосторожное слово может вызвать настоящую бурю. Зачем он звонит? У него есть семья. А если он покончит жизнь самоубийством? Меньше всего ей хотелось чувствовать себя ответственной за его смерть.

— Слушай, Марк, — зашла она издали. — Может, просто вернешься домой?

На последние деньги Марк купил билет в Атланту. Все будет хорошо. Он вернется к Джессике, женится на ней, создаст ту семью, о которой она всегда мечтала. Но при первой же встрече он увидел, что страхи Джессики никуда не делись. Но здесь за него отвечали родители. Он вернулся в отчий дом, но агрессивный, обличающий сын не встретил теплого приема.

Он снова купил билет на Гавайи.

Не видя впереди никакого будущего, на последние деньги он хорошо пообедал в стейк-хаусе. Потом на прокатной машине поехал на пляж. Если он никому не нужен, то не будет отягощать им жизнь своим существованием. Натянув шланг на выхлопную трубу, второй конец Чепмен сунул в окно. Зарычал мотор. Марк с закрытыми глазами откинулся на водительском сидении, ожидая, пока смерть не избавит его от мук.

Ничего не вышло.

Он снова ошибся.

Чепмена тошнило от выхлопных газов, когда в окно постучал рыбак-японец. Пластиковый шланг расплавился на выхлопной трубе.

Он такой неудачник, что даже не смог покончить жизнь самоубийством.

А может, все идет как должно. Японец — никакой не рыбак, он ангел божий. Бог хочет, чтобы Чепмен жил.

Как суицидник он лег в психиатрическое отделение больницы Кэсл-Мемориал. Врачам интеллигентный, адекватный Чепмен пришелся по нраву. Другие пациенты тоже отнеслись к нему хорошо. Может, все не так плохо. Гавайи — приятное место.

Марк решил остаться здесь.

Джона нервировало членство в Превосходнейшем ордене Британской империи, пожалованное королевой Елизаветой II. Во время «битломании», когда великую четверку изображали дойстойными гражданами, он не мог отвергнуть предложенную честь. Но теперь, став завзятым пацифистом, он чувствовал себя лицемером из-за связи с империей, ответственной за порабощение людей от Фолклендских островов до Северной Ирландии.

— Правящие круги — те еще бандиты, — сказал он ATV — Вот кто знает, как тиранить людей. У них есть ядовитые газы, оружие, всякое снаряжение… Должен быть другой путь.

25 ноября 1969 года он взял прилагающуюся медаль с телевизора тети Мими и вернул ее с шутливой запиской, где шла речь и о международной политике Великобритании, и последнем сингле «Plastic Ono Band».

«Ваше Величество,

Я возвращаю вам Превосходнейший орден Британской империи в знак протеста против участия нашей страны в конфликте Нигерии-Биафры, против нашей поддержки Америки во Вьетнаме, и против того, что «Cold Turkey» опускается в чартах.

С любовью,

Джон Леннон.»

Озадаченные наблюдатели пришли в полное недоумение, когда Джон с Йоко обрезали волосы, главный символ и «битломании», и порожденной ею революции, и объявили 1970 год «Началом эпохи мира». Через три месяца чета отправилась в больницу якобы для того, чтобы оба сменили пол. Неужели Джон Леннон решится на такой шаг? Оказалось, что несмотря на страстную любовь к Йоко, Джон все же ценит свое мужское достоинство.

Он изобразил все это как первоапрельскую шутку.

Долгие годы пресса публиковала каждый дурацкий слух о Ленноне. Вышла неплохая возможность их наказать.

Выписавшись, Чепмен устроился работать на заправку и переехал жить к пресвитерианскому священнику. Он регулярно навещал друзей, оставшихся в больнице, и играл им на гитаре. За недолгое пребывание на райских островах Марк успел пополнить репертуар гавайскими песнями. Оказалось, что пожилые пациенты тянутся к нему. Некоторые впоследствии утверждали, что годами ни с кем не говорили, пока не встретили Чепмена. Врачи видели в нем ролевую модель, человека, победившего депрессию и теперь помогающего другим. Сначала Марк стал в психиатрическом отделении волонтером, потом штатным сотрудником.

Врачи и медсестры совсем забыли, что до недавнего времени он был одержим мыслями о суициде и массовых убийствах. Они относились к нему как к равному, болтали с ним после работы. В церкви и больнице он вновь обрел признание.

Пока Джон Леннон смотрел, как растет его сынишка, и подбирал песни для «Double Fantasy», Марк Чепмен восстанавливал самоуважение.

Впервые с 1966 года Джон вернулся к концертной деятельности, правда, не в составе «Битлз». Джон с Йоко спокойно выходили на сцену, пели песни, устраивали перформансы, но о турне с «Битлз» не могло быть и речи. Маккартни переживал, он считал, что группа не может развиваться без живых выступлений. В 1969 году он предложил такой вариант: о концертах не объявлять заранее, по желанию менять внешность. (Он использует свою идею на заре карьеры «Вингз». Его группа будет неожиданно появляться в маленьких залах). Пол объяснял, что раздираемая спорами группа обретет второе дыхание, плюс они подогреют любопытство публики. Ринго поддержал эту мысль. Джордж готов был согласиться. По мнению Леннона, с тем же успехом Пол мог потребовать вернуться к моптопам и тридцатиминутным сетам.

— Я ухожу из группы, — сообщил он товарищам по группе. Джон описал разрыв в тех же словах, что и развод с Синтией.

— Я больше не верю в мифы, — поведал он Дженну Веннеру. — А «Битлз» — просто очередной миф. Я в него не верю. Наваждение рассеялось.

Если Джон так хочет, сказал Пол, то и бог с ним. Так же, как Леннон считал, что «Битлз» уперлись в музыкальный тупик, Маккартни верил, что группа делает вещи, вообще не похожие на них. А все из-за того, что Джон впарил всем этого пройдоху

Аллена Кляйна. Делать аранжировку последнего сингла, «The Long and Winding Road», Кляйн вместо проверенного и надежного Джорджа Мартина позвал эксцентричного американского продюсера Фила Спектора. Коротышка Спектор носился по зданию на Эбби-роуд с пачкой телохранителей, как диктатор какой-нибудь тьмутаракани, чудил, горстями жрал транквилизаторы. Из всех «битлов» на запись позвали одного Ринго. Музыканты оркестра так разозлились, что встали и ушли. Но, по словам Маккартни, Спектор вернул их, чтобы окончательно испохабить песню, добавив три трубы, три тромбона, четыре виолончели и хор из четырнадцати женщин. Казалось, что группа таким дорогостоящим способом решила продемонстрировать Полу свое недовольство.

— Моим мнением никто не поинтересовался, — сказал он газете «Ивнинг Стандард». — Я просто не верю.

Джон был не единственным, кто задумался о сольной карьере (Ринго уже тогда работал над пластинкой под названием «Sentimental Journey»). Пол тоже запишет собственный альбом, пригласив в группу *свою* жену, и тоже уйдет из «Битлз».

Но были причины, по которым этот факт решили не делать достоянием публики. Вскоре должен был выйти альбом «Битлз» «Let It Be», и Кляйн не хотел, чтобы раскол группы мешал продажам. Джон согласился какое-то время держать свой уход в тайне. Но в апреле 1970 года, за месяц до выхода «Let It Be», журналисты получили в свое распоряжение первый альбом Пола, «McCartney». К нему прилагался список вопросов и ответов о проекте.

В нем Пол сказал, что запись — «начало сольной карьеры», и объявил, что берет «отпуск в "Битлз" из-за «личных, деловых и музыкальных разногласий». Он открывает новую компанию под названием «Маккартни Продакшенз», и Аллен Кляйн более «никоим образом» не представляет его интересы. Он любит и уважает Леннона, но в последнее время музыка Джона и связанные с нею выходки «перестали доставлять мне удовольствие». На вопрос, имеет ли смысл ожидать их воссоединения с Джоном Ленноном, Пол ответил «Нет».

Джон пришел в ярость. Он стоял у истоков «Битлз», ему и хоронить группу. Право объявить о распаде принадлежит ему и только ему. В глазах Джона сфабрикованные «вопросы и ответы» Пола были дешевым трюком, чтобы вызвать шумиху вокруг его альбома за счет «Let It Be». Маккартни парировал, что Джон, как обычно, делает из мухи слона. «Битлз» больше не существует, так чего врать людям?

31 декабря 1970 года Пол, по мнению сторонних

наблюдателей, пошел на крайние меры. Он подал иск против Джона, Джорджа и Ринго, в котором требовал ликвидировать величайшую группу в мире.

По словам Маккартни такое решение было необходимо с точки зрения закона, но ему лично далось «убийственно тяжело».

Спустя восемь лет после распада «Битлз» Марк Дэвид Чепмен сидел в кинотеатре в Гонолулу и смотрел фильм 1956 года по роману Жюля Верна «Вокруг света за 80 дней». Тут у него екнуло сердце. Ведь он почти не видел мира! Как главный герой, Филеас Фогг, Марк отправится в кругосветное путешествие. За пару дней он спланировал маршрут: недавно открывшая границы для западных туристов Китайская Народная Республика, потом Япония, Южная Корея, живописная Швейцария, древняя цивилизация Ирана. В Святой Земле Марк побывает в Гефсиманском саду, повторит Крестный путь Иисуса, коснется Камня помазания, на котором тело Спасителя готовили к погребению, поклонится могиле, откуда тот воскрес, чтобы дать человечеству жизнь вечную.

Чепмен взял в больнице кредит в кассе взаимопомощи и отпуск на шесть недель. Старые друзья по YMCA нашли для него бесплатное или дешевое жилье. Постоянно возникали трудности, планы все время менялись, и Марк регулярно общался по телефону с любезной сотрудницей туристического агентства, Глорией Эйб. Пока он колесил по земному шару, мысли его часто возвращались к доброй американке японских кровей. Заглянув в Джорджию проведать родителей, воодушевленный Марк прилетел в Гонолулу. Он пригласил Глорию к себе в церковь, и буддистка приняла христианство. В январе 1979 года они гуляли по пляжу, и тут Чепмен внезапно остановился. Он сел и старательно вывел на песке: «Ты выйдешь за меня замуж?»

Глория опустилась рядом и написала: «Да».

Жизнь обернулась светлой стороной. Марк и Глория обнялись, она запрыгнула ему на спину, а он побежал вдоль воды. Это была самая романтическая сцена, какую только мог вообразить себе Чепмен.

Он и японка, его будущая невеста.

Картина из песни Джона и Йоко.

Глава 11
Бродячий призрак

Мне очень жаль, — сказал Пол Маккартни в 1971 году журналу «Лайф». — Я люблю сказки. Было бы здорово, чтобы оп — и в облаке дыма появляются «Битлз», мы вчетвером стоим в волшебных мантиях, у каждого в руках конверт, а внутри — волшебный порошок. Только в жизни так не бывает.

— Настанет день, когда отношения с бывшими товарищами по группе снова наладятся, — сказал он, добавив: — Но в данный момент нас ничего не связывает.

Это и так было ясно, стоило Полу с женой Линдой выпустить альбом «Ram». В песне «Too Many People» Маккартни проехался насчет педантичности Леннона: «Слишком многие люди читают мораль». Многим хотелось знать, не про Джона ли написана строка «Ты взял свою удачу и сломал пополам».

Джон ответил Полу песней «How Do You Sleep?» В ней прямым текстом сказано, что кроме «Yesterday» тот не сделал ничего выдающегося, и что он «живет с простыми людьми» и греется в лучах их немого восхищения. Леннон, которого самого упрекали, что он подпал под гипноз Йоко, называет Пола подкаблучником, мол, «скажет мамочка слово — он делает, как велено».

Будто этого мало, он пишет: «Так натужно играешь, будто хочешь в туалет, / Уж мог бы научиться за столько-то лет».

Пол давно привык к едким подкопам Джона. Они с подростковых лет пинали друг друга, и добродушно, и не очень. Куда больше Маккартни разозлила информация, что писать текст мужу помогала Йоко. А чтобы он не сомневался, на чьей стороне остальные «битлы», Харрисон записал для песни гитарное соло со слайдом.

Но подлинный миг сладкой мести для Джорджа настал, когда он утер нос бывшим «битлам». Раньше всех первое место в чартах заняла его «My Sweet Lord» с тройного альбома «All Things Must Pass», составленного из песен, накопившихся с 1966 года. Год спустя, в 1971, он организовал концерт в поддержку жертв голода в Бангладеш, где рядом с ним на сцене появились такие монстры, как Эрик Клэптон, Боб Дилан, Билли Престон, Леон Рассел и Ринго. Потом будут и другие благотворительные концерты, например, «Live 8» и «Надежда для Гаити».

Пол признал достижения бывшего соратника с явным равнодушием.

— Джордж доказал, что стоит чего-то, — сказал он журналу «Лайф».

Как всегда, Ринго умело лавировал между рассорившимися «битлами». Он сыграл на ударных и в «Plastic Ono Band», и в «All Things Must Pass». В его собственном альбоме 1973 года, «Ringo», есть вклад всех бывших товарищей по группе. Пластинка стала платиновой и заняла второе место в чартах «Билл-борда». В 1974 году Джон, Пол и Джордж снова вместе поработают для Ринго, записывая «Goodnight Vienna».

— Я очень рад, в какой-то мере все мы, наверное, рады успеху Ринго, — сказал Джон Тому Снайдеру. — Раньше никто не знал, что он сам пишет песни, и мы сильно переживали… Как сложится его сольная карьера? А похоже, что у него дела идут лучше, чем у меня.

В студии «Рекорд Плант» Дэвид Геффен, руководитель одноименного лейбла, оценил, с каким удовольствием Джон с Йоко слушают «Walking on Thin Ice». Леннон снова вернулся в индустрию развлечений, но теперь он полностью контролировал ситуацию. Их творческий союз с Йоко длился уже больше десяти лет. Никто и не заметил, как их дуэт по сроку жизни обогнал «Битлз».

Леннон и Геффен обсуждали маркетинговые успехи «Double Fantasy». Альбом вплотную подошел к первому месту по Англии, и Джона трясло от нетерпения. Работа в студии была ему в удовольствие. Они с Йоко больше не шептали друг другу всякие гадости, как во время записи «Let It Be». Теперь они улыбались, как и персонал. Джон, как обычно, хохотал на пару с продюсером Джеком Дугласом.

Никто не следил за часами. Время летело незаметно — верный признак успешного проекта. Геф-фен с Джоном договорились поужинать на следующий вечер.

Джон ни разу не пожалел, что отказался выступать на Вудстоке. Организаторы звали «Битлз», а Джон настаивал на «Plastic Ono Band». Его предложение не нашло одобрения, и он остался дома.

Как он уже говорил: «Я за Йоко».

Однако в сердцах тех, кто приехал на Вудсток, горели идеи Леннона, в чем он сам видел доброе предзнаменование. Ведь, по его словам, раньше столько народу собиралось только на войну.

— Это только начало, — сказал он ATV — Шестидесятые были слабым намеком. Шестидесятые — это словно мы поутру проснулись ото сна, а пока не подошло даже время обеда. Я

прямо жду-не дождусь. Так здорово быть в центре событий.

Спустя четыре месяца после Вудстока, Джон с Йоко вновь возглавили движение за мир, оплатив в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Лондоне, Амстердаме, Париже, Риме, Афинах, Западном Берлине, Торонто, Гонконге и Токио рекламные щиты с надписью:

Война окончена (если сами захотите)

С Рождеством вас поздравляют Джон и Йоко!

В 1971 году вслед за этим заявлением чета выпустила песню «Happy Xmas (War Is Over)». Как в будущем «Double Fantasy», она была записана на «Рекорд Плант». Продюсер Фил Спектор пригласил в студию Гарлемский хор, чтобы их пение на заднем фоне добавило и праздничного настроения, и театральности.

Эта тема в жизни Джона не потускнеет ни от времени, ни от поворотов судьбы.

— Мы несем факел, — скажет он журналу «Рол-линг Стоун», — словно олимпийский огонь, передаем из рук в руки, каждому человеку, каждой стране, каждому поколению.

Временами казалось, что каждая его песня — попытка решить собственные проблемы. В самом начале слышно, как Йоко еле шепчет: «Счастливого рождества, Киоко», а потом Джон тихо подхватывает: «Счастливого рождества, Джулиан». В 1970 году Джон четыре месяца провел у доктора Артура Янова, создателя первобытной терапии. Янов подталкивал Леннона заново переживать самые мучительные воспоминания, а потом выражать вспыхнувшие эмоции пронзительным «первобытным криком». Самым гипнотическим плодом этого лечения стала песня «Mother», в которой Джон зовет Альфа и Джулию Леннон: «Мама, не уходи-и-и-и / Папа, вернись!»

Лени Кравитц потом назовет эту песню «самым жестким музыкальным произведением в мире».

Но Йоко вскоре ждут еще более тяжкие страдания, нежели утрата Джоном родителей. В 1971 году ее бывший муж Тони Кокс, ушедший в замкнутую религиозную секту под названием «Церковь Живого Слова», похитит Киоко. Детективы, нанятые Ленноном, не успеют встать на его след. В следующий раз Йоко услышит о дочери только в 1998 году. Поэтому они с Джоном будут еще сильнее держаться за свою маленькую семью.

Марк Дэвид Чепмен с женой переехал в кондоминиум в Даймонд-Хэд Тауэр на площади Кукуй в центре Гонолулу. Ради лишнего заработка он перешел на работу в больничную типографию, лишившись той целебной атмосферы, которая шла ему на пользу. Больше Марк не общался с пациентами и

медиками, которых считал друзьями. Он остался наедине с собственными мыслями.

Снова проявилась знакомая раздражительность. Марк влез во внутренние дела туристического агентства, где работала жена, поцапался с ее начальником и заставил ее уйти оттуда. Без помощи врачей, знавших его ситуацию, антисоциальные черты его характера расцвели бурным цветом. В какой-то момент Чепмена выгнали из типографии, потом наняли обратно. Но он повсюду видел врагов, и сам уволился после громкой ссоры с медсестрой.

Чепмен снова устроился охранником, на этот раз в роскошный дом. Он оправдывал этот шаг тем, что на новой работе будет возможность общаться с людьми. Но Марк уже дошел до кондиции. Нет бы обратиться к христианам, снова занять себя изучением Библии, петь под гитару на религиозных праздниках — нет, он начал пить в одиночестве.

У него в голове все смешалось. Марк сперва распродал или выкинул все «злые» рок-н-рольные альбомы, потом пожалел и бросился по музыкальным магазинам восстанавливать утраченное. Приведя коллекцию к исходному виду, снова ее распродал и раскурочил проигрыватель. Как прежде он обратил Глорию в христианство, также теперь заставлял ее читать «Над пропастью во ржи». Он написал письмо генеральному прокурору Гавайев, где спрашивал, как можно поменять имя на Холден Колфилд.

— Марк Дэвид Чепмен превратился в бродячего призрака, уже не способного выразить собственный гнев, ярость, разочарование, — поведал он Ларри Кингу, рассказывая о себе в третьем лице. — Видимо, я страдал от шизофрении.

Пока Чепмен боролся с душевными болезнями, Джона преследовал призрак «Битлз».

— Я привык к тому, что любой мой поступок сравнивают с достижениями прочих «битлов», — сказал он журналу «Роллинг Стоун». — Если я шел заниматься балетными танцами, мою технику сравнивали с игрой в боулинг Пола.

Но он решительно отвергал любую возможность воссоединения «Битлз», сравнивая эту перспективу с желанием кандидата наук вернуться за школьную парту. По крайней мере в последние годы «Битлз» всеми силами убеждали молодых людей думать своей головой. С чего бы им самим приносить собственные решения в жертву общественному мнению?

К тому же, по мнению Джона, его музыка без «Битлз» стала только лучше.

Если не считать злобную «How Do You Sleep?», его альбом «Imagine», оставив далеко позади «Ram» Пола Маккартни, ничуть не уступил остальным звездным шедеврам 1971 года, среди которых были: четвертый альбом Лед Цеппелин, «Who's Next» «Зэ Ху», «Sticky Fingers» «Роллинг Стоунз», «Madman Across the Water» Элтона Джона, «Aqualung» Джетро Талл, «Hunky Dory» Дэвида Боуи и «Teaser and the Firecat» Кэта Стивенса. Заглавная песня никогда не потеряет актуальности. В других («Crippled Inside», «Jealous Guy» и «Give Me Some Truth») Джон обнажает перед слушателями душу. В самый плодотворный для рок-музыки год «Imagine» оказался ничуть не хуже любой другой пластинки.

— Песни «Plastic Ono Band» нисколько не уступают тому, что я писал во времена «Битлз», — сказал Джон «Плейбою». — Возможно, чтобы сполна их оценить, у вас уйдет лет двадцать-тридцать, но на самом деле они такие же офигенные, как и все, что я создал.

Особую прелесть Джон находил в том, что был свободен в выборе музыкантов.

— Я меняю состав как хочу и когда хочу, — сказал он Тому Снайдеру. — Когда все время работаешь с одними и теми же людьми, то попадаешь в привычную колею. Это как играть в теннис с единственным партнером… Наступает миг, когда ты предугадываешь любое его движение. Значит, пора искать другого.

Джон менял даже название группы, то на «Plastic Ono Nuclear Band», потом на «Plastic UFO Ono Band», а творческий союз с другим авангардным активистом, Фрэнком Заппой, шел под маркой «Plastic Ono Mothers».

Осенью 1980 года Чепмен уверовал, что «вырыл для себя глубокую яму». И по неизвестной причине обвинил в своих психических проблемах Джона Леннона.

— Я сидел дома, взял альбом «Битлз», «Сержанта Пеппера», — признается он впоследствии, — и на обложке они были вчетвером, крупным планом. А до этого я взял в библиотеке пару книг о Джоне Ленноне… И то, что я в них вычитал, меня разозлило.

Среди прочего Марка возмутила фотография Джона перед Дакотой. Просто нечестно, что Чепмен горбатится охранником, но еле сводит концы с концами, а бывший «битл» по вечерам приходит в «шикарное здание».

Это было невыносимо. Надо было что-то делать.

Вот, что он сказал:

— Дело было во мне, а не в нем. Я злился на себя самого. Я

посмотрел на обложку альбома, перевел взгляд на стены квартиры. Передо мной было его лицо, и тут меня озарило: вот решение всех проблем.

Сейчас я никто, псих и неудачник, но что будет, если я убью этого человека?

Под предлогом того, что его дом летом ограбили, Чепмен потребовал разрешение на покупку пистолета. Полиция Гонолулу проверила его криминальное прошлое. И ничего не нашла.

Чепмен получил разрешение.

К нему вернулись человечки. Они знали, о чем он думает, и умоляли отказаться от зловещих планов. Он не только разрушит собственную жизнь, говорили они, но и заставит страдать ни в чем неповинную Глорию.

Но в отношениях с человечками главным был Марк. Он приказывал. Они подчинялись. Не наоборот. Пускай они говорили правильные вещи, другие голоса у него в голове звучали громче. 20 октября он прочитал в местном «Стар Булитин» статью о «Double Fantasy». Там приводились слова Джона, что он испытывает вину за свое богатство, и что его радикальная позиция не всегда бывала искренней.

Иного подтверждения Чепмену не требовалось. Он летит в Нью-Йорк.

Через три дня он ушел с работы. Расписываясь в журнале, вместо собственной клички, «Чеппи», он вывел «Джон Леннон». Сперва долго глядел на это имя, потом передумал и зачеркнул его.

Отец Глории одолжил Марку пять тысяч долларов. 169 из них ушли на покупку пятизарядного короткоствольного револьвера 38 калибра. Продавец, любезный и обходительный, как и Глория, был японцем. По фамилии Оно.

Спустя два дня, 29 октября, Марк с пистолетом в кармане стоял перед Дакотой, разглядывал барельефы, проникался величавостью здания. Для дела нужны были только пули. Когда Чепмен позвонил торговцу оружием, тот хихикнул.

— Вы не местный, так?

Чепмен придумал новый план. Он полетел в Джорджию. Никого не предупредив, Марк ввалился домой к бывшей подружке, Джессике Блэнкеншип. Ее родители знали от дочери, что у Чепмена больная психика, и совсем не обрадовались его приходу. После короткого напряженного разговора с Джессикой Марк ушел.

У него была другая цель.

— Сделай одолжение, — попросил он старого приятеля. — Я собираюсь в Нью-Йорк, мне нужен пистолет для самозащиты. У

тебя пули есть?

— Тебе какие?

— С хорошей останавливающей способностью.

Они сошлись на пяти патронах с экспрессными пулями — такими, которые, попадая в цель, расплющиваются. Чепмен пошел в лес отрабатывать прицел.

Стрелять он умел.

Эллен Чеслер, руководитель аппарата у Кэрол Беллами, приехала в Дакоту в половине восьмого. Древнее здание потрясающе смотрелось на фоне темнеющего зимнего неба.

Большинство соседей уже поужинало, до Эллен доносились голоса детей, резвящихся в просторных коридорах Дакоты. Хоть и не всех обитателей дома она числила в друзьях, но всех их детей знала по именам. Часто видела улыбчивого и разговорчивого Шона Леннона. Как и все, Эллен читала в журналах рассказы Джона и Йоко о семейной жизни. По работе общаясь с политиками, каждое публичное заявление она воспринимала с изрядной долей цинизма. Но в отношении Шона Ленноны говорили чистую правду. Он рос воспитанным, счастливым ребенком, и они прилагали все усилия, чтобы обеспечить ему нормальную жизнь.

Дети его возраста еще не способны понять чудовищный масштаб «Битлз». Они видели в Джоне лишь заботливого и веселого отца Шона.

Эллен зашла к себе в квартиру, взяла у няни малышку. В мыслях промелькнул плотный коротышка с южным акцентом, который встретился ей перед домом — он еще с выходных торчал перед Дакотой. Соседи тоже наверняка его заметили.

— Он все время там был, а потому вызывал определенные опасения, — вспоминала Эллен. — Видишь его и думаешь: «Черт, опять он». Но он вел себя прилично, и не выделялся среди прочих фанатов.

У Эллен Чеслер были и другие заботы, кроме поклонника Джона Леннона, которому некуда девать время. Завтра снова ждет суета Сити-Холла: фискальные вопросы, безработица, пособия, реконструкция Южного Бронкса.

— Мы решали такую уйму проблем, — скажет она.

Активистская деятельность Леннона мешала творчеству.

— Поэзия превратилась в сплошную журналистику, — жаловался он журналу «Роллинг Стоун».

Но освободившись от гнета «Битлз», он столько всего хотел сказать. Песня «Imagine» задела за живое и его сторонников, и

противников, которые видели угрозу в его идеях о мире без религии и без войны, а следовательно, и без расходов на оборону. Сопротивление не утихало годами, но Джон отказывался уступить, как было с замечанием про «популярнее Иисуса». Не было рядом Брайана Эпштейна, способного убедить его вести себя скромнее. В том же 1971 году он выпустил сингл «Power to the People», более сердитую, воинственную версию «Give Peace a Chance»: «Мы требуем перемен / Прямо здесь и прямо сейчас».

Новые члены его социальной сети, самозваные радикалы в Англии и США, поддерживали агрессивные политические взгляды Леннона. Впереди были президентские выборы 1972 года, и некоторые его последователи считали, что Джон вполне способен выдворить Ричарда Никсона из Белого дома. Ему предлагали организовать турне, где музыка будет перемежаться пропагандой против войны во Вьетнаме. Впервые возрастную планку голосования снизили до восемнадцати лет, и вашингтонские бонзы обратили на Леннона внимательный взор. В 1971 году он выступал на стадионе «Крайслер» в Анн-Арборе, Мичиган, требуя освободить Джона Синклера, активиста левого крыла, осужденного на десять лет за два косяка с марихуаной.

Через два дня Синклера выпустили.

Джон мог и не догадываться, что в аудиторию затесались агенты правительства, передающие каждое слово певца в Вашингтон. В свете грядущих выборов было принято решение: Джона Леннона надо остановить.

В 1968 году в Лондоне Джон с Йоко сидели в гостях у Ринго Старра, когда туда нагрянула полиция. Их арестовали за хранение марихуаны и помеху в исполнении ордера на обыск. Испугавшись перспективы долгого судебного разбирательства и депортации Йоко в Японию, Джон решил отделаться малой кровью и признал себя виновным в мелком правонарушении, за которое положен штраф в размере 150 фунтов.

Но приговор аукнулся ему в Америке, когда Джон с Йоко осели в Нью-Йорке. Сперва они приезжали разыскивать Киоко, дочь Йоко. Но со временем их очаровала кипучая жизнь и возможности города, Джон сравнивал его с Римом начала нашей эры.

— Надо было родиться в Нью-Йорке, — сказал он журналу «Роллинг Стоун». — Лучше всего в Виллидж. Здесь мое место… Вот почему я приехал сюда. Мне нужен местный воздух.

Но в 1972 году, незадолго до выборов, Джон с Йоко получили ордера на депортацию. Администрация Никсона настаивала, что это обычная процедура: законы того времени запрещали въезд в

страну лицам, осужденным за наркотики, независимо от размера преступления. Но у Джона появилось чувство, что за ним следят, а телефон прослушивают. Однако, параноик от природы, он допускал, что это его фантазии.

Адвокат Леннонов подал апелляцию, приостановив высылку из страны. С каждой статьей об этом деле число защитников Леннона росло, далеко выходя за рамки среды леваков и волосатиков.

— Это была позорная атака на Джона Леннона, — вспоминает Эдвард Моррисон, в те времена занимавший пост заместителя мэра. — У дела практически не было административной подоплеки. Все решалось на политическом уровне. Чудовищно, просто чудовищно.

Моррисон бросился на защиту после того, как мэр Джон В. Линдсей объявил Леннона «культурным достоянием» города. Но Джон не знал, сыграют ли его слова какую-нибудь роль.

— Джон, как и Йоко, сильно переживал, — вспоминает Моррисон. — Они совсем не хотели уезжать из Нью-Йорка. Наш город олицетворял для них свободу, место, подходящее человеку его масштаба. Здесь он обрел множество единомышленников и верных друзей, число которых росло с каждым днем.

Несмотря на все недостатки правительства США, Джон успел полюбить эту страну.

— Здесь родина музыки, изменившей мою жизнь, сделавшей меня тем, кто я есть, — сказал он Тому Снайдеру. — В конце концов, мне просто здесь нравится. «Статуя Свободы. Добро пожаловать». Я тоже внес свою лепту.

Моррисон, председатель ныне несуществующей Либеральной партии Манхеттена, встретился с Джоном, чтобы описать ему возможные варианты и посоветовать линию поведения. Они сразу понравились друг другу, и вскоре стали друзьями. В семье Моррисона было четверо сыновей, и Джон регулярно заходил к ним в гости с подарками для детей.

Иной раз Леннон рассказывал о собственном сыне и о том, как скучает по Джулиану.

— Мне кажется, он искренне наслаждался простым человеческим общением, — сказал Моррисон. — Все вокруг чего-то от него хотели — денег, сведений, автографов, а нам с женой ничего было не надо. Мы сами старались помочь ему. Для него это было ново.

Моррисон познакомил Леннона с другим союзником, либеральным конгрессменом от Гринвич-виллидж по имени Эд Коч. Забавно представлять, как неряшливый «битл» общается с нервным и грубым будущим мэром, но по словам Коча они

вполне мирно уживались.

— Не думайте, что нас связывали общие планы, — говорит Коч. — Просто он был образцом благовоспитанности. Вел себя, как первоклашка.

Конгрессмен представил генеральному прокурору законопроект, разрешающий проживание в стране иммигрантам, ранее осужденным за хранение марихуаны.

— Конечно, он не прошел, — сказал Коч. — Зато привлек к делу Леннона внимание общественности.

Джон подал встречный иск против правительства США. 7 октября 1975 года, через пять месяцев после официального окончания войны во Вьетнаме, и спустя год после позорной отставки Никсона из-за Уотергейтского скандала, Верховный суд штата Нью-Йорк отозвал ордера на депортацию. 7 июля 1976 года Леннон, наконец, получил гринкарту.

— Здорово жить в стране на законных правах! — ликующе заявил он прессе.

Через четыре года вашингтонские бонзы согласятся с точкой зрения Нью-Йорка, что таланты Леннона служат на благо нации — вплоть до того, что Джона пригласят на инаугурацию Джимми Картера.

Раздобыв патроны, Чепмен вернулся в Нью-Йорк. Он регулярно покидал свой пост у ворот Дакоты, чтобы сходить в кино. Один фильм особенно задел его за живое — «Обыкновенные люди», про подростка из богатой семьи, вернувшегося домой после лечения в психиатрической клинике, куда его упекли за неудачную попытку суицида. Распереживавшись, Чепмен решил позвонить жене.

Сквозь шум автомобильных гудков и лязг автобусов Чепмен шептал в трубку таксофона.

— Я приехал сюда, чтобы убить Леннона, — признался он, озираясь, чтобы его не дай бог не подслушали.

— Возвращайся домой, — умоляла его Глория. — Возвращайся домой.

— Обязательно вернусь, — согласился он, задыхаясь от чувств. — Я отказался от своих планов. Это великая победа. Глория, твоя любовь спасает меня.

Чепмен сел на рейс до Гонолулу. Глория ждала его в квартире. Едва Марк шагнул за порог, она обняла его, упрашивая не забывать обо всем хорошем, что есть у него в жизни. Теплый тропический воздух нежно ласкал его тело, промерзшее за дни ожидания на манхеттенском ветру. В окно лился запах соленой воды. Чтобы успокоить жену, Чепмен пообещал пойти на

обследование к психиатру.

Слово он не сдержал.

— Меня снова начали одолевать эмоции, — поведает он. — Не было никакой возможности бороться с этим желанием. Когда человек убежден, что он никто, и вдруг ему в голову приходит подобная идея, отказаться от нее не так-то просто… Особенно если в жизни ничего не меняется. А у меня в жизни все оставалось по-прежнему.

Чепмен решил вернуться в Нью-Йорк. Но он понимал, что истинная причина Глорию не устроит. И он солгал.

— Я должен найти себя, — заявил он. — Напишу книгу для детей, приведу жизнь в порядок.

Глория хотела верить мужу. Она дала ему свое благословение. Но сомнения одолевали ее. 6 декабря она проводила его до аэропорта, и расплакалась, когда он садился в самолет с пистолетом в портфеле. Весь полет он вспоминал ее слезы и крики. В Нью-Йорке, запрыгнув в такси, он спросил у водителя, не хочет ли тот нюхнуть кокаину.

Девятнадцатилетний Адам Шэнкер закончил смену в пивной «Кникербокер» на восточной Сорок девятой стрит. Сунув под мышку свежий выпуск «Плейбоя», он шел по Мэдисон-авеню. С обложки смотрела подружка Ринго, Барбара Бах, снятая на фоне дымки и черного полотна с искусственными звездами. Ее соски просвечивали сквозь тонкую ткань. В номере было интервью с футбольным тренером Бамом Филипсом, писателем Стивеном Кингом и четой Леннонов.

Мужики всегда шутят, что покупают «Плейбой» ради статей, но в данном случае это было правдой. Адам с детства фанател от «Битлз», даже пел в расческу «Dizzy Miss Lizzy» и «Long Tall Sally». Теперь он коллекционировал их пластинки, выпущенные в США: стоило выйти переизданию какого-нибудь альбома в новом конверте, и Алекс бежал покупать его в двух версиях, моно и стерео. После того, как группа распалась, он следил за деятельностью всех ее бывших участников. В его спальне лежали «Three amp; 1/3» Джорджа Харрисона, «Ringo the 4th», «Venus and Mars» Пола Маккартни и «Вингз», а теперь и «Double Fantasy».

— Новая пластинка вышла замечательно, — сказал Адам. — Песни Йоко тоже мне понравились. В те дни многие артисты, заработавшие популярность в шестидесятых и семидесятых, не знали, с какого бока подойти к восьмидесятым. Но «Double Fantasy» звучал по-новому. И то, что Джон Леннон вернулся, тоже было очень круто.

На Сорок восьмой стрит Адам свернул к Рокфеллеровскому

центру, где проходил ежегодный праздник зажжения гирлянд на рождественской елке. А вдруг, подумал он, Джон Леннон забредет в небольшой зальчик и сыграет концерт? Вот бы узнать.

В Рокфеллеровском центре толкался счастливый народ. Подмораживало. На верхушке елки мерцали красные и зеленые лампочки. Хоть Адам и не праздновал Рождество, при виде этой сцены его наполнило чувство, что будущий год обязательно будет удачным. Он постоял там, глядя вокруг, а потом двинулся на Центральный вокзал, чтобы сесть на поезд до родного Нью-Рошелла.

Он найдет укромное местечко, дочитает интервью Джона и Йоко в «Плейбое». А потом, дома перед сном, еще раз послушает «Double Fantasy»

Звуки из соседней комнаты приводили Чепмена в ярость. И так было не в первый раз. Вот чем оборачивается ночевка в YMCA за 16,5 долларов — за стенкой трахаются гомики. Это же как-никак Молодежная *христианская* организация, и тут содомиты, грешат, ничего не боясь. У Чепмена при себе был заряженный пистолет. Может, вот она, цель, ради которой Господь привел его сюда? Вышибить дверь, перестрелять этих гомосеков.

Но что толку? Кто запомнит его подвиг? Оно того не стоит.

Надо поберечь патроны для Джона Леннона.

Больше оставаться здесь Чепмен не мог. На следующий день он переехал в «Шератон». У себя в номере он достал из портфеля пластинку. «The Ballad of Todd Rundgren». Как и Чепмен, Тодд был фанатом «Битлз». А теперь и он понял, чего стоит Леннон. Все сказано прямым текстом в песне 1973 года, «Rock and Roll Pussy»: «Ну что, дружище, запачкаешь ручки / Или ты плюшевый рок-н-ролленок?»

Вот почему Рандгрен стал любимым певцом Чепмена. Он сказал о Ленноне то, что остальные не хотели признавать. Они с Джоном даже поцапались на страницах журнала «Melody Maker». Тодд заявил, что Леннон — жулик, а все его гордые речи призваны лишь привлекать к нему внимание.

— Я и не утверждал, что я революционер, — ответил Джон в письме на адрес журнала. — Но ведь имею я право петь о чем хочу, так?

Берегись, Леннон! Чепмен идет за тобой. Пластинка Тодда Рандгрена легла на алтарь, обустроенный на комоде. Кроме него там были: Библия, похвальная грамота от руководства Форт-Чафе, и плакат «Волшебника страны Оз», купленный в перерывах между дежурствами на работе и, дверей Дакоты.

Перед тем, как выйти в ночную смену в «Дейли Ньюс», журналист Пол Лароса повел младшего брата и сестру на праздник зажжения гирлянд на рождественской елке. Ему удалось припарковаться в нескольких кварталах от Рокфеллерского центра. Даже в самом загруженном районе он всегда находил место. Этим искусством овладевает любой житель Нью-Йорка, который по работе все время мотается по бесконечным закоулкам города.

Лароса родился в восточном Гарлеме, а вырос в Бронксе. В школе Святого Причастия он учился на год старше Сони Сотомайор, будущего члена Верховного суда. Ему всегда нравилась профессия репортера — освещать в черно-белом свете последние события в истории города для тех, кто едет в электричке из пригорода в центр. На последнем курсе Фордэмского университета он устроился работать на WPIX, местный телеканал, расположенный в том же здании, что и «Дейли Ньюс». И стал думать, как ловчее перебраться в газету. Когда там открылась вакансия курьера, Пол вцепился в нее зубами.

В 1975 году курьеры сидели на деревянной лавке и ждали, пока их позовет репортер, постранично печатающий статью. Готовая страница взметается в воздух, автор кричит: «Материал!» Задачей Ларосы и его коллег было как можно быстрее отнести материал редактору, а еще подтаскивать кофе, и, если потребуется, подарок чьей-нибудь жене.

Курьеры быстро шли вверх по карьерной лестнице, и Пол не был исключением. Сперва он придумывал заголовки, потом его взяли помощником в отдел новостей, и наконец, он стал репортером. Ла-роса старался наблюдать за жизнью всех районов города — и богатых, и нищих. Как и многие, он не раз видел Джона и Йоко, гуляющих за ручку перед Дакотой.

Как все сверстники, он любил «Битлз».

— Если они вторглись в твою жизнь, ты уже никогда не будешь прежним, — объяснил он.

Хотя Лароса и ценил исполнительский талант Джона, больше всех ему нравился Маккартни.

— Может, во всем виновато имя, но я всегда был на стороне Пола, — сказал Лароса.

В «Рекорд Плант» продюсер Джек Дуглас проводил Джона с Йоко до лифта. Пока Леннон с Дугласом утрясали завтрашний график, Йоко разобрала зевота. Но ей не было скучно. Просто она устала, но была счастлива.

Чета шагнула в лифт, но тут Джон обернулся.

— Увидимся завтра в девять, — сказал Джек, и закрывшиеся двери спрятали от него улыбку Джона.

Глава 12
Оттяг по ноздре

В лимузине Йоко повернулась к Джону. — Сходим куда-нибудь поужинать? Тот покачал головой.

— Пошли домой, — ответил он. — Лучше побудем с Шоном.

Такой привязанности, как к сыну, Леннон сроду не испытывал. Конечно, он любил Йоко не меньше, но для союза мужчины и женщины это естественно. В детстве у него было, считай, две матери, но ни Джулии, ни Мими он не принадлежал до конца. До появления Шона никто мог восполнить его эмоциональный дефицит.

В сыне Джон видел не только собственное отражение, но и черты Джулиана. Вырвавшись из круговерти музыкального бизнеса, Леннон затосковал по потерянному старшему сыну, и старался восстановить с ним отношения. Но дело шло туго. Джулиан вырос в сильную личность, не готовую так просто взять и забыть страдания, причиненные отцом.

В 1999 году Джулиан сказал газете «Остин Кро-никл», что «удивился», когда с рождением Шона отец решил подружиться с ним.

— Только тогда у него в голове щелкнуло: «А давай-ка я помирюсь с сыном, на которого не обращал внимания… практически двадцать лет». Попытки отца войти в мою жизнь вызвали у меня лишь глубокую печаль.

Джон раскаялся. В отличие от собственного отца, Альфа, им двигала любовь, а не жажда наживы.

В 1964 году, когда «Битлз» снимались в фильме «Вечер трудного дня», в кабинете Эпштейна ни с того ни с сего нарисовался Альф Леннон с сальными волосами, зачесанными на лысину.

— Я отец Джона Леннона, — объявил он секретарше. Им же приглашенный журналист документировал происходящее.

Озабоченный имиджем, Эпштейн встревожился и вызвал «Битлз» со съемочной площадки. Всю жизнь Джон представлял себе, как встретится с отцом. Но даже помыслить не мог, что воссоединение с родителем произойдет под надзором менеджера и представителя прессы. Тем не менее, он подчинился приказу Брайана и вскоре уже ехал к нему в офис.

Альф радостно протянул брошенному сыну руку. Джон отказался ее пожать. Поглядывая на репортера, Альф объявил:

— Нельзя отворачиваться от родителей.

Джон, не оценив сентенции, попросил отца уйти.

Эпштейну такая реклама была не нужна. Он позвонил руководству журналиста. Они заключили сделку. В обмен на серию эксклюзивных интервью «Битлз» газета отправит гнетущую историю об отношениях Джона с отцом в мусорное ведро.

Альф гнул свою линию. Он обивал пороги газет и журналов, пока «Дейли Экспресс» не рискнула расположением Эпштейна, опубликовав рассказ о всплывшем из небытия отце Джона. Вскоре Альф смело постучался в дом сына. Синтия, поздоровавшись, сразу увидела фамильное сходство. На этот раз Альфа пригласили в дом. С бутербродом в руках, он поведал Синтии, как зарабатывал и терял деньги. Подчеркнул, что от работы никогда не бегал. В данный момент он работает посудомойщиком в отеле в нескольких милях отсюда.

Джон, по крайней мере на время, сменил гнев на милость. Мотивы Альфа были ему понятны — вокруг него так и увивались жадные до денег проходимцы. Но обрести отца было, как не крути, приятно.

Через год Джона ждал болезненный удар: Альф начал собственную музыкальную карьеру. В канун Нового года вышел его сингл «That's My Life (My Love and My Home)». Джон спросил Эпштейна, можно ли как-то помешать инициативе отца. А что, если песня Альфа отвлечет публику от очередного хита «Битлз»?

— На этот счет можешь не переживать, — ответил Эпштейн.

Продемонстрировав редкостное исполнительское бессилие, Альф состряпал прокуренную версию «My Way», в которой поведал о тяготах моряцкой жизни: «Горе было блюдом моих дней, / Но теперь я стал куда сильней».

Все, кто мог, пропустили шедевр мимо ушей. В 1966 году Альф предпринял вторую попытку, выпустив еще три сингла под именем Фредди Леннон. Хоть ему и не удалось откусить кусок от фан-базы «Битлз», но некоторые ценители рок-н-ролла нашли в нем свою прелесть, особенно восемнадцатилетняя поклонница «Роллинг Стоунз» Полина Джонс. Втайне от матери Полины они с Альфом поженились, и Джон вновь наступил на горло своему гневу, помирившись с этой странной парой. Он даже взял Полину на работу, следить за Джулианом и разбирать письма фанатов «Битлз». Еще он купил им дом в Брайтоне, где на свет появились сводные братья Джона, Дэвид-Генри и Робин-Фрэнсис. Занятый новой семьей, Альф забыл о Джоне.

Но во время первобытной терапии Джон настойчиво позвал отца к себе. Едва Леннон-старший переступил порог дома, на него обрушился поток криков и упреков в том, что он сперва бросил сына, а потом вернулся, привлеченный запахом денег. Джон

потребовал у Альфа навсегда исчезнуть из его жизни.

Они не разговаривали друг с другом, пока Джону не стало известно, что отец умирает от рака желудка. Бывший «битл» позвонил Альфу из Дакоты, извинился за крики и послал в больницу букет цветов. Однако, когда Джон предложил оплатить похороны отца, Полина отвергла попытку примирения.

В отношениях с Джулианом тоже осталось множество нерешенных проблем.

Кен Дэшоу осторожно поднимался по ступенькам на крышу здания в центре города, прижимая к пальто размякший стаканчик с горячим шоколадом.

Редкий случай, чтобы он оторвался от микрофона.

Еще учеником средних классов он помогал собирать четырехваттную школьную радиостанцию, а впервые вышел в эфир в колледже Хобарта, стоящем на северном берегу озера Сенека в округе штата Нью-Йорк под названием Фингер-Лейкс. Слушатели приняли его благосклонно, и к весне он всерьез задумался, стоит ли ему задерживаться в мировой столице добычи озерной форели. На втором курсе он перевелся в Университет Нью-Йорка.

Среди начинающих ди-джеев царила плотная конкуренция, но это не помешало Кену отказаться от работы в легендарной университетской радиостанции. Он пошел другим путем: разослал свои записи из Хобарта по всем радиостудиям в пределах пары часов езды.

Так он впервые получил коммерческое предложение — поработать на кантри-канале в Ньютоне, Нью-Джерси. Кен ничего не знал об этом стиле, сам он увлекался рок-н-роллом, но слушатели девятнадцатилетнего «Кузена Кена» ни о чем не догадались.

В 1980 году он продолжал заниматься любимым делом. Каждые выходные он ехал на Лонг-Айленд, в городок Риверхед, где располагалась студия WRCN FM. Из центра города приходилось добираться аж семьдесят пять миль, зато Кен мог ставить классический рок по своему вкусу. С его точки зрения, «Битлз» принадлежали величайшие ритмы, самые заразительные музыкальные ходы в мире. Некоторых людей муза навещает раз в жизни, других вообще обходит стороной. У Пола к музе проложен кабель толщиной с руку, и по нему текут рифф за риффом, строка за строкой. А Джон великолепно оттеняет веселые, прилипчивые мотивы Пола. Он привносит в группу правильную долю цинизма, глубину, знание жизни. Пускай они часто спорят, но всем видно, что вместе они создают прекрасные песни. Сперва я думал: «Они

неплохо порезвились в начале эпохи поп-музыки». Став постарше, я сполна осознал, как сильно они изменили мир.

Звездный час Кена настанет в 1982 году, когда его наймет радиостанция WAPP, она же «Эппл 103,5», чей огромный передатчик был расположен на крыше Эмпайр Стейт Билдинг. В свободное от диджейства время он подрабатывал помощником режиссера в кино и телерекламе, тянул за тросы, водил фургоны, изучал режиссерское дело.

8 декабря 1980 года он помогал снимать рекламу отеля Хилтон на Шестой авеню.

— Как бы хреново и холодно там ни было, — вспоминает он, — если ты, едва окончив школу, снимаешь в Нью-Йорке телерекламу и получаешь за это деньги, можно и потерпеть.

Джон с Йоко отдыхали в лимузине. День прошел насыщенно, была и фотосессия с Энни Лейбовиц, и интервью для радио, и плодотворная работа в «Рекорд Плант», а теперь они ехали домой, чтобы провести вечер с сыном. Кожа Йоко будто светилась в свете уличных фонарей. Джон, глядя на жену, радовался, что в жизни все сложилось именно так.

Какое бы благополучие они не описывали в песнях, брак у них не всегда протекал гладко. Их жизнь отравляло безмерное горе Йоко из-за пропажи Киоко, помноженное на проблемы Джона с высылкой из страны и негативную реакцию на некоторые политические заявления четы. В день переизбрания Ричарда Никсона они пришли на вечеринку, и озлобленный Джон, не в себе от выпивки и таблеток, затащил в комнату подвернувшуюся под руку женщину. Какая-то добрая душа, чтобы не обострять унижение Йоко, поставила пластинку Боба Дилана, заглушившую стоны любовников.

Дома Джон заявил жене, что его не устраивает их сексуальная жизнь. Йоко, зная, что с ранних дней «битломании» мужа непрерывно кто-нибудь, да опекал, решила дать ему свободу. Мудрая женщина, «матушка», сочла, что раз Джон ведет себя как подросток, пусть и живет, как подросток. Он уехал в Лос-Анджелес с привлекательной двадцатидвухлетней помощницей по имени Мэй Панг. По словам Мэй, Йоко сама толкнула ее в объятия Джона. Мол, она сказала, что если Джон от нее уходит, пусть уж рядом с ним будет такой хороший человек, как Мэй.

«Потерянный Уикенд» Леннона затянулся на четырнадцать месяцев. Он сам описывал этот период как одиссею саморазрушения в компании таких помощников как Ринго, барабанщик «Зэ Ху» Кит Мун и певец Гарри Нильсон. Какое-то время этот порочный триумвират жил вместе с Джоном и Мэй

Панг в доме на пляже Санта-Моники.

— Я просыпался черте где, даже не протрезвев, а потом читал в газетах, как чудил накануне, — рассказал Джон журналу «Роллинг Стоун». — Причем добрую половину этих подвигов мне нагло приписывали.

Джон снова шел по стопам отца, который часто хвалился, как его упекли на шесть месяцев за решетку, когда он пьяным разбил витрину и стал танцевать с манекеном в свадебном платье. Как-то раз, ужиная с Панг и Нильсоном, Джон пошел в женский туалет, а явился оттуда с гигиенической прокладкой, прилепленной на запотевший лоб. С этим украшением он и поехал смотреть выступление сатириков братьев Смазеров в ночной клуб «Трубадур» на бульваре Санта-Моники. Там Леннон вел себя настолько шумно и нагло, что официантка отказалась его обслуживать.

— Да ты знаешь, кто я такой? — напал он на нее.

— Ага, мудак с прокладкой на голове.

По собственному признанию, Джон всегда тяготел к инфантилизму в противовес конформизму.

— И что, — сказал он журналу «Роллинг Стоун», — вот он я, творю такой бред, что аж самого передергивает от отвращения… и все ради чего? Что бы не быть нормальным?

Джон с Йоко общались каждый день. С одной стороны, в загуле ему было хорошо. С другой, он хотел вернуться домой. Она сказала ему, что он пока не созрел.

В студии Джон пил водку, подогревая атмосферу и без того накаленную Филом Спектором. После одной репетиции пьяный Леннон, пока его волокли в машину, выкрикивал имя жены.

Спектору поставили задачу — спродюсировать альбом «Rock'n'Roll», составленный из любимых песен Джона. Но создатель «Wall of Sound» не столько помогал, сколько мешал. В какой-то момент страсти накалились так, что Спектору пришлось выхватить из наплечной кобуры пистолет и шмальнуть в потолок.

Оружие еще сыграет печальную роль в судьбе продюсера. Сперва в 1980 году на мушке окажутся «Реймонс» во время записи альбома «End of the Century». Спустя еще двадцать лет он сядет в тюрьму за то, что застрелил актрису Лану Кларксон у себя дома в Лос-Анджелесе.

Леннон выстрелов не испугался. Но, по словам очевидцев, сказал Спектору:

— Не порть мне слух. Он еще пригодится.

Загулявший Леннон помирился с бывшими товарищами по группе, в том числе и с Полом Маккартни. Джон работал над

альбомом Гарри Нильсона «Pussy Cats», когда в лос-анджелесский офис «Рекорд Плант» заглянули Пол с Линдой. Повисла неловкая пауза, которую нарушил Джон, объявив:

— Доблестный Пол Маккартни, рискну я сказать.

Он цитировал фразу из рождественской постановки, вышедшей в телеэфир в первые дни «битло-мании».

— Сэр Джаспер Леннон, рискну я сказать, — ответил Пол, сразу узнав источник.

Они вежливо пожали друг другу руки и, впервые с распада «Битлз», позволили себе совместную запись. Там же, в студии, сидел Стиви Уандер. Они с Джоном и Гарри Нильсоном начитывали текст, Пол стучал на барабанах и напевал мелодию. Линда села за орган, а Мэй Панг била в бубен. Уандер подыграл на электропианино, а Бобби Киз, больше известный своей работой с «Роллинг Стоунз», взял в руки саксофон.

Результат вышел на удивление бледным для музыкантов такого уровня. У Джона барахлил и микрофон, и наушники, а мысли его куда больше занимал кокаин, чем музыка.

— Что, Стиви, пустишь по ноздре? — слышно на пленке. — Оттянемся? Тут на всех хватит.

Отсюда и название малоизвестного бутлега, «Оттяг по ноздре в 74-м»[9].

Но стена была сломана. Впоследствии Леннон на вопросы о Маккартни отвечал куда спокойнее. Он называл «Band on the Run» великим альбомом, а «Yesterday» — прекрасной песней. Джон понимал, что каждый «битл» пошел своей дорогой, но ему было бы в радость сыграть вместе с любым из них, что бы он там не говорил прежде.

— Ничто человеческое нам не чуждо, — сказал он в 1975 году Питу Хэмилу в интервью для «Роллинг Стоун». — Мы тоже можем поменять мнение.

— «Битлз» на самом деле распались не потому, что мы перессорились, — объяснил он Тому Снайдеру. — Мы распались от дичайшей скуки. А скука порождает напряжение.

По совету Панг Джон договорился о встрече с Джулианом впервые за четыре года, и купил ему новую гитару и барабанную установку. Рядом с сыном Леннон был трезв и собран. Джон с Мэй уехали из Лос-Анджелеса и теперь жили в Нью-Йорке с двумя кошками. Джулиан вспоминает это время как лучший этап в отношениях с отцом.

Одиннадцатилетний Джулиан сыграл на барабанах в песне «Ya Ya» из альбома 1974 года «Walls and Bridges». Мэй

координировала работу над записью, а Джон писал такие хиты, как чарующая «#9 Dream» и смешная «Whatever Gets You Through the Night», где подпевает и играет на пианино Элтон Джон.

Мэй Панг успела влюбиться в Леннона. Конечно, Джон испытывал к ней и благодарность, и привязанность. Но все равно рассчитывал вернуться к Йоко. Поскольку жена разрешила ему измену, он тоже подталкивал ее встречаться с другими мужчинами. Обсуждая эту тему по телефону, Джон заметил, что былая ревность и одержимость больше не мучают его.

Темой альбома «Walls and Bridges» стала свобода чувств. «Потерянный Уикенд» помог Джону потихоньку осознать цель своей жизни.

После совместной записи с Элтоном Джоном (еще Элтон сделал ремейк «Lucy in the Sky with Diamonds» и бывший «битл» спел с ним в припеве), они заключили сделку. Если «Whatever Gets You Through the Night» станет хитом номер один, Леннон разок выступит на концерте Элтона.

«Битлу» казалось, что он ничем не рискует: ни одна его сольная песня не выходила на первое место. Но 16 ноября 1974 года «Whatever Gets You Through the Night» заняла верхнюю строчку в чарте «Биллборда».

Недели через две, на День благодарения, Элтон Джон выступал в Нью-Йорке, в Мэдисон-сквер-гарден. Леннон пришел за кулисы, чтобы выполнить обещание.

По его словам, он совсем не ожидал встретить там Йоко.

Кроме двух совместных песен, слушателей ждал настоящий сюрприз.

— Спасибо Элтону и ребятам, что пригласили меня сюда, — объявил Джон. — Мы посовещались и решили исполнить произведение моего заклятого друга и бывшего жениха по имени Пол. Раньше я эту песню никогда не пел.

Не успели прозвучать первые строки «I Saw Her Standing There», как толпа будто с цепи сорвалась. Потом многие будут задаваться вопросом, хотел ли Джон в тот вечер посвятить эту песню Йоко.

— Она ждала меня за кулисами, — сказал Джон журналу «Роллинг Стоун», — и вот мы посмотрели друг другу в глаза, и было… как в кино, время словно замерло. И тишина. Все смолкло вокруг… а мы стояли, как громом пораженные.

В тот вечер супруги не помирились. Но всем, кто видел их вместе, было ясно, что ждать осталось недолго. Мэй Панг утверждала, что они с Джоном в январе собирались в Нью-Орлеан, где Пол Маккартни и «Вингз» записывали «Venus and Mars». Но за день до отъезда Йоко сказала Джону, что знает

способ отучить его от курения. Леннон вернулся домой.

— Из разлуки ничего не получилось, — заявил он. — Для человека естественно задаваться вопросом, как выглядит обратная сторона жизни, это важный урок, — сказал он Столичной радиостанции Нью-Йорка. — Под пристальным взглядом она исчезает. Я, как многие другие, сознательно отворачиваюсь, и бах — впечатался головой в стену.

Он хвалился, что по возвращении к Йоко почувствовал себя «снова в своем уме». Журналу «Роллинг Стоун» заявил:

— Мой новый девиз — «Бодрый 75-й». Я решил выбрать жизнь… На это потребовалось много лет, но теперь я буду стараться.

Глава 13
Спячка

13 июня 1975 года телезрители по обе стороны Атлантического океана смотрели, как Джон в красном спортивном костюме, круглых черных очках и с жвачкой во рту, поет «Slippin' and Slidin'» и «Imagine» на концерте, посвященном сэру Лью Грейду, английскому медиамагнату, основному владельцу прав на произведения «Битлз».

Вместо «религии нет» Леннон спел «иммиграции тоже нет».

Он вышел на сцену последний раз в жизни.

Жена беременна, объяснил он друзьям, и он с предельной серьезностью подходит к грядущему отцовству. Йоко говорили, что в сорок три года она уже слишком стара, чтобы зачать, и в любом случае, злоупотребление наркотиками сделает Джона бесплодным. Мечтающая о полноценной семье, она нашла в Сан-Франциско китайца-иглоукалывателя, который заверил ее, что при правильном питании, отказе от спиртного и наркотиков, она родит в ближайшие полтора года.

Незадолго до смерти иглоукалывателя ему по почте пришла от Леннонов фотография младенца.

— Мы потратили на этого ребенка кучу сил, — сказал Джон «Плейбою». — Как проклятые старались забеременеть, терпели неудачи, пробовали снова. Наш сын — самый долгожданный малыш.

Отдельного внимания достоин тот факт, что ребенок родился в день тридцатипятилетия своего отца. Ему дали имя Шон, ирландский вариант Джона, в честь кельтских корней семьи Леннона.

Еще один символический жест: крестным отцом малыша стал Элтон Джон — Леннон считал, что воссоединился с женой именно благодаря ему.

— Мой дух выше Эмпайр Стейт Билдинг, — сказал Джон в то утро журналистам, имея в виду самое высокое здание в городе, который Джон давно считал родным.

Близился первый день рождения Шона, и они всей семьей отправились в Японию навестить родственников Йоко. На пресс-конференции в отеле «Окура» чета официально объявила о том, что уходит в творческий отпуск.

— Мы без долгих раздумий решили, что будем все время проводить с сыном, пока ощущение, что теперь можно бы заняться чем-то посторонним, не придет само, — объявил Джон.

С двадцати двух лет над ним всегда висел очередной контракт на запись.

— Годы шли, и ничего не менялось, — сказал Джон «Плейбою». — Никакой свободы. Вечная тюрьма. Контракты превратились в решетку на окнах. Рок-н-ролл перестал доставлять радость.

Джон зарекся слушать собственные песни, утверждая, что каждая напоминает о днях, потраченных на запись, о разборках в студии и в кабинетах менеджеров. Было время, Джон мечтал больше никогда не писать музыку, а вместо этого писать детские книги.

— Мне всегда хотелось нести детям то, что сам лет в семь-восемь почерпнул из «Ветра в ивах», «Алисы в стране чудес» и «Острова сокровищ», — сказал он Питу Хэмилу. — Эти книги распахнули передо мной двери в мир.

Недолгое время Джон присматривал за Шоном — они боролись, вместе играли с кошками, катались в карете по Центральному парку. Еще Леннон сам пек хлеб — он шутил, что растущие буханки доставляют не меньшее удовольствие, чем растущие продажи альбомов.

По вечерам Шон смотрел «Маппет-шоу», а потом шел к себе в комнату играть в самолетики. Потом Джон заглядывал к нему, выключал свет и, выделяя каждое слово, произносил: «Спокойной. Ночи. Шон».

Разницу между мифической фигурой музыканта Джона Леннона и любящим отцом Шон увидит много позже.

— Мой папа — тот, кто играл со мной в детстве, — скажет он журналу «Пипл». — Я помню его голос, его запах, его руки.

Встречая на Манхеттене друзей, таких же звезд, Леннон показывал на Шона и говорил: «Познакомься с моим гуру».

— Он всегда называл Шона своим гуру, — вспоминал Питер Бойл, актер, сыгравший в «Молодом Франкенштейне», познакомившийся с Ленноном во время «Потерянного Уикенда». — Ему нравилось бродить по Нью-Йорку… Жизнь за забором телохранителей, как у большинства рок- и кинозвезд, его не устраивала.

Йоко видела, что жители Нью-Йорка понимают решение Джона жить среди них, и не лезут в личное пространство их семьи.

— Нас окружают прекрасные люди, — сказала Йоко газете «Нью-Йорк Пресс». — Этот город принадлежит всем нам, и, мы, как одна большая семья, заботимся друг о друге.

Как и до разрыва, Джона с Йоко соединяли крепкие узы.

— Джон однажды сказал: «Говорят, что боги ревнуют

любовников и пытаются их разлучить. Но с нами им не справиться. Мы не дадимся», — поведала Йоко журналу «Пипл». — Выходя на улицу, мы всегда держались за руки, словно боялись потерять друг друга.

Мику Джаггеру казалось, что старый друг «впал в спячку». В период «Потерянного Уикенда» Мик, бывало, кутил с Ленноном и его ватагой, и знал многих обитателей Дакоты. Хоть Джон и заявил, что рвет все связи с музыкальным бизнесом, Джаггер верил, что их объединяет нечто большее, чем общее дело. Будучи в гостях в Дакоте, он оставил Леннону записку с предложением встретиться и поболтать. Джон ему не ответил.

Леннон отвечал на звонки Маккартни, хотя Пол всегда заранее не знал, какой прием встретит. Но за долгие годы совместной работы они стали как братья, и перечеркнуть все, что было, не могли и не хотели. Джон отказывается говорить о музыке? Хорошо, Пол готов выслушивать его рассказы про Шона и вставлять истории из жизни собственных детей.

Временами Пол с гитарой в руках забегал к Джону в гости. Они вместе музицировали, вышучивали общих знакомых, смотрели телевизор. 24 апреля 1976 года по NBC шла передача «Субботним вечером в прямом эфире», и вдруг ее создатель, Лорн Майклз, посмотрел в камеру и обратился к четверым «битлам» с предложением собраться у него в студии:

— Мы наслышаны о ваших личных и юридических конфликтах… Здесь, конечно, мне сказать нечего. Кто, кому и сколько должен, решать вам самим. Но еще ходят слухи, что вам пока не предложили достаточной суммы. Если дело в деньгах, у меня есть предложение.

Он показал чек на три тысячи долларов, по его словам, пожертвованный NBC на благое дело.

— Вам всего-то надо спеть три песни «Битлз», — продолжал Майклз. — «She loves you, yeah, yeah, yeah». За нее тысячу. Слова вы знаете. Задача несложная. Чек выписан на «Битлз». Делите как хотите. Если решите заплатить Ринго меньше, дело ваше.

Пол с Джоном так прикололись, что чуть было не побежали ловить такси и ехать на передачу. Но Джон заявил, что сегодня вечером потрясти мир не выйдет: все слишком устали.

В первые четыре года жизни Шона Джон равнодушно ходил мимо необычной гитары, висящей на стене в спальне — она увеличивалась, если музыкант стоял, и сжималась, если садился. Пораженный новаторским подходом, он купил инструмент примерно в то время, как они с Йоко помирились. А потом его засосали домашние хлопоты, и он выкинул гитару из головы.

Постепенно интересы Шона сместились в сторону школы и друзей, и гитара начала потихоньку напоминать о себе. Джон размышлял, как она будет звучать на записи, и как забавно было бы выйти с ней на сцену. В интервью «Ньюсуик» он шутливо описал свои чувства: «Домохозяйке захотелось устроиться на работу».

Йоко прекрасно понимала Джона. Сама художница, знала, что творческие порывы нельзя сдерживать до бесконечности. Ей, в свою очередь, тоже не давали покоя собственные задумки песен.

Ленноны решили вместе вернуться в музыкальный бизнес.

— Нам было, что сказать, и надоело молчать, — объяснил Джон «Плейбою».

Весной 1980 года, пока Йоко занималась вложением денег, благотворительностью и прочими семейными делами, Джон на шлюпе с небольшой командой поплыл на Бермудские острова. В дороге он слушал современных исполнителей, таких, как Madness, Pretenders и Лин Лович. Добравшись до места, он вызвал к себе Шона с няней. Днем отец с сыном плавали, любовались местными красотами, играли на пляже; оставаясь в одиночестве, Джон расслаблялся, как никогда в жизни. Как-то раз вечером он пошел на дискотеку, не танцевать, просто посмотреть, и там заметил группу отдыхающих, с хохотом танцующих под заливистую песню B-52 «Rock Lobster».

Покачав головой, он улыбнулся.

— Звучит, как музыка Йоко, — сказал он вслух.

B-52 *на самом деле* были фанатами Йоко Оно, прямо как Элвис Костелло и будущие участники Sonic Youth. Все встало на свои места. В Йоко перестали видеть ненормальную, ей отдали должное как новатору.

Хоть и не сразу, но мир понял ее идеи.

В ботаническом саду Джон с Шоном наткнулись на орхидею под названием «двойная фантазия». Джону понравилось это имя. Таким он видел идеал, к которому должна стремиться любая пара — каждый получает от партнера то, о чем раньше мог только мечтать.

Джон позвонил Йоко. Надо записать новый альбом. Вот план на ближайшие три недели. Он пишет песню и поет ее по телефону жене. Она пишет песню в ответ, чтобы получился музыкальный диалог на расстоянии. Еще он доведет до ума те вещи, над которыми начал работать еще в Дакоте. К моменту возвращения домой у них будет двадцать пять песен — и на «Double Fantasy» хватит, и еще останется.

Йоко связалась с Джеком Дугласом, продюсером и звукорежиссером ряда известных групп, среди которых были «Чип

Трик», «Нью-Йорк Доллс», «Аэро-смит» и Пэтти Смит. В свое время он помогал «Битлз» записывать «Imagine». Дуглас сразу понял, что должен минимизировать свое влияние на новый проект Джона и Йоко; он не хотел терять ни капли его аутентичности.

В августе 1980 года началась плотная работа над пластинкой. «(Just Like) Starting Over» стала попыткой Джона и Йоко описать как радостные, так и мучительные этапы своих отношений. Песня вышла болезненной: вспоминая былую увлеченность и идеализм, они поняли, как много семей, сошедшихся в шестидесятых годах, с тех пор развалилось.

Все должно было обернуться иначе, говорилось в песне.

В самом начале тихо звенит колокольчик. Это молельный колокольчик Йоко, вроде тех, которыми в буддистских обрядах пробуждают чувство надежды.

— Похоже на начало «Mother», — сказал Джон журналу «Роллинг Стоун», — где звучит очень медленный похоронный звон. Понадобилась куча времени, чтобы от печальных церковных колоколов дойти до маленького звонкого молельного колокольчика… На мой вкус, получилась единая вещь.

«(Just Like) Starting Over» стала первым синглом с альбома. На вторую сторону поставили композицию Йоко «Kiss, Kiss, Kiss». В ней под ритм нью-вейва женщина сперва стонет в оргазме, потом просит обнять ее. Таким образом Йоко по-своему раскрывает философский посыл заглавной песни. Кроме секса, подчеркивает она, каждая женщина мечтает об искреннем прикосновении.

«Watching the Wheels» — объяснение Джона, почему он посвятил все силы семье. Все сказано прямым текстом, как будто бывший «битл» разговаривает с другом. Пускай не все понимают смысл его ухода из музыки, он во главу угла ставит те ценности, которые часто ускользают от звезд.

Поползли слухи, что Джон с Йоко над чем-то работают в студии. Молва набирала обороты, и звукозаписывающие компании стали засыпать чету предложениями о покупке прав. Теперь Ленноны могли диктовать условия, им не надо было идти ни на творческие, ни на финансовые компромиссы. В Дэвиде Геффене они видели человека, устремленного в будущее, а не цепляющегося за мутные традиции, а потому выбрали его новый лейбл.

Обложка, вслед за музыкой, должна была отражать тернистый путь их семьи. Эротический фотограф из Японии, Кисин Синояма, сделал черно-белую фотографию четы в духе

работ Астрид Кирхер гамбургского периода. У себя на родине Синояму равно уважали и презирали.

Джон радовался тому, что фотограф понимает его переживания.

Чепмен размышлял, все ли в порядке с патронами. Он их столько раз гонял туда-сюда через рентген в аэропорту, а вдруг там что-то повредилось? Вот как выхватит он пистолет, и все без толку.

А если получится? Марк дрожал от возбуждения, представляя свою мрачную славу. Он бросил взгляд на фотографа Пола Гореша. Тот ведь ни черта не знает!

За последние дни Марк с Горешем близко сошлись. Оба с детства фанатели от «Битлз», и куда сильнее окружающих. Только вот Гореш сумел как-то подружиться с Джоном Ленноном. Интересно, а него получится?

Стемнело, Гореш собрался было поехать домой, в Нью-Джерси. Чепмен попросил его задержаться у Дакоты.

— Никогда не знаешь, как оно обернется, — сказал он. — Вдруг с ним что-то случится, и ты больше его не увидишь.

Гореша такое предположение озадачило.

— В каком смысле? — спросил он. — Я же постоянно вижу Леннона.

Чепмен мысленно хлопнул себя по губам. У него в кармане пистолет. Одно глупое слово, и его закуют в наручники до судьбоносного мига.

— Ну ведь правда не знаешь, — выдавил он. — Вот переедет он в Испанию, и что ты будешь делать?

Гореш пожал плечами, демонстрируя, что его такой вариант не пугает. Попрощавшись с Марком, он отправился домой.

Потом возникнет мысль, что по плану Чепмена фотограф должен был запечатлеть его поступок. Но дело в другом: в дружелюбном Гореше Марк видел возможность отвлечься от задуманного. Но тот ушел.

Человечки молчали.

Выбора не оставалось.

Прошло много лет, когда Джон, наконец, очутился в шкуре тети Мими.

Став отцом, он понял, каким тяжелым грузом ответственности было для нее воспитание племянника. Леннон был очень благодарен своей тете. Много лет назад он купил ей дом на побережье юга Англии, в графстве Дорсет. Но ее неумолимо угнетала старость. Джон решил свозить к ней Шона.

Может, по пути он заглянет к Джулиану.

В выходные Леннон позвонил тете и сообщил о своих планах.

— Приезжай в любое время, — ответила она.

Они посмеялись над былыми днями и тем, как тетя отговаривала Джона от музыкальной карьеры.

— Никогда не думала, что твое бренчание выльется во что-то стоящее, — сказала она. — Но все-таки ты оказался прав.

За последние несколько лет Маккартни стал самым успешным музыкантом в современной истории — только «Yesterday» перепело больше 3500 исполнителей. В 1977 году сингл «Mull of Kintyre», где Пол под волынку воспел свое ирландское происхождение, поставил английский рекорд продаж, разошедшись тиражом больше двух миллионов. С тех пор ни один коммерческий проект не смог взять эту планку. Но Джон ему больше не завидовал. Пол позвонил, чтобы поздравить с выходом «Double Fantasy». Леннон умел различать, когда друг его подкалывает, в этот раз он говорил от чистого сердца.

Былые враги так сильно восхищались друг другом, что даже начали обсуждать возможность совместного концерта «Битлз», как вариант, напротив дома Леннона, в Центральном парке.

Алан Вейс, старший продюсер программ на «WABC News», подъехав к банкомату, снял глухой мотоциклетный шлем. Сунув деньги в карман, он взгромоздился на мотороллер, купленный в свое время каналом, чтобы курьеры во время забастовки водителей автобусов и метро успевали доставлять отснятый материал в студию. Он снова надел шлем, но застегивать фиксатор на подбородке не стал.

Хотя час пик технически кончился, улицы в центре были загружены из-за праздника у Рокфеллеровского центра. Но Алан знал, как объехать пробки. Зарычав двигателем, он поехал на юг к Парк-драйв, дороге через Центральный парк.

— Говорят, есть два типа мотоциклистов — те, кто уже разбился, и те, кто вот-вот разобьется. Но я всегда водил осторожно, — объясняет он.

На Парк-драйв он перестроился в крайний ряд и поехал в сторону Централ-Парк-Соут и Седьмой авеню. Внезапно таксист в средней полосе передумал выезжать из парка и свернул налево, тогда как Алан свернул направо.

— Не надо быть Ньютоном, чтобы знать: два тела не могут одновременно находиться в одной точке, — вспоминает Алан. Переднее колесо врезалось в такси, а сам он полетел через руль, приземлившись на крышу и ветровое стекло.

— Меня тащило по дороге, как камень, пущенный «лягушечкой», — говорит он. — Зря я не застегнул шлем: он слетел, и я несколько раз приложился головой об асфальт. Замерев, подумал: «Я жив. Руки-ноги на месте. Вроде все в порядке». Поднял глаза — по закону подлости на меня несется поток машин во все четыре ряда. Я лежу на дороге, в радикально черной одежде. Ни клочка отражающей ткани. Пытаюсь встать — не работает правая нога. Ну, об адреналине все читали. На одной левой ноге я благополучно упрыгал из-под колес, с дороги на газон.

Таксист повел себя как приличный человек: съехал на обочину и по рации вызвал скорую помощь. Тем временем отовсюду набежали люди и принялись успокаивать Алана.

— Вечно болтают, мол, в Нью-Йорке на улицах сплошь бандиты, — говорит Алан. — Дело было в десять часов вечера, в темном Центральном парке. И меня не ограбили. Наоборот, помогали как могли.

Врачи по приезду сразу определили у Алана перелом бедра. Когда его грузили в скорую помощь, один санитар посмотрел на него и сказал:

— Мужик, повезло тебе. Вечер понедельника, в больнице тишина. В выходные, когда самая стрельба, ты бы прождал там несколько часов.

В Мэдисон-сквер-гарден зрители вскочили на ноги, затопали, заорали. Сегодня здесь проходил бой Всемирной федерации рестлинга. Хлопая в ладоши, на ринг вышла звездная пара — Рик Мартель и Тони Гэриа. На обоих ярко сверкали чемпионские пояса. Шагнув через канаты, они повернулись к фотографам (на огонек заглянуло даже несколько японцев из токийских глянцевых журналов о рестлинге) и стали позировать.

Их ждал легкий бой.

Противники Афа и Сика, «Дикие самоанцы», выбежав на противоположный угол ринга, стали трясти канаты и корчить рожи, а их менеджер, «Капитан» Луи Альбано, что-то шептал им на ухо.

Мартель, загорелый франко-канадец с белоснежной улыбкой, любил работать с «самоанцами» — те умели в единый миг взбудоражить зрителей. Для таких крупных мужчин двигались они на удивление быстро. Били жестко — шлепки по мясу разносились по всему зданию, добавляя правдоподобности. А, встретившись с бойцом уровня Мартеля, «продавались» не думая — падали на ринг, изображая боль, когда он пробивал им ногой в прыжке или цеплял бедрами за шею.

— Я бился с «самоанцами» по всей стране, — вспоминает Мартель, — округ Вашингтон, Филадельфия, Портленд, Мейн. Людям нравятся наши матчи, потому что по «самоанцам» видно — они ребята суровые. Скажем, в Монреале Сика на моих глазах гулял босиком по снегу. В рестлинге у каждого свой образ и набор трюков. Но Афа и Сика — настоящие бойцы. На голову выше прочих.

Зазвонил гонг, и Рик сцепился с Афой. Хрюкая, тряся буйной шевелюрой, самоанец свернул противнику нос и вдавил пальцы в глаза. Толпа сердито гудела, рестлеры были довольны.

Таким был Мэдисон-сквер-гарден в тот холодный зимний вечер. Не считая праздника зажжения гирлянд, в Нью-Йорке царила тишина.

Электричка, прогрохотав по эстакаде через Бронкс, выехала из города в округ Уэстчестер. В обычной ситуации Адам Шэнкер, бармен из пивной «Кникербокер», постеснялся бы на людях читать «Плейбой». Но интервью Джона и Йоко заворожило его.

Когда репортер Дэвид Шефф попросил Леннона описать, какими он мечтает видеть восьмидесятые, Джон ответил: «Мечтайте сами… Не ждите, чтобы Джимми Картер, Рональд Рейган, Йоко Оно, Боб Дилан или Иисус Христос поделились с вами своей мечтой. Решайте за себя… Я не могу вас пробудить ото сна. Вы сами можете себя пробудить ото сна. Я не могу вас исцелить. Вы сами можете себя исцелить».

Лишь потом заметят извращенную иронию происшествия, имевшего место во время интервью. Когда Джон с Йоко обдумывали вопрос Шефа, с улицы раздался грохот обратного выхлопа.

— Снова перед Дакотой кого-то пристрелили, — пошутил Леннон.

Глава 14
Восстановить их было невозможно

Марк Дэвид Чепмен сидел в арке Дакоты. Сердце его трепетало. Тут на перекрестке показался лимузин и замер на светофоре. Чепмен почувствовал, что его миг близок.

— Я четко понимал, что сейчас совершу, — будет он вспоминать. — Пускай мной руководила навязчивая идея, но в голове было ясно как никогда.

Сильный ветер дул ему в лицо, но он не ощущал холода. Его охватило абсолютное спокойствие.

— Давай же, — требовал внутренний голос. — Убей! Убей!

Лимузин подкатил к дому. Заедь он во двор, и Чепмен не встретил бы бывшего кумира. Но Джон с Йоко привыкли выходить на улице и здороваться с фанатами.

Привратник Хосе Пердомо стоял на тротуаре, в упор не замечая Чепмена. Таксист, высадив пассажиров, остался ждать на обочине. Лифтер Дакоты глядел мимо Чепмена, на улицу. Йоко, довольная сегодняшней записью, шла впереди мужа. Она предвкушала встречу с сыном. Джон, со студийными пленками в руках, расслабленно брел в тридцати футах за ней. Увидев Чепмена, узнал поклонника и посмотрел в глаза.

Чепмен вышел из арки на улицу, будто собрался домой, с таким расчетом, чтобы аккуратно разминуться с Ленноном. Он считал шаги: один, два, три, четыре, пять.

Потом развернулся на месте и выхватил револьвер.

Он принял боевую стойку, как в тире, прицелился Джону в спину и спустил курок.

Первая экспансивная пуля разминулась с головой Леннона и выбила в Дакоте стекло.

Но у Чепмена оставалось еще четыре выстрела. Две пули вошли певцу в спину с левой стороны. Еще две попали в левое плечо.

Как минимум одна перебила аорту.

— Вот и все, — сказал себе Чепмен, безжизненно опуская руку с револьвером. Ему не верилось, что он привел свой замысел в исполнение.

Йоко бросилась в укрытие. Джон, шатаясь, одолел шесть ступенек и нырнул под защиту стен дома.

— Меня подстрелили, — пробормотал он и осел на землю. Изо рта у него потекла кровь.

На глазах у Чепмена Йоко бросилась к мужу и прижала к

груди его тело.

Консьерж Джей Хейстингс своей форменной курткой укрыл окровавленную грудь Леннона и снял с него очки.

Ни Хейстингс, ни Йоко не смотрели на Чепмена. Их внимание было приковано к Джону. Огонь прекратился, и стрелок их больше не пугал.

Он и впрямь *был* никем.

До слуха Чепмена донесся, по его выражению, «чудовищный крик». В этот раз Йоко не создавала произведение искусства. Она оплакивала любовь всей своей жизни.

Потом Чепмен скажет Ларри Кингу, что от этого звука «у меня волосы на загривке встали дыбом».

— Джона застрелили! — кричала она. — Джона застрелили!

Хосе Пердомо со слезами на глазах бросился к Чепмену.

— Мне было так жаль Хосе, — поведает Чепмен. Привратник ухватил Чепмена за правое запястье и дернул. Револьвер выпал из руки на землю.

Чепмен все продумал. Он знал, что сейчас приедет полиция, и не хотел, чтобы его клали мордой на асфальт. Он снял плащ — не дай бог решат, что под ним спрятано оружие. И шляпу тоже. Положил одежду на тротуар, но томик «Над пропастью во ржи» не выпустил из рук.

Пердомо не верил глазам.

— Ты вообще понимаешь, что ты наделал? — заорал он.

— Да, я застрелил Джона Леннона.

Чепмен открыл книгу и уставился на пляшущие буквы. В воздухе стоял запах пороха, Чепмен нервничал, ноги его сами пришли в движение. Хотелось поскорее оказаться в руках полиции.

Потом он скажет, что собственный поступок оставил «пустоту в груди»:

— Наверное, захоти я как следует, сумел бы передумать. Возможностей было предостаточно, я их все упустил, и теперь глубоко об этом жалею.

В Лангхам Билдинг, всего в квартале от Дакоты, сидел певец Джеймс Тейлор и разговаривал по телефону с другом из Лос-Анджелеса. Когда Джеймсу было двадцать лет, его заметили «Битлз» и выпустили его дебютный альбом под лейблом «Эппл». Он чувствовал себя обязанным Леннону. Недавно они с женой, Карли Симон, на танцевальном вечере столкнулись с Джоном и Йоко и вместе сфотографировались. Йоко вела себя на удивление дружелюбно.

Вдруг с улицы донеслись выстрелы. Контркультурный опыт

подсказал певцу, что это полиция опять устроила перестрелку.

Эллен Чеслер жила на втором этаже Дакоты, окна ее выходили на Семьдесят третью улицу. По силе грохота она сразу поняла, что стреляли неподалеку.

В этот миг Эллен разогревала молоко в бутылочке для шестимесячной дочери. Схватив малышку, она бросилась вон из комнаты.

Ее муж позвонил консьержу, узнать, что случилось. Каким-то чудом Джей Хейстингс ответил и сказал, что застрелили Джона Леннона.

— Пожалуйста, вызовите полицию, — попросил он.

Полицейские Питер Каллен и Стив Спиро стояли на углу Семьдесят второй стрит и Бродвея, когда поступило сообщение о вероятной перестрелке у Дакоты. Сидящий за рулем Спиро сразу нажал на газ.

— Не спеши так, — посоветовал Каллен. — Небось, окажется, что в Центральном парке запускают фейерверки.

Машина летела по дороге. Полиция оказалась на месте через считанные секунды. Едва заехав в парк, Каллен увидел человека, бегущего от Дакоты. Но это был не преступник, а просто испуганный человек.

— Офицер, будьте осторожны, там стреляют, — заорал он, когда Каллен вышел из машины.

Каллен со Спиро редко работали вместе, и в профсоюзных вопросах занимали разные позиции. Но это не мешало им прикрывать друг друга. Они без всяких слов знали, что дальше делать. Ко входу в Дакоту они подошли с разных сторон.

— Все как будто застыли на месте, — вспоминал Каллен. — Мы не видели тел на земле, не видели вообще ничего необычного. Там стоял мужик в рубашке с галстуком, а еще я заметил привратника Хосе — единственное знакомое лицо.

— Хосе, что случилось? — спросил Каллен.

Пердомо указал пальцем.

— Вот он застрелил Джона Леннона.

Полицейский глазами проследил за рукой привратника. С виду приличный мужик о чем-то спорил с латиносом в грязной одежде. Тот возбужденно размахивал руками и что-то втолковывал на смеси испанского и английского.

Каллен навел пистолет на латиноса.

— Да нет, не он, это наш рабочий, — поправил его Хосе и показал на Чепмена. — Вот он!

Спиро поставил подозреваемого к стене и обыскал.

— Где Леннон? — спросил Каллен у Хосе.

— Его пулями втолкнуло в дверь, — он махнул в сторону проходной. — Вон там, — на глазах у привратника снова выступили слезы. — У него же пятилетний сын.

Чепмен не сопротивлялся, поэтому Каллен сказал:

— Стив, держи этого парня.

Сам он пошел на проходную, где сразу заметил очень расстроенную азиатку. Каллен узнал Йоко Оно, но не обратил на нее внимания. У дверей на ковре лицом вниз лежал Леннон, изо рта у него текла кровь.

— Стив, — окликнул Каллен напарника. — Давай его в наручники.

Чепмен положил руки на голову, закрывая лицо предплечьями.

— Не бейте меня, — взмолился он.

— Никто тебя не бьет, — Спиро прижал ладони Чепмена к стене, еще раз обыскал его и надел наручники.

Марк увидел на земле свой томик «Над пропастью во ржи».

— Возьмите, пожалуйста, мою книгу, — тихо попросил он.

Каллен вызвал подкрепление, и тут же неподалеку завыли сирены. Леннон выглядел ужасно, как кровавое месиво, но он еще дышал, и его надо было немедленно доставить в больницу. Скорую помощь решили не ждать. Полицейский Тони Палма взял Джона за руки, а его напарник, Герб Фрауэнбергер, за ноги, они дотащили его до патрульной машины и положили на заднее сидение.

Такое нарушение правил — перенос тела до прибытия врачей и пожарных — легко может обернуться штрафами и отставками. Но полицейских это не заботило.

— Надо было спасать человеку жизнь, — объяснил Каллен.

Йоко, вытерев слезы, поинтересовалась, насколько оправданны их действия.

— Думаете, его можно двигать? — спросила она.

— Леди, — ответил Фрауэнбергер, — если мы оставим его лежать, он точно умрет.

— Скорая помощь все не ехала, — вспоминает Каллен. — И что мы должны были делать? Встать вокруг него и молиться?

Тут выяснилось, что автомобиль, куда погрузили Леннона, не может выехать — его заперли другие патрульные машины. Пришлось снова двигать раненого — перекладывать в крайнюю.

За рулем сидел Джим Моран. Его напарник устроился спереди. Сзади, с Ленноном, никого не было. Они поехали в больницу Рузвельта.

Моран заметил, что люди на улицах уже в курсе — вслед патрульной машине выкрикивали имя Леннона. Полицейский заговорил с окровавленным пассажиром, помогая тому оставаться в сознании.

— Вы помните, кто вы такой? — спросил он.

С булькающим стоном Джон кивнул.

Морган связался по рации с больницей:

— Отправьте пару медиков ко входу встречать нас.

Тони Палма и Герб Фрауэнбергер повезли в больницу Йоко. В зеркале заднего вида отражалась испуганная беспомощная женщина. Она не говорила ни слова, полицейские тоже молчали. Им не впервой было присутствовать при трагедиях. Разговоры ничего не изменят.

Спиро с Чепменом остались у Дакоты.

— Я действовал в одиночку, — сообщил подозреваемый, заранее опровергая теории заговора.

— Не уходите, я боюсь, вдруг меня будут бить, — молил Чепмен.

Полицейские не нашли в себе жалости к подозреваемому, чтобы его успокоить.

— Мне очень жаль, — продолжал Чепмен. — Я совсем не хотел портить вам вечер и причинять неприятности.

Каллен и Спиро переглянулись, не веря ушам.

— Это ты перед нами извиняешься? — рявкнул Каллен. — Да ты понимаешь, что натворил? Ты же себе всю жизнь испоганил! У тебя с головой все в порядке?

— Он мне ничего не сделал. Сам не знаю, что на меня нашло.

— А зачем тогда стрелял?

— Мои Оплот и Основа — Холден Колфилд. Но рядом с ним притаился Дьявол. И сегодня он победил.

Чепмен рассказал полицейским, что раньше «Оплот и Основа» всегда брали верх — Марку не хватало смелости выстрелить в жертву. Странным образом Каллен понял его логику. Подозреваемого явно терзала мания, но по оценке Калена, он был «не таким уж сумасшедшим. Вел себя вежливо. Никаких там „эй, чувак, куда ты лезешь“ и прочей хрени. Хорошо одет. Мысль о том, что этот человек способен в тебя выстрелить, приходила в последнюю очередь».

В участке Спиро предлагал Каллену оформить задержание.

— Запиши его на себя.

— Нет, Стив, он твой.

Несмотря на разногласия они выказывали друг другу

уважение. Каллену со дня на день должны были дать сержанта, и он счел, что галочка в отчете Спиро нужна больше.

— Не переживай ты, оформляй арест, — предлагал он. — Эта запись в личном деле останется с тобой до конца жизни. Я и так, считай, сержант. А тебе пригодится.

В итоге они решили разделить заслугу.

К этому времени CNN, молодое детище Теда Тернера, уже сообщило, что Джон Леннон ранен, состояние пока неизвестно.

Кен Дэшоу, «Кузен Кен», захлопнул дверь белого фургона. Съемки рекламы Хилтона прошли успешно. Теперь он, как помощник режиссера, должен был, мотаясь между круглосуточными складами оборудования, сдать камеру, штатив, тележку, мешки с песком.

Он ехал на окраину города, куда-то на Амстердам-авеню, и слушал нью-йоркскую рок-станцию WNEW. В районе Семидесятой стрит затормозив на светофоре, он увидел, что люди бегут в сторону Центрального парка. Вскоре мимо текла настоящая толпа.

— На машине было не проехать, — описывал он впоследствии эту сцену. — Люди кричали, плакали и бежали. Вдали завывали сирены. Я занервничал, подумал: «Теракт, что ли? Может, надо прятаться?»

Движение было перекрыто минут пятнадцать. Потом появился регулировщик и направил машины в объезд.

— Мне даже не пришла мысль включить новости по радио, — сказал Кен. — Сроду ведь их не слушал.

Частые гости бара «Львиная голова» в Гринвич-виллидж регулярно слышали, что здесь рай для писателей, тонущих в бутылке. Расхожая шутка в ответ — нет, здесь рай для алкоголиков, тонущих в чернильнице.

Это уютное заведение украшала добрая сотня обложек с книг, написанных постоянными посетителями. Сюда шли после работы «посты», ребята из «Нью-Йорк Пост», в отличие от репортеров «Дейли Ньюс», предпочитающих «Костелло». Но сегодня в «Львиной голове» воцарилось беспокойство: прошел слух, что ранен Джон Леннон.

Все пытались скинуть хмель и выработать линию поведения. Джорджа Арцта, шефа бюро «Нью-Йорк Пост» в Сити-Холле, осенило. Вроде бы в Дакоте живет Эллен Чеслер, руководитель аппарата президента городского совета?

У Джорджа был ее домашний номер. Редкая удача! Он стал пробираться к таксофону. Там висел на телефоне репортер из

криминальной хроники. Едва тот освободил трубку, Джордж позвонил Эллен.

Она ответила. Да, были выстрелы. Ее муж звонил 911. Вроде бы даже стрелка она видела своими глазами — тот несколько дней торчал перед домом, выслеживая Леннона. Джордж записал все ее слова, а потом позвонил в редакцию.

— Я чувствовал, что время дорого, и надо немедленно ставить репортаж в номер, — сказал он. — И то, что под материалом о Джоне Ленноне будет стоять моя фамилия, приятно щекотало нервы.

— Ну что, больной, в операционную или сразу в морг?

Алан Вейс посмотрел на перепачканные дорожной грязью ссадины и захохотал над шуткой дамы-травматолога. Та попросила пациента рассказать об аварии в подробностях. Выслушав его, сказала:

— Будем делать рентген. Надо глянуть, что там у вас с бедром.

— Отлично, — ответил Алан. — Когда начнем?

Не успела та сказать и слова, как с диким грохотом распахнулись двери в приемную. Алану показалось, что от удара все здание вздрогнуло.

— Огнестрельное ранение в грудь! — крикнули из коридора.

— Извините, там требуется моя помощь. Вам придется подождать, возможно, долго, — сказала дама, вставая.

— Конечно, я вас дождусь.

Вейс устроился на каталке так, чтобы видеть происходящее. Даже со сломанной ногой он оставался журналистом. Через приемную пробежала толпа полицейских с носилками.

— Сюда! — закричала врачиха, указывая на соседнюю операционную.

Вейс закрыл глаза. Наверное, привезли очередную жертву разборок между наркоторговцами. Он выдохнул. Да уж, подождать придется основательно.

Из палаты вышли двое полицейских, болтая и не замечая Алана.

— Иисусе, — сказал один. — Можешь поверить? Сам Джон Леннон.

Усталость Алана как рукой сняло.

— Прошу прощения, сэр, — влез он в разговор. — Как вы сказали?

— Никак. Я ничего не говорил.

Под пытливым взглядом Алана полицейские ушли искать более уединенное место. Что он слышал? Джим Леннон? Джон

Лемон? Или все-таки Джон Леннон из «Битлз»?

Может, и Джек Леммон, но с чего тогда такой переполох?

Алан и думать забыл о переломе.

Джек Дуглас так и сидел в «Рекорд Плант». У него было полно дел, и он любил работать допоздна. Довольный, как слон, Дэвид Геффен, ушел домой. Денек получился что надо.

Вдруг в студию влетела запыхавшаяся девушка Джека. Едва переведя дух, она сказала, что слышала по радио.

Его друга, Джона Леннона, застрелили.

Когда дошли вести, что в Леннона стреляли, Кит Ричардз был в Нью-Йорке. Он не слишком испугался за друга — Джон, как и все «роллинги», не раз ходил на волосок от смерти. Наверняка он скоро объявится со свежими шрамами и душевной байкой.

В больнице доктор Ричард Маркс делал Джону Леннону прямой массаж сердца. Давление упало до нуля, и Маркс приказал переливать кровь.

Все тщетно.

У дверей операционной Вейс размышлял, уж не привиделось ли ему. Может, он слишком сильно ударился головой. Но чутье подсказывало, что надо срочно звонить в редакцию.

Недалеко от его каталки уборщик подметал полы. Подозвав его жестом, Вейс сунул ему визитку и двадцать долларов.

— Сделай одолжение, позвони по этому телефону и спроси Нила, — Нил Голдстайн работал в WABC редактором отдела новостей. — Скажи, что Алан Вейс лежит в больнице Рузвельта, по его сведениям стреляли в Джона Леннона. Поможешь?

— Конечно.

Алан откинулся на каталке. Свое дело он сделал.

— У меня была непроверенная информация, — скажет он потом. — Я ее передал дальше. На этом мои возможности закончились.

Прошло пять минут. Кровь стучала у Алана в висках. Вдруг над ухом раздался командный голос.

— Мистер Вейс?

Над ним склонился крупный мужчина в форме охранника.

— Вот ваши двадцать долларов, — сказал он. — Вот ваша визитка. Звонки запрещены.

Скандалить на тему свободы информации было бы неуместно. Алану стало стыдно: «Там жизнь человека висит на волоске, а я путаюсь под ногами».

Тишину разорвал женский крик. Вейс огляделся и увидел, как

здоровенный коп вел через приемную азиатку в норковом манто до пят. В Нью-Йорке хватало женщин, похожих на Йоко Оно, и Алан не знал, сможет ли ее отличить. Но фрагменты мозаики складывались один к одному.

Глядя на ряды каталок, он разработал план. Опираясь на них, он допрыгает на одной ноге до таксофона в приемной, и собственноручно позвонит Нилу.

— Я добрался до двери, — вспоминает он. — Уже поворачивал ручку, когда меня крепко ухватили под локоть. Сзади подкрался очередной здоровенный охранник. В больницах набирают в охрану сплошь амбалов.

Путь к таксофону внезапно усложнился.

— Что вы делаете? — спросил охранник.

— Мне нужно позвонить.

— Нельзя.

— Простите?

— Нельзя звонить.

Алекс возмутился.

— Или вы сейчас меня отпустите, или пойдете под суд за физическое насилие.

Но охранник знал, что это пустая угроза. Он молча поволок скачущего на одной ноге пациента обратно на каталку. Вдруг Алан заметил одного из тех полицейских, что привезли его в больницу. Они переглянулись. Коп посмотрел на охранника.

— Отпустите этого человека.

Теперь уже полицейский потребовал объяснений.

— А вы что, не знаете? — спросил Вейс.

— Не знаю чего?

— В Джона Леннона стреляли.

— Кто вам это сказал?

— Собственно, никто. Я слышал разговор двух ваших коллег.

Полицейский захохотал.

— Алан, — принялся он убеждать, — мощно же вас приложило головой об асфальт. Если бы стреляли в Джона Леннона, уж я бы точно знал.

Они как раз подошли к посту медсестры.

— Офицер, пойдите мне навстречу, — взмолился Алан. — Мне нужно сделать один-единственный звонок.

Полицейский взял телефон и набрал номер WABC. В двух словах описав, как сам попал в аварию, Вейс поделился с Нилом Голдстайном своей теорией.

— Мне кажется, тут была Йоко Оно, — добавил он.

Редактор отдела новостей внимательно его выслушал.

— А знаешь, — ответил он, — мы перехватили по рации

просьбу выслать скорую помощь на угол Семьдесят второй стрит и Централ-Парк-Уэст. Это там, где Дакота, и я отправил туда бригаду. В том доме живет столько известных людей…

— Вот он, последний кусочек мозаики, — вклинился Вейс. — Сомнений больше нет. Это Джон Леннон.

— Что, в него на самом деле стреляли?

— Да, в него на самом деле стреляли.

Повесив трубку, Алан, опираясь на полицейского, вернулся на каталку. Лежа, он слушал звуки лихорадочной суматохи за стенкой. Потом сел и, вытянувшись, заглянул в открытую дверь.

— Там лежал Джон Леннон, без одежды, ногами ко мне, — рассказывал он. — У него была вскрыта грудь. Я как будто смотрел внутрь его тела, только все было залито кровью, торчали всякие трубки и провода.

Алан подумал, что ему это чудится. Пока он был занят этими мыслями, каталку окружили охранники.

— Мистер Вейс, — сказал один из них, — мы должны перевезти вас в другое место.

— Не надо, мне и здесь хорошо.

— Ложитесь.

Интонация этого слова заставила Вейса подчиниться. Его быстро выкатили в коридор, подальше от умирающего «битла».

Доктор Стивен Линн был шапочно знаком с Леннонами. Их дети ходили в одну школу. Доктор с семьей иногда ходил в японский ресторан на Шестьдесят девятой стрит и Коламбус авеню, и видел там Шона с родителями. Сам Линн к Джону никогда не подходил. Но слышал о нем много хорошего, причем не связанного с «Битлз». Свои благотворительные жесты Джон с Йоко афишировали далеко не всегда, но люди с верхнего Уэст-Сайда все знали.

Когда Линна вызвали на работу оперировать человека с множественными пулевыми ранениями, он и представить не мог, что его ждет. Йоко сидела на полу, пока Линн и еще два врача спасали жизнь ее мужа.

— Крайне неудачные попадания, — сказал он газете «Нью-Йорк Тайме». — Все крупные сосуды, ведущие к сердцу, превратились в месиво, восстановить их было невозможно.

У Леннона не было ни пульса, ни давления. Потеряв восемьдесят процентов крови, он впал в гипо-волемический шок.

В 23:15 врач зафиксировал смерть Джона Леннона.

В свидетельстве о смерти указана причина: «множественные огнестрельные ранения левого плеча и груди; повреждены левое

легкое и подключичная артерия; внешнее и внутреннее кровотечение; шок».

Главный судмедэксперт Элиот Гросс впоследствии заявит, что с подобными ранами больше нескольких минут не живут.

В качестве источника повреждений записано «убийство».

Йоко стукнулась головой об пол.

— Не может быть, — сказала она Линну. — Он только что был жив. Двадцать минут назад мы ехали в машине.

Состояние вдовы вызывало у доктора тревогу. Но Йоко взяла себя в руки. Она не только жена, она еще и мать.

Когда Йоко передали обручальное кольцо Джона, мысли ее вернулись к Шону, ждущему дома с няней. А что, если он смотрит телевизор, и тут передачу прервут на срочный выпуск новостей? Она должна быть рядом с сыном. Только от нее он должен услышать, что отец, самый любимый человек на земле, застрелен прямо под окнами.

Сумасшедшим фанатом.

Доктор Линн заверил Йоко, что объявит о смерти Джона Леннона не раньше, чем она доберется домой. Она грустно кивнула. Вскоре новость прогремит по всему миру, и тогда исчезнет последняя надежда, что все это сон или глупая мистификация.

Джон Леннон умер на самом деле.

— У нас было столько планов, — скажет она газете «Нью-Йорк Пост». — Мы собирались дожить до восьмидесяти. Даже составили список того, что надо вместе сделать за эти годы. И тут такое.

Президент «Геффен Рекордз» Эд Розенблатт позвонил начальнику, Дэвиду Геффену, и сообщил, что в Леннона стреляли. Геффен бросился в больницу Рузвельта и сумел пробиться внутрь. Там он встретил одинокую Йоко и проводил ее на улицу.

Там уже собралась толпа. Двое фанатов-студентов встали на колени, пообещав молиться до восхода. В 1980 году еще не научились отгонять репортеров от родственников жертвы; еще ни разу звезду не убивал свихнувшийся поклонник.

Когда Йоко приехала домой, доктор Линн подтвердил худшие подозрения журналистов.

— Я сообщил жене, что он мертв, — сказал он. — Она очень тяжело восприняла это известие.

Полиция Нью-Йорка ожидала, что перед Дакотой соберется небольшая толпа. Для контроля над ситуацией у входа поставили две патрульные машины.

Мэр Коч немедленно выступил с заявлением:

— Джон Леннон сильно повлиял на целое поколение… Он был фигурой международного масштаба, и Нью-Йорк стал его домом. Мы этим очень гордились. Каждая насильственная смерть — горе для общества. Горе вдвойне, если гибнет такой выдающийся человек, как Джон Леннон. Мы скорбим об утрате.

Через тридцать лет Коч вспомнит, как был потрясен убийством Джона Леннона:

— Я любил «Битлз». Считал их изумительными, эдаким срезом нашей эпохи, настоящим подарком любому слушателю, независимо от возраста. Меня потрясло, что такое могло случиться здесь, в Нью-Йорке.

Глава 15
После такого сообщения сложно вернуться

Приехав в Дакоту, Йоко связалась с Геффеном и попросила его сообщить печальную новость тете Мими, Джулиану и всем «битлам».

Геффен не смог найти Ринго, но вышел на его секретаршу, Джоан Вудгейт. Та позвонила Ринго на Багамы. Они с Барбарой Бах весь день пили, и он не сразу понял, чего от него хотят. Что говорит Джоан? Леннона убили? Сердце Ринго ухнуло вниз. Надо срочно лететь в Нью-Йорк, к Йоко.

Но прежде чем заказывать самолет, он позвонил бывшей жене, Морин. Та активно участвовала в жизни «Битлз» еще в Ливерпуле, на заре их карьеры. Ринго знал, как тяжело она воспримет утрату. Судьба распорядилась так, чтобы Синтия Леннон в тот день ночевала у Морин. Причитания подруги разбудили ее. Морин протянула Синтии трубку. Словно на мгновение вернулся 1963 год — когда Морин, Синтия и Ринго были вместе. Все они любили Джона.

Только теперь они плакали.

В последние месяцы семнадцатилетний Джулиан упражнялся в игре на гитаре и барабанах, предвкушая, как встретится с отцом после Рождества. Джон задумал собрать всю семью — и Шона, и тетю Мими.

— Он видел в отце наставника, — сказала Синтия о сыне в публичном заявлении. — Мы не знаем, что теперь будет.

Синтия видела в Джулиане много черт молодого Джона, в том числе привычку одеваться как попало. Как бы не ранил ее развод, «теперь все пришло в норму, — сказала она писательнице Кейт Шелли. — Мы говорили по телефону. Мы стали гораздо лучше понимать друг друга».

Синтия по «Double Fantasy» видела, как сильно изменился ее бывший муж.

— Пропала вся его агрессия, — сказала она. — На мой взгляд, это очень здорово.

И отношения с Джулианом тоже наладились — отец разговаривал с сыном раза три в неделю. Связь между ними могла бы стать и крепче, но Синтия ожидала, что это случится со временем — когда повзрослевший Джулиан сам начнет карьеру

музыканта.

Приехав к себе домой в Уэллс, она сообщила сыну об убийстве. Тот попросил отвезти его в Нью-Йорк, чтобы он мог вместе с Шоном и Йоко оплакать отца. Синтия позвонила в Дакоту и обсудила этот вопрос с былой соперницей. Йоко заказала для Джулиана билет на ближайший рейс.

На CBS популярный телеведущий Уолтер Крон-кайт прервал передачу, чтобы сообщить американцам шокирующую новость.

На NBC во время комедийного шоу «Сегодня вечером с Джонни Карсоном» на экране появилась заставка с логотипом канала, и безымянный голос объявил об убийстве.

На ABC шел «Футбол в понедельник вечером». «Дельфины Майами» играли против «Патриотов Новой Англии». Удивительно, но в свое время, в 1973 году, на эту передачу пригласили и Леннона. В коротком интервью Говарду Коуселлу он сказал, что правил игры не понимает, но на фоне американского футбола «рок-концерты кажутся мирными чаепитиями». И, глядя на стадион, пошутил, что ожидай он от воссоединения «Битлз» «такого ажиотажа», как следует обдумал бы эту идею. В тот раз на передаче появился сам губернатор Калифорнии Рональд Рейган, и даже за сценой объяснил Джону правила игры.

Но сегодня не звучала веселая болтовня звезд. Коллега Коуселла, Фрэнк Гиффорд, ровным голосом заявил на всю страну:

— Что там творится на поле, неважно. Говард, скажи зрителям, что нам стало известно.

— Да, конечно, обязательно, — согласился мрачный Коунселл.

— Помните, кто бы ни выигрывал, это всего лишь футбольный матч. По сообщению «ABC News» в Нью-Йорке произошла чудовищная трагедия. Джон Леннон, пожалуй, самый известный из всех «битлов», прямо перед домом в Уэст-Сайде был убит… выстрелом в спину. — В его голосе звучал надрыв, не меньший, чем в тот раз, когда во время чемпионата страны по бейсболу в 1977 году камеры показали пожар, бушующий рядом со стадионом «Янки». «Вот так, леди и джентльмены, — трагично сказал он тогда, — Бронкс горит».

Тогда, выросшего в Бруклине, комментатора повергло в ужас, что часть его любимого города обращена в пепел. 8 декабря 1980 года он был ошеломлен тем, что на Манхеттене пало от руки убийцы музыкальное божество.

— После такого сообщения сложно было вернуться к игре, — вспоминает Коуселл.

Да, нелегка работа спортивного комментатора в Нью-Йорке.

Грэхем Нэш лежал в постели и смотрел футбол. Он неплохо знал Леннона. Впоследствии он скажет, что еще тяжелее потери друга для него была мысль о тех великих произведениях, которых Джон уже не напишет.

Девятнадцатилетний бармен Адам Шэнкер, сидя с приятелями у себя дома в Нью-Рошелле, услышал объявление в «Футболе в понедельник вечером».

— С подобной смертью я еще не сталкивался, — вспоминает Адам. — Мы все впали в прострацию. Замечательный человек, певший о любви и мире, только-только вернулся к творчеству, и вдруг погибает. Это было так нелепо!

Адам встал и потянулся к плащу. Он решил вернуться на Манхеттен.

Ведь наверняка к Дакоте придет пара-тройка родственных душ.

В Дакоте никто не верил, что все так обернулось. Десять лет назад, когда в Нью-Йорке бушевали расистские беспорядки и всеобщая разруха, грабитель насмерть зарезал привратника. Но годы спокойной жизни вселили в многочисленных обитателей дома чувство безопасности, оказавшееся ложным. Дирижер Леонард Бернштейн был в шоке из-за убийства соседа, которого звал «Святым Джоном».

В Сарасоте, Флорида, сестра Джорджа Харрисона Луиза едва легла в кровать, как ее вырвал из сна звонок друга.

— Включи телевизор, — предложили ей без всяких объяснений.

Луиза сразу испугалась, что Джордж попал в беду. А вместо этого услышала невероятный рассказ о том, что убит Джон Леннон.

Джордж не любил, когда нарушают его уединение, потому телефон поставил далеко под лестницей. Луиза принялась названивать Джорджу. Но никто не снимал трубку. Харрисон жил в готическом особняке в тридцати пяти милях от Лондона, в Хенли-на-Темзе, где раньше был женский монастырь. Два их брата, Гарри и Питер, ухаживали там за прилегающей территорией. Может быть, они ответят на звонок?

Гарри знал характер брата не хуже других. Джордж спал в своем дворце на пятнадцать спален, и вряд ли он порадуется, если разбудить его такими плохими новостями. Б последние годы он среди роскоши вел жизнь аскета, долгими часами обрабатывал сады на участке в тридцать семь акров, украшенном горгульями,

башенками и потайными ходами к подземным озерам. Постепенно он разбил настоящий парк, посадил там более четырехсот кленов.

Известие о смерти Леннона никуда не уйдет, решил Гарри. Он пообещал, что расскажет ему все с утра после завтрака. Задача не из легких — единственный из всех «битлов» Харрисон так до конца и не помирился с Джоном.

В Уолдорф-Астории репортеры со всего мира ловили каждое слово свежеизбранного президента Рейгана, пытаясь понять человека, который пообещал одновременно и устроить всем «веселую жизнь», и что в Белый дом, где после иранского кризиса с заложниками царил дух уныния, снова вернется светлая и радостная атмосфера. Когда встреча закончилась, на журналистов обрушили новость о Джоне Ленноне. Некоторые остались, чтобы доделать статьи и надиктовать их по телефону. Остальные сразу получили новое задание и поехали на пресс-конференцию начальника сыска Двадцатого административного округа Джеймса Салливана.

Салливан сообщил имя убийцы Леннона, и тот факт, что злоумышленник несколько дней следил за рок-звездой:

— Он был у Дакоты в субботу, спрашивал про мистера Леннона. Он был там и в воскресенье, тоже спрашивал про мистера Леннона. Пришел он и сего дня. Это старое правило — ты становишься таким же известным, как и твоя жертва. Отныне имя Джона Леннона неразрывно связано с Чепменом. Подобное убийство связывает людей крепче, чем свадьба.

В Гонолулу репортеры бросились обивать порог Глории Чепмен. Она отказалась говорить с ними, заявив лишь, что муж «уехал из города».

Ей на помощь пришел сосед.

— Миссис Чепмен пока не может открыть вам дверь, — резко сказал он журналистам. — Все вопросы подождут до завтра. Ей сейчас очень тяжело. Ее здоровье в опасности.

Весь вечер Глория названивала в полицию Нью-Йорка, отчаянно пытаясь выяснить подробности.

Диск-жокей WNEW-FM Вин Скелса заметил, что на пульте горят все лампочки. Интересно, с чего бы. Был вечер понедельника, и он не проводил никаких конкурсов. Тайна прояснилась, когда в студию зашел потрясенный секретарь по имени Марти Мартинес.

— В Джона Леннона стреляли.

В эфир шла песня «Jungleland» Брюса Спрингстина, почти

десятиминутное полотно о любви и насилии. Ди-джей убрал музыку и зачитал сообщение, выразив надежду, что Джон выживет. Вскоре Марти снова вернулся в студию. Стоило Скелсе увидеть слезы, как он понял, что рок-легенда мертва.

— Я не хотел выходить в эфир с такими вестями, — скажет он потом для MSNBC.com. — Понятно было, что трагедия куда глубже, нежели просто… смерть поп-звезды. Это был ключевой момент в истории культуры.

Как Уолтер Кронкайт, на которого свалилась печальная обязанность объявлять об убийстве Джона Ф. Кеннеди, Скелса обратился к аудитории, чувствуя, как слезы льются по лицу.

А потом включил «Let It Be».

От Лонг-Айленда до центрального Джерси слушатели Скелсы выходили из домов и стекались к Дакоте.

«Кузену» Кену Дэшоу оставался последний пункт назначения. Он завезет на место электроодеяла, которыми греют оборудование, а потом в фургоне поедет к себе домой в Бруклин. Время было позднее, и тащиться до Шипсхед-Бэй на метро у него не лежала душа. В телекомпании сказали, что машину вполне можно вернуть наутро.

На подъезде к Бруклинскому мосту передача WNEW которую слушал Кен, оборвалась, и Вин Скелса сообщил о трагедии. Он резко свернул направо и затормозил перед Сити-Холлом. Ему надо было придти в себя.

Кен практически не помнит, как ехал до автострады Бруклин-Квинс и по кольцевой автомагистрали. Дома он налил себе выпить и до утра слушал WNEW.

— Постепенно на студию подтянулись все диджеи, — вспоминает он. — Это было как всенощное бдение в эфире. Я, конечно, дико устал, но какой поклонник «Битлз» смог бы уснуть в эту ночь?

Теперь он узнал, почему у Центрального парка перекрывали движение.

После празднования у Рокфеллеровского центра Пол Ларoса завез домой младших брата и сестру, а сам вернулся в Квинс, где его ждала ночная смена в «Дейли Ньюс». Около одиннадцати часов ему позвонили и сказали немедленно ехать к Дакоте. Второй раз в этот день он отправился в Манхеттен, слушая в дороге WNEW. На шоссе не было ни души. Он пролетел мост Трайборо и магистраль ФДР, и по Сто десятой стрит свернул в Испанский Гарлем.

Добравшись до Центрального парка, он ехал по Парк-драйв в

сторону Уэст-Сайда, когда в эфире зазвучала песня «Jungleland».

— Музыка идеально легла на охватившее всех настроение, — сказал Пол. — Помню, как стонал вместе с Брюсом. Было совсем не весело. Было ужасно. Кошмарно. У меня словно вырезали часть души. Неслыханное дело — убийство музыканта. Я не мог понять, как же так вышло. У кого рука поднялась стрелять в Джона Леннона?

Он припарковался неподалеку от Дакоты и пошел к зданию.

— Там практически не было ни патрульных машин, ни конной полиции, — сказал Пол. — Стоял привратник, с ним несколько полисменов. Народу собралось, ну, несколько дюжин. Кто-то приволок гитару, и пел «Give Peace a Chance».

Лароса опросил собравшихся. А затем прошелся по району, угрюмо глядя на фотографии Джона с автографами в витринах химчисток и забегаловок.

В сотне миль от Дакоты, в Филадельфии, Брюс Спрингстин пел «Tenth Avenue Freeze-Out», скакал по сцене, извивался, падал на колени. Он с октября колесил по городам, со своим нереальным трудолюбием рекламируя альбом «The River».

Ни Брюс, ни другие члены «И Стрит Бэнд» не подозревали, какую роль получила их песня «Jungleland» в легенде Джона Леннона. Но стоило им по окончании концерта уйти за кулисы, как техник сообщил, что убили Джона Леннона.

Ударник Макс Вейнберг поначалу решил, что это наверняка несчастный случай. Узнав, как было дело, он ощутил, «будто из зала откачали весь воздух».

В Калифорнии Стиви Уандер узнал об убийстве перед тем, как выйти на сцену на бис. Он решил спеть песню «Happy Birthday». Изначально она писалась в поддержку национального праздника в честь доктора Мартина Лютера Кинга Младшего. Но сегодня, сказал Стиви аудитории, он поет ее для своего друга, Джона: «Да, мы знаем, любовь победит / Так пускай она в сердце горит».

В Париже Мик Джаггер был слишком «ошеломлен», чтобы обсуждать смерть Джона. Он вспоминал свои визиты в Дакоту и жалел, что Джон так ни разу не вышел из квартиры. А было бы так замечательно провести с ним время.

— Я знал и любил Джона Леннона восемнадцать лет, — сказал Джаггер. — Но сейчас, в это жуткое время для его семьи, миллионов друзей и поклонников, я не хочу говорить мало, и не могу много.

Ронни Катц смотрела телевизор у себя в подвальной квартире во Флашинге, Квинс — буквально в нескольких шагах от стадиона Ши. Шестнадцать лет назад Ронни в толпе таких же девчонок визжала там на концерте «Битлз». Как и Чепмен, она выслеживала кумиров, стоя перед отелем, где они жили, выкрикивала имена музыкантов. Ронни и ее подруга детства Мэри Фаэрти смотрели «Вечер трудного дня» чуть ли не тридцать раз. Они даже умели цитировать первые фразы с подлинным (как им казалось) ливерпульским акцентом:

— Простите за вопрос. Но что это за маленький старичок?

— Что за маленький старичок?

— Вон тот маленький старичок.

— А, этот. Мой дедушка.

Вдруг ей позвонила мать Мэри.

— Мне так жаль, дорогая, — сказала она. — Я знаю, каково это — терять первую любовь.

Эван Гинзбург тоже жил во Флашинге, но тот вечер провел в Манхеттене, на матче рестлеров в Мэ-дисон-сквер-гарден.

— Мой папа умер всего несколько месяцев назад, и я был как в тумане, — сказал он. — В те времена еще не было ни пейджеров, ни мобильников, но, когда я выходил из зала, в воздухе витали странные вибрации, зловещая, неуютная атмосфера. Я понимал: что-то случилось.

Когда зрители вышли на улицу, до ушей Эвана донеслись обрывки разговоров — «Джон», «Леннон», «стреляли», «убийство». Спускаясь в метро, он уже точно знал, что произошло.

Приехав в гостиницу «Рамада» на Сорок восьмой стрит и Восьмой авеню, Рик Мартель осознал, что в тот момент, когда убили Леннона, они с Тони Гэриа и «Дикими самоанцами» были на ринге. В баре отеля царила странная тишина. В те времена «хорошие рестлеры» и «злые рестлеры» на публике сторонились друг друга. Враги на ринге, они никогда не выпивали вместе.

«Дикие самоанцы» сидели в баре в компании злых рестлеров, «Лунных псов» — Рене Гуле, Непредсказуемого Джонни Родза, Ларри Збышко и прочих. Афа кивком приветствовал Мартеля и подошел к нему — прямо на глазах фанатов.

— Слышал, что случилось с Джоном Ленноном?

Мартель посмотрел на экран телевизора. Рядом стоял Сика и ребята-фанаты. На одну ночь все правила были забыты.

Все, кого опрашивал Ларроса, поведали одну и ту же историю: словно необоримая сила привела их к Дакоте.

— С каждым серьезным событием в моей жизни связана какая-то песня «Битлз», — сказала женщина по имени Донна Самуэльсон, прижимая к груди недавно вышедшую двойную пластинку любовных песен «Битлз». — Услышав эти песни, или вспомнив об этих событиях, я теперь всегда буду думать об этом дне.

— Шли разговоры, что они снова соберутся вместе, — сказал Джордж Мамлюк. — Теперь этому не бывать.

В этот репортаж Пол хотел вложить всю душу без остатка.

— Он должен был быть особенным, — сказал он. — Чтобы мои слова встали наравне с любовью к «Битлз» и тем, что они для меня значили.

Лихорадочно работая, Пол все время искал таксофон, рядом с которым не крутились бы другие журналисты. Он не хотел повторения того, что случилось в Метрополитен-опере, когда сообщили о заложенной бомбе. Пол говорил с редакцией, а в дверь телефонной будки долбилась какая-то женщина в мехах.

— Все так на меня злились, ведь я занял единственный таксофон в здании, — поведал он.

Позже к нему перед Дакотой присоединился редактор «Дейли Ньюс» Боб Герберт — в будущем колумнист «Нью-Йорк Тайме». Так совпало, что Боб жил в квартале от места, чуть дальше по Семьдесят второй стрит. В следующие часы они вдвоем бегали домой к Бобу, чтобы позвонить в редакцию.

Тем временем Пол Гореш обзванивал все газеты города и сообщал, что у него на пленке есть фотография Джона Леннона и убийцы. Но в отделах новостей царил такой переполох, что до фаната «Битлз» из Нью-Джерси никому не было дела.

В «Дейли Ньюс» к телефону подошел матерый писака.

— Че надо? — рявкнул он. — Говори давай. Чего звонишь?

Услышав лепетание Гореша, он бросил трубку.

Фотограф позвонил в «Нью-Йорк Пост». И там никто не стал с ним говорить.

Он снова позвонил в «Ньюс».

В этот раз ему попался более чуткий слушатель, репортер Боб Лейн. Потрясенный рассказом Гореша, он поверил каждому слову.

— Оставайся на месте, — потребовал Лейн. — Дай адрес. Я сейчас за тобой приеду.

Достав из кассы пригоршню банкнот, Лейн договорился с гаражом, чтобы его отвезли в Нью-Арлингтон, Нью-Джерси. Потом они с Горешем вернулись в редакцию «Дейли Ньюс» и заперлись в темной комнате.

— Вот он, — сказал Пол, глядя на лицо Чепмена,

проявляющееся на фотобумаге.

Сделку заключили на месте. «Дейли Ньюс» часто платила за информацию. За снимок, достойный Третьей страницы[10], читатель получал пятьдесят долларов.

Здесь речь шла немножко о других суммах.

Сегодня в отделении Двадцатого административного округа домой никто не ушел.

Полицейские выудили из карманов Чепмена разрешение на оружие, выданное на Гавайях, и 200 долларов мелкими купюрами. В два часа ночи он сидел перед следователями и посвящал их в секреты своего мироощущения. Он поведал о попытке самоубийства, и о голосе, приказывающем убить.

— Он практически не умолкал, — объяснил Чепмен.

— А клиент-то — маньяк, — сказал один следователь другому.

Откровения Чепмена продолжались.

— У меня есть хорошая и плохая стороны. Плохая — она крошечная, но иногда побеждает хорошую, и тогда я творю страшные вещи.

Его спросили, зачем он решил убить Леннона.

— Что за вопрос? — рявкнул подозреваемый. — Есть слабые люди, и есть сильные люди.

Говорить далее он отказался.

Пока Чепмен давал показания, фанаты, собравшиеся перед Дакотой, смотрели на окна квартиры Леннонов, ожидая знака от Йоко. Не дождались. Усталость и истерика сделали свое дело — она легла спать.

К этому времени собралось уже человек пятьсот минимум, и полиция возводила ограждения. Ворота Дакоты, как и близлежащее дерево, украшали рукописные стихи, цветы, рисунки и флаги. Набежали торговцы с венками из роз, гвоздик и ландышей.

Орали магнитофоны. Ревели гудки. Фанаты пели песни «Битлз» — во весь голос, до хрипоты, как гимн любимой команды на футбольном матче.

Йоко понимала, что люди собрались с самыми благими намерениями, но шум не давал ей уснуть.

В эту худшую ночь в жизни ей нужно было всего лишь чуть-чуть покоя.

Йоко вызвала помощника:

— Передайте, пожалуйста, людям под окнами, что они

мешают мне спать.

Тот спустился на лифте вниз и поговорил с теми, кто там стоял. Они извинились и пообещали вести себя тише.

В эту ночь все любили Йоко. Никто не хотел усугублять ее страдания. Более того, на одинокой свече, горящей у подножья здания, было написано: «Для Йоко Оно».

Но фанаты все прибывали, и объяснить им суть проблемы не представлялось возможным. С каждым часом пение становилось все громче.

Рейс Дэйва Шолина прибыл в Сан-Франциско поздно ночью, но сегодняшнее трехчасовое интервью с Джоном и Йоко в Дакоте по-прежнему наполняло его душу восторгом. В машине он настроился на волну KFRC, где работал диск-жокеем. В эфире звучала песня «Битлз». Обычно на KFRC крутили более современную музыку. Мелодия заставила Шолина улыбнуться, напомнив о прошедшем дне.

Когда песня кончилась, ди-джей напомнил слушателям об ужасных вестях из Нью-Йорка.

Дэйв чуть не выпустил руль из рук. Он практически был уверен, что ему снится кошмар.

Дома всю ночь разрывался телефон. Каждый репортер хотел поговорить с журналистом, взявшим интервью у Джона Леннона перед самой смертью.

— Мне такой славы и даром было не надо, — скажет он впоследствии.

В 6:20 Чепмена вывезли из полицейского участка и доставили в уголовный суд Манхеттена.

— Мы боялись, что его убьют, — вспоминает Каллен, — поэтому прибегли к небольшой хитрости. Через задний ход вывели другого человека с курткой на голове, а Чепмен вышел через парадную дверь.

Полицейским совсем не улыбалось сунуть Чепмена к другим арестантам. Подозреваемого заперли в камере шесть на восемь футов, где он сперва бродил кругами, а потом забился в угол и смотрел перед собой, ничего не замечая. Устав и от этого, он плюхнулся вниз лицом на койку и запел «Yellow Submarine».

Но когда соседи-заключенные стали издеваться над ним, распевая песни «Битлз», это его взбесило. С перекошенным лицом он зажал уши ладонями в тщетной попытке заглушить гвалт.

На другом конце города убитого им человека везли из больницы Рузвельта в центральный морг на вскрытие.

— Джон Леннон, мы тебя любим! — крикнул случайный

прохожий.

В восемь утра Пол Ларроса в последний раз набрал номер редакции. А потом влился в толпу перед Дакотой и начал петь в унисон с толпой.

— Да, — признается он, — я плакал.

Глава 16
«Хреново, да?»

Джордж Харрисон, ярый поборник сострадания и отказа от насилия, не мог испытывать к убийце друга ничего, кроме презрения. Он считал, что Леннон и Маккартни мешали его творческой самореализации, но боль утраты от этого не становилась меньше.

— Мы вместе столько всего пережили, — сказал Джордж. — Я до сих пор искренне люблю и уважаю Джона. В экосистеме, называемой планета Земля, Чепмен — паразит, — заключил Джордж. — Возмутительно, что люди, неспособные навести порядок в собственной жизни, отнимают жизнь других.

Так же Харрисона мучила паранойя, что теперь расплодятся подражатели. В каждом письме поклонника он стал видеть послание убийцы. А к его поместью стекались незнакомые люди, чтобы петь песни «Битлз».

Их число росло.

Перед тем, как сесть на самолет до Нью-Йорка, Ринго позвонил Харрисону. Приятно было поговорить с человеком, который тебя понимает. Йоко тоже позвонила. Джордж выразил ей глубочайшие соболезнования. После этого разговора ему стало чуть полегче на душе. Он настолько пришел в себя, что отправился в домашнюю студию.

Там сидел Эл Купер, один из основателей группы «Blood, Sweat amp; Tears», и работал над аранжировками песен Джорджа для нового альбома. Он вместе с перкуссионистом Рэем Купером и старым другом Джона Питом Шоттоном как могли отвлекали Джорджа от мрачных дум, даже напоили его спиртным.

Не помогло.

Примечательно, что многие жители Нью-Йорка узнали об убийстве лишь на утро. Кто-то не смотрел новости, другие рано легли спать. Но по дороге на работу каждый увидел заголовки газет.

На первой полосе «Дейли Ньюс» стояла большая фотография Дэвида Геффена, ведущего Йоко Оно через толпу. Заголовок над ней гласил: ЗДЕСЬ БЫЛ УБИТ ДЖОН ЛЕННОН!

Слева от фотографии располагался небольшой портрет Джона с подписью: «Убит перед домом»

В статье приводились слова Нины Макфедден, жительницы верхнего Уэст-Сайда, которая проходила мимо Дакоты во время

инцидента:

— Я видела, как Джон с Йоко вылезли из лимузина. Они зашли в ворота. Потом раздалось пять выстрелов. Просто оглушительных. Я услышала крики Йоко: «На помощь! На помощь!» И лишь потом заметила человека с пистолетом.

Барбара Тайри, няня, ухаживающая за двумя детьми, живущими на первом этаже Дакоты, рассказала, как выглянула в окно и увидела царящую на улице суматоху.

— Это было ужасно, — сказала она. — Просто

ужасно.

В «Нью-Йорк Пост» опубликовали комментарии Эллен Чеслер, полученные Джорджем Арцтом.

— Это очень, очень печально, — сказала она журналисту. — Для всего мира он был Джоном Ленноном, но для нас, живущих в Дакоте, он был просто соседом.

В Сити-Холле мэр Эд Коч, прочитав статью, вызвал к себе Эллен, чей кабинет располагался на другом конце коридора. Так же в помещении был заместитель мэра Боб Вагнер.

— Он был изумлен до глубины души, — сказала Эллен о мэре. — Произошла трагедия международного масштаба, а я оказалась свидетелем. Я стала звездой дня.

Карен Беккер всю ночь слушала нью-йоркскую радиостанцию WPLJ и говорила по телефону об убийстве Леннона с братом Дэйвом. Она хотела пойти к Дакоте, но вот уже три года работала учительницей в Греческой православной школе, и с самого утра у нее был урок.

— На работу я шла, не чувствуя земли под ногами, — сказала она. — Часть моей души умерла вместе с Джоном Ленноном. Единственный способ выразить скорбь, который пришел мне в голову — надеть черную повязку на руку.

Помощник директора, заметив повязку, сочувственно посмотрел на Карен.

— Наверное, нам всем теперь придется взрослеть.

Глория говорила по телефону с мужем. Его речь была очень вразумительна. Перестав ощущать себя никем, он обрел способность замечать чужие проблемы.

— Найми адвоката, — посоветовал он. — Тебе нужно защищать свои интересы.

Она так и поступила. Адвокат Брук Харт первым делом отшил всех, кто хотел купить мемуары Глории, заявив, что она человек замкнутый, и наживаться на трагедии не собирается.

На вопрос, есть ли почва под теорией, что Чепмен совершил

убийство, потому что подлинным Джоном Ленноном считал себя, Харт ответил:

— В этом предположении содержится изрядная доля правды.

На пресс-конференции Глория продемонстрировала такое глубокое раскаяние, что даже самые закаленные репортеры прониклись сочувствием к ее положению.

Она заявила, что глубоко сожалеет о случившемся, о том, что Джон Леннон погиб, и что такое горе обрушилось на его жену и сына. «Я скорблю о смерти Джона Леннона».

И все же Глория свято верила в прощение, как учит ее новая религия. Она объяснила, что всегда оправдывала Марка, «когда он в прошлом делал плохие вещи».

Ее слова, обращенные к попавшему в беду мужу: «Я тебя люблю».

Как и Джордж, Пол Маккартни не любил телефонных звонков. Пол и Линда по вечерам предпочитали общаться с детьми, а не смотреть телевизор или слушать радио. Утром 9 декабря, когда Линда повезла детей в школу, Пол включил телефон. Первый позвонивший все ему рассказал.

Даже смерть собственной матери не задела его так сильно.

Тогда он, по крайней мере, был морально готов.

Его терзали ярость, горе, страх. Ему всегда хотелось только одного: заниматься музыкой, радовать людей. Его жизненная философия выражена в песне 1976 года «Silly Love Songs» — ответ Леннону, который обозвал творчество Маккартни «дурацкими любовными песенками»: «Некоторые люди хотят дарить миру дурацкие любовные песенки / И что в этом плохого?»

А теперь повсюду убийцы следят не только за ним, но, может, и за его женой и детьми. Вернувшись домой, Линда застала мужа в расстройстве, трясущегося, в слезах.

Он позвонил Джорджу. Они вместе оплакали потерю брата. Он позвонил Йоко. Отношения с Джоном были такими яркими. Джон бывал сволочью, не раз ставил Пола на место. Йоко сказала Полу, что Джон всегда любил товарища по группе. Пол ответил, что это чувство было взаимным. И постарался утешить Йоко, которая не могла взять в толк, как же у кого-то поднялась рука отнять Джона у семьи.

В этом Пол был с ней солидарен.

Прежде он переживал за Джулиана. Теперь его сердце разрывалось от жалости к Шону.

Нужен способ облегчить боль, иначе его ждет нервный срыв. Когда позвонил Джордж Мартин, он сказал, что они с Линдой едут в студию. Может, получится излить переживания в музыке.

Они сели в лимузин и выехали за ворота, где уже собрались репортеры. Перед ними предстал мертвенно бледный мужчина.

— Смириться с этим невозможно, — сказал Пол. — Джон был отличным парнем. Без него мир осиротел.

Машина рванула вперед. Маккартни понимал, что у студии журналистов будет еще больше. Скорее всего, пресса будет бегать за ним еще долго. Они с Линдой обсудили, не пойти ли на похороны Джона. Решили, что не стоит. Появление Пола вызовет настоящий хаос. Джон не заслуживает таких унизительных проводов. Его сердечность, его любовь к семье, даже дурной нрав — вот что должны запомнить люди, но никак не зрелище папарацци, обступивших Пола Маккартни. Йоко знала, что Пол переживает — этого достаточно.

И все же он хотел показать свои чувства.

Обращаясь к следующей толпе журналистов, он предложит «всем поддержать Йоко».

Ринго вышел из лимузина на западной Семьдесят второй улице. Волосы его были спутаны, глаза покраснели. Хотя он много времени провел на тропическом солнце, кожа его осталась практически белой. Он приехал поддержать Йоко, но его появление лишь подлило бензина в пожар. Со всех сторон набегали фанаты. Зеваки стояли прямо на машинах и вопили во все горло.

— Расступитесь! — заорал кто-то.

Несколько работников Дакоты попробовали организовать вокруг ударника импровизированное кольцо охраны. Кто-то пихнул изнуренного Ринго плечом, так, что у того мотнулась голова. На миг закрыв глаза, Ринго шагнул вперед. Какая-то женщина схватила его за волосы. Во времена «битломании» такое случалось не раз, но теперь? Ринго вырвался из цепкой хватки и озадаченно посмотрел на нахалку. Но счел за лучшее промолчать.

Он приехал ради семьи Джона, не ради себя.

Старый друг Джона два часа занимал Йоко разговорами. В отличие от остальных «битлов», он всегда одобрял ленноновский выбор спутницы жизни, и Йоко безоговорочно любила его.

Когда Ринго уезжал, толпа выросла еще больше. За лимузином, увозящим его в аэропорт, долго бежали люди. Он решил отправиться в Лос-Анджелес. Если за «битлом» по всему Нью-Йорку будут носиться фанаты, Йоко от этого легче не станет.

Вдобавок Ринго без особой любви относился к городу, где убили его друга.

Когда Ринго ушел, Йоко испытала приступ физической боли.

По привычке позвав Джона, она вспомнила, что его больше нет.

Она объявила, что похорон мужа не будет; и того бедлама, что творится перед Дакотой, более чем достаточно.

— Джон любил человечество и молился за него, — сказала она. — Пожалуйста, отплатите ему тем же.

Шона держали в неведении, пока Йоко не позвала его в свою спальню. Пятилетний мальчик видел, что мама грустит, и спросил, где папа. Хоть он и не знал, что произошло перед домом, он чувствовал, что Джон исчез. Йоко подтвердила его страхи.

— Твой папа мертв.

Он отказался верить. Она показала ему газету.

Йоко взяла сына за руку и отвела на то место, где упал на землю отец. Соседи и работники Дакоты со слезами на глазах смотрели, как мальчик разглядывает пол.

Йоко попробовала объяснить, как так вышло, что душевнобольной фанат убил своего кумира.

Шон никак не мог понять.

— Если любишь человека, зачем причинять ему боль?

— Он был сумасшедшим.

Шон попробовал усвоить информацию.

— Мы должны выяснить, действительно ли он сошел с ума, или просто задумал убить папу.

— Решать судье.

— Судье? Как в теннисе или в баскетболе?

Вопрос Шона вызвал у Йоко улыбку. Она вспомнила, как Джон играл с сыном, беседовал с ним, цеплялся за какое-нибудь слово и выстраивал вокруг него разговор.

— Папочка ушел к Богу, — сказал Шон. — Тот, кто умер, становится большой-пребольшой, ведь он теперь — часть мира.

Мать с сыном вернулись в квартиру. Шон не хотел, чтобы мать видела его слезы. Он пошел к себе в комнату и, со слезами на глазах, попробовал сочинить стих.

— Помню, как люди шумели на улице, — скажет он журналу «Нью-Йорк» через тридцать лет, — помню костры, песни, полицейскую ленту внизу, как записывали «Double Fantasy», голос отца, его кожу, его колено. Будто я проснулся ото сна, и в тот миг перестал быть ребенком.

В пивной «Кникербокер» Адам Шэнкер с трудом наполнял стаканы.

— Я был раздавлен и уничтожен, — вспоминает он. — Я плакал за стойкой, и люди относились с пониманием. Весь город был в состоянии шока.

Тодд Рандгрен не знал, как относиться к тому, что Марк Дэвид Чепмен оказался большим ценителем его творчества — из-за песни «Rock and Roll Pussy» и якобы вражды с Джоном Ленноном.

— Просто неудачное совпадение, в жизни так бывает, — сказал он о том, что Чепмен среди прочих вещей на алтаре в «Шератоне» оставил его «The Battle of Todd Rundgren». Рандгрен всякое повидал и знал, что среди его поклонников хватает полоумных

фанатов.

— Хорошо уже то, что с ними редко сталкиваешься, — сказал он.

В Вашингтоне президент Джимми Картер воздал должное «духу Леннона, духу "Битлз", одновременно нахальному и серьезному, ироничному и идеалистичному». По его словам, как человек, разделяющий те же идеалы, он «возмущен вопиющей бессмысленностью» убийства Леннона. «Вдвойне мучительно то, что Джон Леннон, долгие годы борющийся за мир, умер насильственной смертью».

Подходила к концу встреча Рейгана и кардинала Теренса Кука, когда репортеры спросили у свежеизбранного президента, что он думает об убийстве «битла».

— А что тут можно сказать? — ответил Рейган, с трудом подбирая слова. — Это великая трагедия. Еще одно доказательство, что мы должны найти способ прекратить подобные трагедии.

Кук слушал пространные рассуждения Рейгана.

— Вся в целом картина насилия на наших улицах требует внимания и вмешательства, и мы найдем достойный ответ, — тем не менее, бывший губернатор Калифорнии, будучи консерватором, заявил, что запрет на владение оружием проблемы не решит.

— Я в это никогда не верил, — сказал Рейган репортерам. На этих словах кардинал сделал едва заметный шаг назад. — Я верю в калифорнийский способ контроля над оружием… Если человек, совершивший преступление, был вооружен, добавьте к сроку от пяти до пятнадцати лет.

Такое предложение не успокоило Кейске, брата Йоко. Житель Токио, он прямым текстом обвинил в смерти Леннона американскую традицию держать дома оружие и попросил Йоко вернуться на родину, где, по его словам, «можно не бояться вооруженных фанатов».

Но Йоко не собиралась уезжать из Нью-Йорка — города, разительно отличающегося от остальной Америки, избравшей

президентом Рональда Рейгана и разделяющей его взгляды на свободную продажу оружия.

— Свободному обороту оружия в США надо положить конец, — сказал журналистам мэр Коч.

Однако язвительный выпад из-за океана вызвал его гнев: в редакторской колонке лондонского «Нью Стандард» черным по белому было написано, что «бессмысленные убийства стали обычным делом и для Нью-Йорка, и для всей Америки, где всеобщее право на ношение оружия порождает монстров».

— А в Англии что, монстров нет? — ответил Коч, высказавшись вполне в духе Джона Леннона: — Для начала спросите ирландцев.

Перенесемся в уголовный суд Манхеттена. В 15:10 Чепмена выпускают из камеры и ведут в зал номер 129 для предъявления обвинения. Туда набилось много народу, каждый зевака изучает выражение лица подозреваемого. Три года назад здесь стоял Дэвид Берковиц, «Сын Сэма» — загадочный маньяк, убивший шестерых случайных прохожих и ранивший еще семерых. Сидя в клетке, он улыбался и глумился над матерью одной из жертв. Чепмен совсем не такой. Он не скалится, не паясничает. По лицу невозможно прочитать ничего.

Чепмена обвинили в убийстве второй степени, как и всех подсудимых в штате Нью-Йорк, поскольку убийство первой степени означает смертный приговор. Помощник окружного прокурора Ким Хогриф сказал суду, что он «совершил преднамеренное и спланированное убийство Джона Леннона». Услышав эти слова, Чепмен повесил голову.

Назначенный судом адвокат Герберт Олдерберг заявил, что Марк слышал голоса и убежден, что его действия направлял сатана. Таким образом, его клиент «не до конца осознавал, что происходит», должен быть признан невменяемым и направлен на лечение.

В Англии почтили память Леннона показом на Би-Би-Си фильма «Помогите!», а в США в каждом выпуске новостей в красках описывали его убийство, пытаясь загнать иррациональные действия Чепмена в рамки здравого смысла. WABC, где работал Алан Вейс, показали снимки Чепмена, как его ведут в тюрьму, набросив плащ на голову. Легендарный ведущий Роджер Гримсби изобразил подозреваемого как недотепу, которого довела до ручки собственная неспособность долго работать на одном месте.

— Добрый вечер, с вами Роджер Гримсби, — приветствовал

он зрителей в начале шестичасовых новостей. — Марк Дэвид Чепмен, двадцать пять лет, бывший охранник, ныне безработный, обвиняется в убийстве.

Показывают кадры, снятые за последние сутки: перепуганного очевидца перед Дакотой.

— В кого стреляли? — спрашивают у женщины.

— В Джона Леннона.

Видно, как в больницу Рузвельта бежит продюсер Леннона Джек Дуглас. Доносятся его слова: «Передайте, что я здесь. Он же тогда только-только от меня ушел».

На CBS ведущий Чарльз Осгуд рассказал согражданам, как мир был потрясен нападением, и как тяжело люди всей планеты переживают утрату:

— Вчера в Нью-Йорке был застрелен Джон Леннон во дворе собственного дома… Убийца не был лично с ним знаком. Все произошло так внезапно, так беспричинно, что у него просто не было времени убежать, спрятаться… Весь мир оплакивает Джона Леннона, будто он был вождем человечества, королем или президентам. Хотя нет, смерть королей и президентов редко вызывает такую скорбь.

Сводная сестра Джона Джулия Берд не смотрела телевизор: ей было невыносимо видеть взволнованных свидетелей, политиков, бесстрастно несущих юридический бред, фотографии счастливого Джона с семьей. Но знать подробности ей хотелось. Но ведь есть газеты, они позволяют контролировать поток информации. На самых тяжелых местах можно или перелистнуть страницу, или подождать, пока успокоятся нервы.

В «ЭЙР Студиос» в Лондоне Пол Маккартни и Джордж Мартин в прямом смысле рыдали друг у друга в объятиях. Хотя Пол делал вялые попытки записывать музыку, большую часть времени они, как на поминках, вспоминали истории из жизни убитого друга.

На выходе из студии Пола уже поджидали репортеры. Маккартни физически устал от слез, но те упорно не высыхали. Жуя жвачку, он в пол уха слушал град вопросов.

— Я был просто потрясен, — раз в пятидесятый за день он описал свою реакцию. — Кошмарные вести.

Он заявил, что пришел на студию, потому что «не хотел сидеть дома».

— Почему? — спросили его.

— Настроения не было.

Репортер поинтересовался, когда Пол узнал об убийстве.

— С утра.

— С раннего утра?

— Да.

Б таких обстоятельствах неудивительно, что самая адекватная мысль, какую мог озвучить Пол, выглядела так:

— Хреново, да?

Он залез в лимузин, думая не о своей фразе, а о Джоне. И лишь когда по всему миру прогремели кадры, где он бурчит «хреново», до него дошло, как неудачно выбрано слово.

Пускай Пол навещал Джона в Дакоте, и они обсуждали возможность концерта «Битлз» в Центральном парке — публика ничего об этом не знала, и считала их врагами. Когда Пол вышел из студии, создалось впечатление, будто он с утра встал, узнал о смерти Леннона и спокойно поехал на работу. Фраза «не хотел сидеть дома» напомнила о пресс-конференции «Битлз», где Пол глумился, произнося исключительно трюизмы.

Жевание жвачки восприняли как равнодушие.

«Хреново, да?» — показалась издевкой над журналистами, ждущими прочувствованных речей.

То, что их коллегам уже досталась щедрая порция добрых слов о Джоне, ничего не значило. Во всех новостях, от Гонконга до Типперэри, звучало и цитировалось его «хреново». Хорошо, что он успел переговорить с Йоко; хотя бы семья Джона знала, что он чувствует. Но превратное мнение общественности о нем Пола не радовало. Впоследствии он приложил усилия, чтобы объяснить ход своих мыслей, упирая на то, что с уважением относился к Джону.

Но вечером 9 декабря Пол отказался давать дальнейшие интервью. Вместе с детьми он сидел перед телевизором, смотрел новости, и слезы бежали у него по лицу.

Перед Дакотой из лимузина вылез Джулиан Леннон. После отъезда Ринго к зданию стянули охрану, и фанаты уже не распускали руки. По дороге наверх подросток не сказал ни слова.

— Это кто? — раздался голос из толпы.

— Джулиан.

Когда он снова показался на улице, все вопросы стали излишни. Фанаты скандировали его имя, размахивая фотографиями отца, от которого он унаследовал внешность, музыкальный талант, и те же эмоциональные проблемы.

Вторую ночь подряд Брюс Спрингстин и «И Стрит Бэнд» выходили на сцену в Филадельфии. По этому поводу в группе вышел спор. Гитарист «Майами-Стив» Ван Зандт требовал в память Леннона отменить концерт. Брюс настаивал, что шоу

должно продолжаться. Почему, он объяснил собравшейся аудитории:

— Это жестокий мир, нам регулярно приходится выносить такие вещи, которые вынести невозможно. Играть и петь нам сегодня непросто, но больше мы ничего поделать не можем.

Как и «Битлз», Спрингстин верил, что его группа несет ответственность перед фанатами, отстоявшими очередь за билетами, перекроившими все планы, чтобы попасть на концерт. Оставить их ни с чем он не может. Первым делом прозвучала лихорадочная версия его самой популярной песни «Born to Run», а в завершение концерта он исполнил собственную интерпретацию «Twist and Shout».

Чепмена отправили в психиатрическую лечебницу в Беллвью на месячное обследование. Первую ночь Марк провел один в четырехместной палате с зарешеченными окнами. Он выполнял все указания медработников.

— Это не беснующийся псих, — сказал представитель лечебницы газете «Нью-Йорк Пост». — За ночь ничего не случилось. Все выглядит более, чем нормально.

Тем не менее, каждые пятнадцать минут в окошко на массивной двери заглядывал охранник. С учетом истории Чепмена власти решили, что на случай суицида необходим круглосуточный надзор.

— Подоплека его поступка у нас заставляет быть очень осторожными, — сообщил представитель.

Естественно, поведение Чепмена уже изучали вдоль и поперек — пресса и общественность. Психологи выстраивались в очередь, чтобы выдать свою интерпретацию убийства: больной человек разыгрывает древний сценарий, где сын убивает отца, чтобы занять его место.

— Скорее всего он считал себя лидером «Битлз», — рассуждал один психотерапевт перед журналистом «Дейли Ньюс». — Наверное, этот парень сидел у себя в комнате, подыгрывал на гитаре песням «Битлз», представлял, что это он стоит на сцене стадиона Ши.

Вдохновившись примером собратьев из Нью-Йорка, поклонники Леннона из Лос-Анджелеса устроили всенощное бдение при свечах в Сенчури-Сити.

У мемориала Линкольна несколько сотен человек почтили его память минутой молчания. Б Цинциннати полторы тысячи оплакивали его на ветру под ледяным дождем. Чуть южнее, в Чаттанунге, Теннеси, преподобный Джесси Джексон собрал три

тысячи преимущественно чернокожих фанатов на молебен.

«Тауэр Рекордз» из Сиэтла сообщили, что люди идут потоком и каждый покупает по два экземпляра «Double Fantasy». В Нью-Йорке «Кинг Кэрол Рекордз» на Таймс-сквер распродали все пластинки, где хоть как-то отметился Джон Леннон, а сотрудники «Геффен Рекордз» получили команду срочно допечатывать «Double Fantasy» — пришло больше миллиона заказов.

— Популярные альбомы расходятся штук по пятьдесят в сутки, но здесь творилось что-то невероятное, — изумлялся сотрудник «Кинг Кэрол». — Мы за день продали двести экземпляров последнего альбома Леннона.

В магазине «Дискомат III» на Бродвее за одиннадцать часов разошлось 275 пластинок «Double Fantasy».

— На моей памяти что-то подобное было только когда умер Элвис. Люди приходили в магазин в слезах, — сообщил менеджер Бил Кениг.

«Double Fantasy» станет самой продаваемой студийной записью Джона Леннона, и в 1981 году получит Грэмми за альбом года — с тиражом в три миллиона только в США. В конце 1980 года «(Just Like) Starting Over» станет синглом № 1 по стране, потеснив «Lady» Кении Роджерса. В Англии в течение месяца развернется беспрецедентная ситуация: три строчки в топ-5 займут синглы покойного «битла», «(Just Like) Starting Over», «Woman» и переиздание «Imagine».

Через два дня после убийства тело Джона Леннона тихо кремируют на кладбище Фернклифф в Хартсдейле, Нью-Йорк, чуть севернее Бронкса. Прах отдадут Йоко, которая, уважая презрительное отношение мужа к «культу мертвых музыкантов», спрячет его от глаз общественности.

Йоко попросила фанатов не присылать цветы в Дакоту, а лучше делать пожертвования в «Фонд духа», который чета основала в 1979 году, чтобы лично не разбирать потоки обращений нуждающихся. Их фонд поддерживал такие организации, как Гарлемский центр здоровой семьи, нью-йоркский общественный телеканал WNET, альтернативный радиоканал WBAI-FM, Армию спасения и Спортивную лигу полиции: одна из причин, почему любовь простых жителей Нью-Йорка к Джону и Йоко росла с каждым днем.

Но Йоко переживала за тех фанатов, кто слишком сильно любил Джона. За день до кремации в Бруксвилле, Флорида, Джин Костелло обнаружила в спальне тело шестнадцатилетней дочери, Колин. Девочка наглоталась таблеток. Колин страдала от ряда психологических проблем, но, по словам ее матери, «соломинкой,

сломавшей верблюду спину», стала смерть Джона.

В Солт-Лейк-Сити тридцатилетний Майкл Крейг увидел репортаж об убийстве Джона и сказал другу: «Хочу со всем покончить». Потом он сунул пистолет в рот и спустил курок.

Йоко хотела бы оплакать Джона в уединении, но сообщения о самоубийствах так сильно ее расстроили, что она позвонила в «Дейли Ньюс» и сделала заявление для фанатов, умоляя их не поддаваться горю и унынию.

— Люди убивают себя, — сказала она надтреснутым голосом. — Присылают мне телеграммы со словами, что это конец эпохи и самого мира. Я очень переживаю… Подобный образ мыслей противоречит всему, во что мы с Джоном верили. Каждый должен найти в себе силы продолжать жить.

Глава 17
Светлеют печальные лица

Не прошло и суток, как адвокат Чепмена отказался вести дело. На следующий день после предъявления обвинения за Чепменом приехали в Беллвью. На него надели бронежилет и под охраной вывели на Первую авеню. Улица была перекрыта. У тротуара стояли два полицейских фургона и патрульные машины. В каком именно автомобиле поедет подозреваемый, держали в секрете во избежание покушения. Кортеж поехал в уголовный суд Манхеттена на экстренное заседание суда.

На входе в зал суда всех обыскивали, проверяли металлоискателями и требовали удостоверение личности — для 1980 года совершенно нехарактерный уровень безопасности. Адвокат Чепмена, Герберт Олдерберг, вошел в здание в окружении детективов из генеральной прокуратуры. Его взяли под охрану из-за шквала звонков с угрозами.

Стоя перед судьей Рейной Увиллер, Олдерберг заявил, что в случае оправдания Чепмена ему угрожают расправой над ним самим и его семьей. Поскольку задача адвоката — бороться за свободу клиента, страх за личную безопасность негативно сказывается на его способности защищать Чепмена.

К середине дня был назначен новый адвокат. Джонатан Маркс, бывший помощник федерального прокурора, не боялся народного гнева. В том году он уже вел дело, вызвавшее сильнейший общественный резонанс. Подсудимого обвиняли в том, что он толкнул под поезд семнадцатилетнюю флейтистку Рене Катц, в результате чего девушка потеряла руку. В результате энергичной защиты Маркса был вынесен оправдательный приговор.

Йоко, призывающая фанатов воздержаться от самосуда, «сейчас не время для ненависти и разочарования», узнала, что есть среди людей маньяки, мечтающие усугубить трагедию. Полиция арестовала перед Дакотой человека, пообещавшего убить Йоко. Другой псих в международном аэропорте Лос-Анджелеса похвастался, что хочет застрелить Ринго, когда тот выйдет с нью-йоркского рейса.

Ринго впоследствии отметит, что смерть Джона всколыхнула в некоторых людях самое худшее: «Нашлись те, кто тоже решил повесить на стену голову битла». Хотя его фраза прозвучала как шутка, по рок-сообществу прокатилась волна ужаса.

11 декабря на передовице «Нью-Йорк Пост» появилась фотография тела Леннона перед кремацией, видимо, сделанная работником морга. Во время дела «Сына Сэма» «Дейли Ньюс» обошла на повороте всех конкурентов, потому что Дэвид Берковиц вышел на связь с их колумнистом Джимми Бреслином. Стив Данливи из «Пост», решив перехватить флаг, публиковал открытые письма серийному убийце. Но Берковиц, занятый перепиской с Бреслином, проигнорировал его. На этот раз «Пост» твердо решила биться за корону любыми средствами. Газетчики, конечно, понимали их мотивы, но музыканты восприняли фотографию, как оскорбление и доказательство, что даже после смерти их не оставят в покое.

В первые же сутки после смерти Джона Пол нанял двух охранников проверять всех гостей и патрулировать участок, даже если никого из Маккартни не было дома. Мудрое решение, потому что в 1984 году британская полиция арестовала заговорщиков, которые якобы задумали вломиться в дом, похитить Линду Маккартни и потребовать выкуп в размере 12,6 миллионов долларов.

Власти прилагали все силы, чтобы обеспечить безопасность Чепмена. Во-первых, он мог покончить с собой. Во-вторых, ходили слухи, что фанаты задумали ворваться в больницу. Тридцатидневное обследование сочли неоправданным риском. 12 декабря его перевели в камеру Рикерс-Айленда, тюремного комплекса в Ист-Ривер, между Квинсом и Бронксом.

Стало еще хуже. Арестанты видели в Чепмене труса. Сразу начались издевательства. На стене накарябали: «Чемпен (!), тебе осталось недолго (!). Прощения не будет. Ты попал».

Хотя Чепмена изолировали от других заключенных, он на основании этой угрозы решил, что ему подсыпали яд в пищу. И начал голодовку. Руководство тюрьмы меньше всего хотело, чтобы самый известный узник откинулся до суда. Специально для него очистили лазарет. Там, оставшись один, он начал есть.

С каждым часом все больше народу толпилось на улицах вокруг Дакоты.

— Я дежурила здесь каждый день, с утра до вечера, — сказала шестнадцатилетняя обитательница Квинс Аннет Ньюман газете «Дейли Ньюс». — Когда рядом те, кто разделяет твои чувства, боль утраты переживаешь не так остро.

Поклонникам нужна была возможность проводить Леннона в последний путь, ведь похорон-то не было. На воскресенье 14 декабря назначили панихиду в Центральном парке —

десятиминутное «молчаливое прощание».

Самые ярые фанаты, человек сорок, собрались в парке с вечера. Ночью температура опустилась до -5 ˚С. Они сидели на холоде и вспоминали Джона. Когда встало солнце, начали подтягиваться люди. Их собралось под сто тысяч. Торговец цветами Филип Атлас расположился на западной Семьдесят второй стрит с двумя тысячами маргариток. Фанаты, стоя на газоне, держали в руках цветы и горящие свечи. Подъехал грузовик с колонками, и полчаса над толпой звучали песни «Битлз». Еще полчаса все отрешенно слушали классическую музыку. А потом все смолкло — на людей обрушилась, невероятная тишина.

Народ стоял плотной стеной. Кто-то смотрел глаза, другие смотрели перед собой, некоторые молились, думали о Джоне, его печальном конце жизни, его мечтах о мире. Там, среди толпы, всем было тепло и уютно, несмотря на декабрь.

В Ливерпуле собралось тридцать тысяч человек почтить память отважного паренька из средней школы Квори Банка, прославившего этот суровый северный город на весь мир. По всему Нью-Йорку можно было видеть тех, кто прощался с Джоном. Перед универмагом «Мейсиз» на Геральд-сквер посреди тротуара стояла пара, склонив головы. На Центральном вокзале группа подростков молча слушала песни «Битлз», льющиеся из радиоприемника.

«Ну-ка вместе, быстрей, все ко мне[11]».

Дэвиду Геффену пришла записка от Йоко: «Благодарю тебя за слезы и молитвы. Я видела улыбку Джона в небесах. Видела, как светлеют печальные лица. Видела, как мы сливаемся в единый разум. Спасибо».

Кен Дэшоу в выходные работал на радио WRCN в Риверхеде, Лонг-Айленд. Он ставил песни «Битлз» и говорил о Ленноне. Когда поклонники в Центральном парке провожали Джона в последний путь, Кен с выпускающим режиссером решили, что целую минуту в эфире будет тишина.

— Тишина — самое худшее, что бывает на радио, — сказал он. — Но я никогда не забуду, какой громкой была *эта* тишина. Ни одна группа в мире не звучала громче.

В дискаунтере «Шейнз» в Лейк-Ронконкома, Лонг-Айленд, две молодые кассирши решили присоединиться к десятиминутному «молчаливому прощанию», повернувшись спиной к кассам.

— Это дело принципа, — объяснила семнадцатилетняя

Сюзанна Стивенс.

Покупатели не оценили их жеста.

— Она прекратила торговлю, — пожаловался представитель «Шейнз» газете «Нью-Йорк Пост». — Сказала клиенту: «После панихиды»… Люди пришли в ярость, орали, а она вела себя так, будто ее тут нет. Покупатели бросали товары и уходили из магазина.

Вторая кассирша, восемнадцатилетняя Донна Палмири, глядя на это, через две минуты вернулась к кассе. Потом она написала объяснительную и отделалась выговором.

Сюзанну уволили.

— Я бы повторила свой поступок, — сказала она газете. — Таковы мои убеждения.

Адам в Центральном парке присоединился к людям, поющим на эстраде «Come Together», «Imagine» и «A Day in the Life».

— Нас всех раздирали эмоции, но все в той толпе разделяли наши чувства, — сказал он. — Когда люди начали расходиться, с неба посыпались крупные снежные хлопья. Я не верю в высшие силы, но казалось, что наши переживания вызвали снег.

В последующие недели Адам не мог слушать «Double Fantasy», и в принципе музыка Джона стала восприниматься совсем по-другому. На собственной свадьбе в 1997 году Адам шел к алтарю под «Grow Old with Me», песню, не вошедшую в «Double Fantasy» и выпущенную в 1984 году в альбоме Джона и Йоко «Milk and Honey».

«Старей со мною рядом, иного мне не надо», — пел Джон.

Пока фанаты распевали песни под окнами Дакоты, Эллен Чеслер с мужем у себя дома слушали «Битлз».

— У меня, кажется, не было ни одного альбома, — сказала она. — Только подборки, величайшие хиты.

Весь дом переживал за семью Джона, и за собственную безопасность. Теперь все знали, где живут Ленноны, что сулило неприятности.

Глава 18
«With every drop that falls, we hear your name» [12]

На слушаниях в январе 1981 года адвокат Марка Дэвида Чепмена Джонатан Маркс подал прошение о признании своего клиента невменяемым. Давать показания пригласили девятерых психиатров. Шестеро подтвердили позицию защиты, что подсудимый страдает психическим расстройством и не отвечает за свои действия. Трое настаивали, что бредовые видения Чепмена не мешали ему осознавать последствия своих поступков. Обвинение заявило, что жить в гармонии с обществом Чепмену мешает социопатия. Таким образом, его стремление нарушать права других людей не ограничено ни совестью, ни моральной ответственностью.

В феврале Чепмен написал в «Нью-Йорк Таймс» письмо, где утверждал, что *заинтересован* в благополучии сограждан, и верит, что они могут достичь просветления, если не спасения, читая его любимую книгу.

— Я желаю всем вам в один прекрасный день прочитать «Над пропастью во ржи», — писал он. — Отныне все мои усилия будут служить этой цели, ведь в этой выдающейся книге есть ответы на многие вопросы. Я искренне надеюсь, что, желая обрести ответы, вы прочтете «Над пропастью во ржи».

Послание было подписано шариковой ручкой: «Марк Дэвид Чепмен — Ловец во ржи»[13].

Через четыре месяца, 22 июня 1981 года Чепмен утратил изрядную долю напыщенности, когда, вопреки совету адвоката, признал себя виновным в убийстве второй степени — избавив Йоко от необходимости смотреть в зале суда на убийцу мужа, и лишив журналистов шикарной возможности взять интервью у вереницы свидетелей, именитых зрителей, фанатов «Битлз» и присяжных.

Судья Дэннис Эдвардз сообщил подсудимому, что его признание автоматически означает приговор.

— Отказываясь от судебного разбирательства, — сказал Эдвардз, — вы лишаетесь права допрашивать свидетелей обвинения и вызывать в зал суда свидетелей защиты. Вы согласны?

— Да, ваша честь, — ответил Чепмен.

Эдвардз попросил подсудимого рассказать суду, что произошло 8 декабря 1980 года.

— Я планировал убить Джона Леннона, — прямолинейно ответил Чепмен. — В тот вечер я достал пистолет из кармана и стал стрелять в него, намереваясь убить.

— Хорошо. Вы помните, сколько выстрелов произвели?

— Пять?

— Вы знаете, сколько пуль попало в жертву?

— Да, ваша честь, знаю.

— И сколько же?

— Четыре.

— Скажите, на каком примерно расстоянии от жертвы, мистера Леннона, вы были, когда начали стрелять?

— Точно не знаю, мне кажется, футах в двадцати.

Чепмен указал, что Леннон приближался к проходной Дакоты, когда шагнул с тротуара, прошел мимо него, развернулся, достал пистолет, прицелился в него и выпустил пять пуль подряд.

Помощник окружного прокурора Аллен Салливан спросил у Чепмена, какие пули тот использовал.

— Экспансивные, 38 калибра.

— Зачем вы взяли экспансивные пули?

— Чтобы убить Джона Леннона наверняка.

Обвинитель спросил, почему Чепмен решил признать себя виновным.

— Это мое решение, и решение Бога.

— Когда вы говорите, что это решение Бога… Означает ли это, что вы слышите голоса?

— Именно звучащие голоса? — Видимо, Чепмен хотел провести четкую грань между слуховыми галлюцинациями и тем внутренним голосом, который, по его словам, подталкивал его убить Леннона.

— Именно звучащие голоса.

— Нет, сэр.

Салливан захотел узнать, что подтолкнуло его признать себя виновным.

— Прежде чем вы приняли это решение, вы молились?

— Да, и неоднократно.

— После молитв вы ощутили исходящее от Бога желание, чтобы вы признали себя виновным?

— Да, таково было его требование, приказ… Я обдумал, стоит ли исполнять то, чего хочет Бог… И принял решение последовать его приказу.

— Таким образом, вы говорите, что признаете себя виновным

по собственной воле?

— Да.

Слово взял судья Эдвардз. Он спросил Чепмена, не признает ли он себя виновным под воздействием угроз.

— Нет, ваша честь.

— Давали ли вам обещания, вынуждающие либо побуждающие признать себя виновным?

— Если формулировать так, то нет. Но Бог заверил меня: что бы со мной ни случилось, он меня не оставит.

— Добрая христианская этика, — заявил судья. — Полагаю, все мы в трудную минуту верим, что Бог нам поможет.

Несмотря на протесты защиты, суд объявил, что Чепмен в должной мере отвечает за свои действия, чтобы самому определять свое будущее. В дальнейших разбирательствах нет нужды.

Заявлению Чепмена о признании себя виновным дали ход.

Генри Стерн, член городского совета, представляющий Манхеттен, выдвигая резолюцию об увековечении «гения» Джона Леннона, не ждал никаких проблем. Но против выступил единственный республиканец в совете, Ангело Аркулио от Бэй-Ридж, Бруклин. Насколько помнил Аркулио, Леннон был наркоманом и радикалом. Более того, он «не помнит, чтобы подобных почестей удостоился Бинг Кросби, который на самом деле *был* легендой Америки».

Стерн обозвал собрата-законотворца «синим злюкой». [14]

— По правилам совета если кто-то голосует против, резолюцию не принимают, — объяснил Стерн. — Так что мое предложение не прошло.

В 1981 году ему повезло больше: с его подачи было решено переименовать участок Центрального парка напротив Дакоты в «Земляничные поляны». Результат не поражал размахом. Управление парками установило табличку, выкорчевало некрасивые заросли, посадило несколько кустов и деревьев.

Но Йоко связалась с комитетом по охране Центрального парка и предложила помощь.

— В итоге она выделила примерно миллион долларов, — вспоминает Стерн, который стал впоследствии комиссаром Управления парками. — Ей хотелось создать международный парк мира, чтобы там были растения со всех стран на Земле. Чудесная идея. К сожалению, помешал климат. Ничего не поделаешь, так устроена природа. Некоторые люди сажали

землянику, чтобы получились земляничные поляны в прямом смысле. Не помню, как это выглядело.

И все равно «Земляничные поляны» превратились в изящный островок спокойствия. Площадь в сердце парка выложена мозаикой — дар от Неаполя. По окружности — скамейки, в центре — мозаичная надпись «Imagine». Отсюда можно пройти к бессчетным открытым и потайным полянкам, где растут рододендроны, падубы, кальмии, шиповник, и метасеквойи, чьи вершины просматриваются с расстояния в несколько кварталов. Все эти годы фанаты приходят сюда по любому поводу: в день убийства Леннона, в дни рождения «битлов», в день смерти гитариста Грейтфул Дэд Джерри Гарсии, 11 сентября и так далее. Один бездомный, Гэри Дос Сантос, даже стал местной достопримечательностью: он известен тем, что возлагает цветы и различные предметы на круглый монумент в форме пацифика.

Его подношения заставляют задуматься и случайных прохожих, и тех, кто на жизненном пути встретил Джона.

— Иногда, гуляя по «Земляничным полянам», — сказал доктор Ричард Маркс, хирург-травматолог из больницы Рузвельта, журналу «Пипл», — я думаю: «Представьте, что я мог бы тогда что-нибудь сделать. Представьте, что раны были бы в другом месте. Представьте, что его удалось бы спасти».

24 августа 1981 года, когда Чепмен был признан виновным, его адвокат вызвал давать показания двух психиатров. Одного из них судья отказался слушать, объявив, что признавать Чепмена невменяемым уже поздно. Суд собрался на оглашение приговора, вина подсудимого уже установлена. Зал взорвался аплодисментами. Настойчивые утверждения Джонатана Маркса, что его клиент не осознает, зачем его привели сюда, остались без внимания.

Когда судья Эдвардз спросил Чепмена, желает ли тот выступить с речью, подсудимый зачитал отрывок из «Над пропастью во ржи»:

— Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют в огромном поле, во ржи… А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть… Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему.

Когда подсудимый замолчал, судья объявил:

— Я не согласен с предположением адвоката защиты, что это преступление совершено в припадке безумия, что это поступок душевнобольного человека. Пускай мотивы его необычны, но это

было преступление, задуманное, спланированное и совершенное человеком, полностью осознающим обстановку и последствия своих действий.

Суд не сомневается в том, что подсудимый нуждается в психиатрической помощи, однако, и это не подлежит дальнейшим обсуждениям, он должен держать ответ за свой осмысленный, добровольный и продуманный поступок.

Но, судя по всему, судья учел психическое состояние Чепмена, приговорив его к двадцати годам за решеткой — чуть меньше, чем верхняя планка в двадцать пять лет, за которой следует пожизненное заключение. Чепмена отправили сидеть в Аттику, ту самую тюрьму, о которой Леннон пел в «Some Time in New York City».

Потом Чепмен будет утверждать, что отсидка в тюрьме строгого режима была для него в радость.

— Это уже не та тюрьма, какой была прежде, — скажет он Ларри Кингу. — Со мной хорошо обращались, не били, не пытали… Каждый заключенный в Аттике сидит в отдельной камере. Это ее несомненное достоинство.

Идею о том, что убить Леннона ему поручило ЦРУ, Марк сочтет «полным вздором… Может, они были бы не против послать меня… но они здесь ни при чем. Это мое решение. Не их».

После убийства Йоко одолели депрессия и подозрения. Позвав в Дакоту бывшего заместителя мэра Эдварда Моррисона обсудить вопросы безопасности, она отказалась говорить вслух, все свои соображения писала в блокноте.

— Йоко всюду слышала голоса, ей казалось, что все за ней шпионят, подслушивают разговоры, — сказал Моррисон. — Общение с ней превращалось в настоящее испытание.

При участии Моррисона Сэнфорд Герлик, бывший президент городского совета и глава транспортной полиции Нью-Йорка, организовал обыск у Леннонов дома. Хотя прослушивающих устройств не нашли, оказалось, что у паранойи Йоко были свои основания. В 1982 году секретарь Джона, Фредерик Симен, был осужден за кражу дневников Леннона, писем, контрактов, демозаписей, рисунков и музыкального оборудования. «Исследования» Симена, где подробно описывалась личная жизнь бывшего «битла», в том числе траты, сексуальные пристрастия, кулинарные вкусы, впоследствии вышли отдельной книгой, озаглавленной «Последние дни Джона Леннона: мои воспоминания».

И это после того, как сперва правительство США пыталось выслать Джона Леннона из страны, а потом маньяк на глазах у

Йоко убил ее мужа.

Шону тоже пришлось нелегко. На следующий год у него на дне рождения выступал фокусник, и мальчик признался Йоко, что просил научить его заклинаниям, чтобы вернуть отца.

— С пяти до шести лет у меня была не жизнь, а сплошное безумие, — сказал Шон журналу «Пипл». — Со мной произошла обратная метаморфоза. Вместо того, чтобы расти и развиваться, я ушел в себя… Мы получали странные письма. У нас под дверью сидели психи, считающие себя реинкарнацией моего отца. Я и шагу не мог ступить без телохранителей. Не знаю, как мне удалось это выдержать.

Едва наладившиеся отношения Джона со старшим сыном вновь расползлись по швам. Без свежих впечатлений Джулиан скатился к воспоминаниям о том, как рос без отца. Через двадцать пять лет после убийства Леннона-старшего Джулиан сделал заявление, попытавшись описать свои «смешанные чувства»:

— Он был отцом, которого я любил, и который меня глубоко разочаровал.

После убийства друга Полу стало тяжело работать в студии. В страхе перед тем, что станет следующей жертвой, он перестал давать концерты. От этого страдал его товарищ по группе Денни Лейн, усвоивший, что для развития необходимо регулярно выступать. В 1981 году, просуществовав десять лет, «Вингз» распались — случайная жертва Марка Дэвида Чепмена.

Перед уходом Лейн вместе с Полом и Линдой поучаствовал в работе над «All Those Years Ago». Ринго уже записал барабаны для этой песни, предназначенной для долгожданного альбома Джорджа, «Somewhere in England». После смерти Леннона Харрисон изменил слова, чтобы выразить свое сложное отношение к Леннону, и, возможно, принести ему посмертные извинения: «Из самого сердца ночи / Я за тебя молюсь».

Пол тоже почтит память друга, правда, уже без участия остальных «битлов». Речь идет о пластинке «Tug of War», вышедшей в 1982 году — его первый альбом после распада «Вингз». Кроме знаменитой «Ebony and Ivory», исполненной дуэтом со Стиви Уандером, туда вошла песня «Here Today» — воображаемый разговор между Джоном и Полом. Леннон утверждает, что они всегда будут «бесконечно далеки друг от друга», а Маккартни отвечает, что помнит, «как было раньше, и больше я не сдерживаю слез».

Больше всех Йоко тронула песня Элтона Джона «Empty Garden», посвященная Леннону. В августе 1982 года, когда Элтон

исполнял ее в Мэдисон-сквер-гарден, к нему на сцену вышли и Йоко, и его крестник Шон: «В каждой падающей капле / Мы слышим имя твое».

В 1995 году все четверо «битлов» снова сыграли вместе: Джордж, Пол и Ринго доделали песню Леннона «Real Love», для которой Джон записал свою партию в шесть подходов в 1979 году, и еще одну его незаконченную вещь, «Free as a Bird». В 1996 сингл воссоединившихся в цифре «Битлз» в последний раз вошел в топ-4 ˚США — через двадцать шесть лет после распада группы и через шестнадцать после того, как был застрелен ее самый знаменитый участник.

Эпилог

Время шло, и одержимость собственной безопасностью отпустила Джорджа. Никуда не делись ни электронные ворота, ни инфракрасные датчики, ни забор из колючей проволоки, ни сигнализация, подключенная к местному участку полиции, но соседи видели дыры в ограде и заросли, где можно спрятаться. В свое время территорию охраняли собаки, но вскоре про них забыли. Подростки не раз пробирались к нему в сад и устраивали там гулянки.

— Чтобы в них верили, необходимо, чтобы они были на виду, — сказал журналу «Гардиан» один молодой человек.

В 1996 году, получив серию писем с угрозами, Джордж обратился в полицию, но для «Битлз» это было нормой, особенно после убийства Леннона. 30 декабря 1999 года в 3:20 утра Оливия Харрисон разбудила мужа, сказав, что слышала снизу звон разбитого стекла. Сперва ей показалось, что в соседней комнате рухнула люстра. Но вскоре раздался отчетливый звук шагов. Пока Оливия звонила в полицию, Джордж пошел вниз выяснять, что случилось.

В кухне он увидел разбитое окно и крыло статуи Святого Георгия, стоявшей на участке. В воздухе висел сигаретный дым. Джордж крикнул жене, что в доме посторонний, и бросился вверх по лестнице. С галереи, идущей над главным залом, Джордж заметил тридцатитрехлетнего ливерпульца, Майкла «Безумного Мика» Абрама. Впоследствии психиатры, обследовавшие его, объяснят, что героиновый наркоман в завязке верил, будто Джордж украл его душу.

Харрисон заметил в руках мужчины нож и меч от статуи Святого Георгия.

— Спускайся сюда! — потребовал Абрам, снизу вверх глядя на жертву.

— Ты кто такой?

— А то ты не знаешь! Давай иди вниз!

Надеясь отвлечь непрошенного гостя, Харрисон принялся напевать: «Харе Кришна, Харе Кришна…»

Абрам побежал вверх по лестнице, и Джордж бросился на него, пытаясь вырвать из руки нож.

— Мы упали на пол, — даст показания он. — Я руками отводил его удары. Он сидел на мне, и тыкал ножом в грудь.

Сзади Абрама появилась Оливия, и несколько раз ударила его кочергой. Обезумевший Абрам кинулся за ней и вцепился ей в горло.

Борьба продолжалась среди подушек, в той части особняка, где Харрисоны медитировали. На стены и ковер хлынула кровь — Абраму удалось снова ранить Джорджа. Харрисон чувствовал, что силы его слабеют. Один из семи успешных ударов ножом пронзил его легкое.

— Я слышал, как воздух выходит из раны, и чувствовал кровь во рту, — сказал бывший «битл». — Я уже думал, что рана смертельная… Что нас обоих убьют.

Оливия не собиралась мириться со своей участью. Схватив настольную лампу, она стала отбиваться ей от врага. Тот вцепился в шнур и попробовал набросить его на шею жертве. Оливия швырнула лампу в Абрама и побежала вниз по лестнице. Абрам напоследок ударил Джорджа той же лампой по голове и бросился вслед за Оливией. Но потерял сознание от потери крови, и был арестован прибывшей полицией.

В отличие от Чепмена, «Безумного Мика» признали клиническим сумасшедшим. Его поместили в психиатрическую больницу, но в 2002 году выпустили ввиду «успешного лечения».

Мало кто знал, но в тот миг, когда на Харрисона напал Абрам, Джордж уже вел смертельный бой с раком — причиной болезни он считал курение, которое так и не сумел побороть. 29 ноября 2001 года он скончался в Лос-Анджелесе.

Его тело кремировали, но, по обычаю индусов, прах развеяли над Гангом.

— Он придерживался веры, что дух его взял тело взаймы, — сказала его сестра Луиза журналу «Пипл».

На девятилетнюю годовщину его смерти в Ал-берт-Холле прошел «Концерт памяти Джорджа». Доход ушел в Фонд материального мира имени Джорджа, который поддерживает такие благотворительные учреждения, как Международную амнистию, Ассоциацию больных синдромом Дауна, Фонд борьбы со СПИДом, Общество народных школ для детей-аутистов и Всемирный фонд дикой природы.

Пол и Ринго тоже участвовали в концерте. Кульминацией выступления Маккартни стало исполнение на укулеле песни Джорджа «Something». Раздоры, сотрясавшие «Битлз», теперь навсегда остались в прошлом. Более того, Пол и Йоко устроили совместные художественные выставки одновременно и в Лондоне, и в Нью-Йорке. В 2008 прошли торжества в честь того, что Ливерпуль был назван культурной столицей Европы на этот год. На них Пол и Дэйв Грол из Фу Файтерс вместе пели «Band on the Run». Послушать их пришли Йоко с Оливией Харрисон.

Музыкальная карьера Джулиана Леннона началась бодро. В

США два сингла из его дебютного альбома 1984 года, «Valotte», вышли в топ-10 — заглавный трек и «Too Late for Goodbyes». Хотя подобный успех больше не повторился, его песни «Stick Around» и «Now You're in Heaven» в 1986 и 1989 годах соответственно, дошли до первой строчки в чарте «Элбэм Рок Треке».

Когда Шон тоже занялся семейным делом, между сводными братьями установились дружеские отношения.

— Если у нас получается встретиться, в Англии или в Японии, потому что он тоже колесит по миру с собственной группой, приходит ощущение, будто нашел потерянного брата. Моя любовь к нему безгранична, — сказал Джулиан в 1999 году газете «Остин Кроникл». Весь разговор он избегал обсуждать наследство Джона и прочие скользкие темы, но в заключение добавил: — Мы любим друг друга искренне и открыто, несмотря на всякую фигню, о которой вообще говорить не стоит.

На какое-то время Джулиан отошел от музыкального бизнеса. Он стал продюсером и диктором гипнотического документального фильма «Whale Dreamers» — об образе китов и млекопитающих в культуре одного племени и его связи с древними цивилизациями. А потом, во время работы над новым альбомом «Everything Changes», у него случилось озарение по поводу отца.

Все началось, когда он узнал, что его подруга детства, Люси О'Доннел, та самая из «Lucy in the Sky with Diamonds», страдает от волчанки. Джулиан не слышал о бывшей однокласснице, ныне Люси Водден, с тех пор, как после развода родителей перевелся в другую школу. Он свалился ей как снег на голову — позвонил ей в Саррей, город на юге Англии, чтобы пожелать здоровья. Они начали общаться и быстро обнаружили, что оба увлекаются садоводством. Джулиан слал подруге чеки, чтобы она тратила их на свое хобби.

Связь Люси с песней не принесла ей радости.

— Будучи подростком, я сделала ошибку: рассказала друзьям в школе, что я та самая Люси из песни, а они ответили: «Нет, не может быть. Мне родители объяснили, что песня о наркотиках», — поведала она агентству «Ассошиэйтед Пресс». — Тогда я не знала, что такое ЛСД, так что я стала держать этот факт в тайне.

Борьба с волчанкой длилась целых пять лет, Джулиан пытался поддерживать подругу, посылая ей цветы и смс-ки. Но 28 сентября 2009 года Люси умерла. Через месяц Джулиан посвятил ей песню и спел ее дуэтом с Джеймсом Скоттом Куком, его бабушка, тоже Люси и тоже страдала от этой болезни. Весь доход от продажи сингла «Lucy» перечислили на исследования

волчанки.

Работая над песней, Джулиан размышлял о неприязни к Джону.

— Я понял, что гнев и горечь по отношению к отцу отравляют мою собственную жизнь, — сказал он новостному агентству «Азиан Ньюс Интернешнл». Благодаря Люси он поборол злость.

Теперь он вместе со всем миром будет прославлять Джона Леннона и «Битлз».

В тюрьме Чепмен пытался исцелить ядовитые раны на душе, работая грузчиком, поваренком, библиотекарем. Он снова вернулся на путь христианства, знакомый ему со школьных лет.

— В моей жизни, как и у всех, бывали моменты напряженной борьбы, и в такие минуты я обращался к Господу, — объяснил он Ларри Кингу. — В ночь гибели Джона Леннона я отвернулся от Бога. Я не слушал его.

Но Бог Чепмена милосерден:

— Он не простил моего поступка… Ему не по нраву та боль, что я причинил всем, особенно вдове Джона. Но… Бог питает слабость к заключенным… Я опираюсь на костыль, но этот костыль — ничто иное как крест.

Чепмен утверждает, что ясность мышления пришла к нему от веры, а не от таблеток или консультаций у психолога.

— Теперь мне лучше, я стал нормальным человеком, — поведал он Кингу.

В рамках духовного возрождения он написал письмо Д.Д. Сэлинджеру, в котором извинился, что связал любимую книгу «Над пропастью во ржи» с убийством.

— Я многое узнал о людях, — сказал стрелок властям. — Я знаю, что в глазах Бога люди — великая ценность. К жизни надо относиться серьезно. Это не игра… Я лишил жизни создание Божие.

Невероятно, но Глория осталась верна мужу. Она навещала его в Аттике дважды в год. Как супругам, им выделяли домик на территории исправительного учреждения. Чепмен сказал властям, что если выйдет на волю, то хочет вместе с женой основать христианскую миссию:

— Я мечтаю ездить с места на место… От церкви к церкви, рассказывать людям, что случилось со мной, и открывать им дорогу к Христу.

Но его демоны притаились в тени. Убив звезду, Чепмен создал прецедент, а это дорога в один конец. 30 марта 1981 года Джон Хинкли Младший, чтобы произвести впечатление на актрису Джоди Фостер, шесть раз выстрелил из револьвера 22

калибра в Рональда Рейгана, ранив президента, пресс-секретаря Белого дома Джеймса Брэди, вашингтонского полицейского Томаса Делаханти и агента спецслужбы Тимоти Маккарти. На следующий год Артур Ричард Джексон, маньяк из Абердина, Шотландия, напал на актрису Терезу Салдана под окнами ее дома в Калифорнии. Он нанес ей десять ножевых ранений. Тереза выжила чудом. В 1991 году актриса Ребекка Шеффер открыла дверь на стук и погибла от руки Роберта Бардо — одержимого фаната, который писал письма Чепмену в тюрьму и по его примеру читал «Над пропастью во ржи».

Сам Чепмен тем временем стал образцовым заключенным. Он явно проявлял сострадание, утверждая: «Теперь я понимаю, что Джон Леннон в первую очередь был человеком. Был ли он «битлом», звездой, не играет роли. Он дышал, а я отнял его жизнь. Мне нет оправдания. Мне очень жаль, что так вышло.

Несмотря на это, его прошения о досрочном освобождении отклоняли, а Йоко отказывалась и думать о том, чтобы простить его.

Чепмен вроде бы понимал ее чувства.

— Я думал, что творилось у нее в голове в ту ночь, когда с улицы доносились крики, и до утра не умолкали песни «Битлз», — сказал он в 2000 году на слушаниях по УДО. — Я представлял, что это моя семья так пострадала, и не видел способа с этим смириться. Если мне суждено остаток дней провести в тюрьме, расплачиваясь за причиненную ей боль… я готов.

Видимо, так и будет — несмотря на тот довод, что выбери он себе жертву попроще, давно вышел бы на свободу.

После смерти Джона Питер Каллен сдал экзамен на сержанта, а потом ему дали и лейтенанта. После отставки он переехал в Неаполь, Флорида, но они с коллегами, в те времена работавшими в Двадцатом отделении, продолжают встречаться раз в год, чаще всего в «Доме прибрежного краба» в Лонг-Айленд-Сити, Квинс. Как правило, они не поднимают в разговоре тему гибели Леннона.

— У каждого поколения есть свое большое дело, — сказал Каллен. — Нам достался Джон Леннон. Уже после моей отставки произошла трагедия 11 сентября — с этим ничто не сравнится. Там, где я сейчас живу, во Флориде, меня часто спрашивают о Джоне Ленноне, у них там серьезный дефицит своих звезд.

В 2004 году Кен Дэшоу, ставший ди-джеем на Q104.3, радиостанции классического рок-формата, всю смену в воскресенье утром посвятил сороковой годовщине первого визита

«Битлз» в США. Успех был таким выдающимся, что выпускающий режиссер, Боб Бачмэнн, попросил Кена на следующей неделе сделать еще одну передачу про «Битлз».

— И телефонных звонков, и электронных писем было еще больше, — сказал Кен. — И Боб сказал мне: «Продолжай в том же духе, пока они не потребуют прекратить».

Очень скоро «Завтрак с «Битлз» стал главной фишкой нью-йоркского эфира.

— Да, я вдумчиво подхожу к вопросу, могу долго разбирать маленький кусочек песни, но волшебство не в этом, — объяснил Кен. — Волшебство в том, с чем у слушателя связана песня. По воскресеньям мою передачу слушают детишки младше десяти — первым делом они влюбляются в «Yellow Submarine». У каждого своя история: девочку по имени Лоретта дразнили, пока не вышла «Get Back», где упоминается ее имя; отец с сыном не разговаривали, но помирились благодаря «Битлз».

Вот это — настоящее волшебство.

Спустя тридцать лет после убийства и три смены городского управления, восемидесятипятилетний Эд Коч все так же с удовольствием слушает по радио песни «Битлз».

— От них такие пузырьки по всему телу, — смеется он, — вроде шампанского. Люблю Маккартни. Голос он потерял, но разве это важно?

Джон Леннон окончательно превратился в легендарную фигуру. В Гаване его образ отлили в бронзе. Сам Фидель Кастро в 2000 году открывал памятник «битлу»-революционеру. В Абхазии, спорном клочке земли бывшего Советского Союза, выпустили две марки с портретом Леннона. В Японии на суперстадионе Саитама есть музей Джона Леннона. Наконец, в 2002 году на родине Джона в его честь переименовали аэропорт, через него проходит шесть миллионов пассажиров в год. Теперь он называется «Ливерпульский аэропорт Джона Леннона».

Его девиз: «Выше нас только небо».

Есть даже планетоид, названный в честь Джона — равно как и астероиды Джордж, Пол, Ринго, Джерри Гарсия, Эрик Клэптон, Карлос Сантана и Фрэнк Заппа.

Йоко говорит, что был бы Джон жив, его бы «дико бесили» войны в Ираке и Афганистане, а так же проблемы со здоровьем и экологией, приписываемые выбросам парниковых газов. Постройкой башни «Вообразите Мир» на острове Видей рядом с Рейкьявиком, Исландия, Йоко пыталась поднять обе проблемы, как мира на земле, так и глобального потепления. За прошедшие с 1981 годы Йоко собрала больше семисот тысяч «пожеланий

мира», присланных людьми. Их зарыли под башней, где установлено пятнадцать прожекторов, запитанных от геотермального генератора. Луч света, уходящий в ночное небо, пробивает облачный слой. У подножия башни стоит белый каменный монумент, на котором слова «Вообразите Мир» вырезаны на двадцати четырех языках, включая китайский, арабский, тамильский, суахили, тибетский и инуктитут. С 2007 года «башня света» горит с дня рождения Джона, 9 октября, до 8 декабря, годовщины его убийства — неофициальный «сезон Джона Леннона» для тех, кто разделяет ценности, проповедуемые вдовой покойного «битла».

— Мы все, миллиарды людей, стоим на пороге новой эры, преисполненные решимости сделать главной ценностью здоровье, мир и радость, — сказала она на включении башни в 2009 году. — Джон по-прежнему с нами… Давайте пошлем друг другу луч света и скажем: «Я тебя люблю».

Когда Джон покинул этот мир, главной опорой Йоко стал Шон — социально ответственный молодой человек, имеющий четкое представление, на что направить свои музыкальные таланты. В 2009 году он выступал вместе с матерью, был сопродюсером первого альбома Йоко, вышедшего после 1973 года — «Between My Head and the Sky».

— Во мне обнаружился неожиданный дар, — сказала она газете «Нью-Йорк Пресс» вскоре после выхода альбома. — Этот дар — быть бодрой и здоровой в семьдесят шесть лет. Люди вокруг меня говорят: «Мне скоро сорок. Не знаю, что делать». А я говорю: «Подожди еще лет тридцать, и почувствуешь себя куда лучше».

Но все-таки Йоко так до конца и не оправилась после событий 8 декабря 1980 года. Тридцать лет после этого она искала во тьме Джона Уинстона Оно Леннона, и тосковала по той любви, что он изливал на нее и на вселенную.

Благодарности

Когда мне позвонил редактор «Бэкбит Букс» Майк Эдисон, я поначалу решил, что он просто хочет встретиться со мной. Но у него была другая идея: он неотвязно думал о событиях 8 декабря 1980 года. Ему казалось, что я смогу описать хронологию событий так, как он ее видит.

Хорошо помню свои чувства в тот день, 8 декабря: первым сообщениям я просто не верил — как можно убить Леннона, особенно теперь, после стольких лет спокойной жизни? А потом мания, охватившая весь город, затянула и меня. Смерть Джона глубоко задела всех, но в Нью-Йорке ее приняли особенно близко к сердцу. Следующие дни сливаются в памяти — и перед глазами стоит панихида в Центральном парке, яркий образ ста тысяч лиц вокруг меня. Где-то через неделю, входя в закусочную в Квинс, я заметил у кассы двух человек, стоявших тогда рядом со мной.

Я кивнул им, они кивнули в ответ. Нам не нужны были слова.

Мы итак понимали друг друга.

Мне кажется, что история 8 декабря 1980 года — это история всех людей, кто пережил этот грустный, невозможный день. Я и так хорошо ее представлял, но, собирая информацию, захотел узнать еще лучше.

Слова легко ложились на бумагу, выворачивая душу.

Друзья рассказывали собственные истории о том дне, когда погиб Джон Леннон. Другие, например, Майкл Алекс, Ларри Джеффи, «Попрыгунчик» Ленни Поффо и Крис Поликано, помогли мне выйти на связь с действующими лицами этой трагедии.

Я чувствовал за спиной поддержку не только Майка Эдисона, но и всех сотрудников «Бэкбит Букс» — издателя Джона Церулло, помощника редактора Бернадетты Малаварки, литредактора Сары Гэллогли, рекламистов Дианы Левинсон и Аарона Лефкова.

Как всегда, в первую очередь хочу поблагодарить семью: детей, Дилана и Саммер, жену, Дженифер Бертон Гринберг, которая едва не устроила «лежание в постели» в поддержку проекта, со мной за столом обсуждала жизнь «Битлз», смотрела на Ютубе видео Йоко Оно и сделала первый шаг к созданию нашей собственной версии «Double Fantasy».

Избранная библиография

О жизни и смерти Джона Леннона написано бесконечно много. Приведенная библиография — далеко не полный список тех бессчётных источников, к которым я обращался при написании моего труда. Тем не менее есть книги, из которых, наряду с интервью с непосредственными участниками событий, я черпал вдохновение, ключевые мысли и необходимую для моих изысканий информацию.

Книги

Baird, Julia. *The Private John Lennon: The Untold Story from His Sister.* Berkeley, CA: Ulysses Press, 2008.

The Beatles. *The Beatles Anthology.* San Francisco: Chronicle Books, 2000.

Brown, Peter, and Steven Gaines. *The Love You Make: An Insider's Story of the Beatles.* New York: New American Library, 2002.

Dogget, Peter. *You Never Give Me Your Money.* London: The Bodley Head, 2009.

Edwards, Henry, and May Pang. *Loving John: The Untold Story.* New York: Warner Books, 1983.

Harrison, George. */, Me, Mine.* San Francisco: Chronicle Books, 2007 (reissued).

Jones, Jack. *Let Me Take You Down: Inside the Mind of Mark David Chapman, the Man Who Killed John Lennon.* New York: Villard, 1992.

Lennon, Cynthia. *A Twist of Lennon.* New York: Avon Books, 1980.

Lennon, John. *In His Own Write.* New York: Simon amp; Schuster, 2000 (reissued).

Marshall, William, and Allan Williams. *The Man Who Gave the Beatles Away.* New York: Macmillan, 1975.

Rodriguez, Robert. *Fab Four FAQ 2.0: The Beatles' Solo Years, 1970–1980.* New York: Backbeat Books, 2010.

Salinger, J. D. *The Catcher in the Rye.* New York: Little Brown and Company, 1991 (reissued).

Thompson, Gordon. *Please Please Me: Sixties British Pop, Inside Out.* Oxford and New York: Oxford University Press, 2002.

Газеты и журналы

Carter, Imogen. "John Lennon, the Boy We Knew." The Observer. December 13, 2009.

Cott, Jonathan. "The Rolling Stone Interview: John Lennon and Yoko Ono." *Rolling Stone.* December 5, 1980.

Denberg, Jody. "Not-So-Primal Therapy." *Austin Chronicle.* August 23, 1999.

Doggett, Peter. "The Day John Lennon, Husband and Friend, Died." *The Times* (UK). September 10, 2009.

Doyle, Patrick, Robert Lane, and Hugh Bracken. "John Lennon Shot Dead Outside Dakota." *New York Daily News.* December 9, 1980.

Fettman, Eric. "She Shows Sean Where Dad Was Shot." *New York Post.* December 11, 1980.

Hamill, Pate. "A Long Night's Journey into Day." *Rolling Stone.* June 5, 1975.

Littlefield, Alex. "Yoko Ono (The Perennial One)." *New York Press.* December 23, 2009.

Maryman, Richard. "Paul McCartney Speaks About the Beatle Breakup and His New Life." *Life.* April 16, 1971.

Montgomery, Paul L. "Police Trace Twisted Path Leading to Lennon's Slaying at Dakota." *New York Times.* December 10, 1980.

Murphy, Tim. "60 Minutes with Yoko Ono and Sean Lennon." *New York.* November 13, 2009.

Sheff, David. "Playboy Interview: John Lennon and Yoko Ono." *Playboy* January 1981.

Sheff, Vicki. "The Day the Music Died." *People.* December 19, 1990.

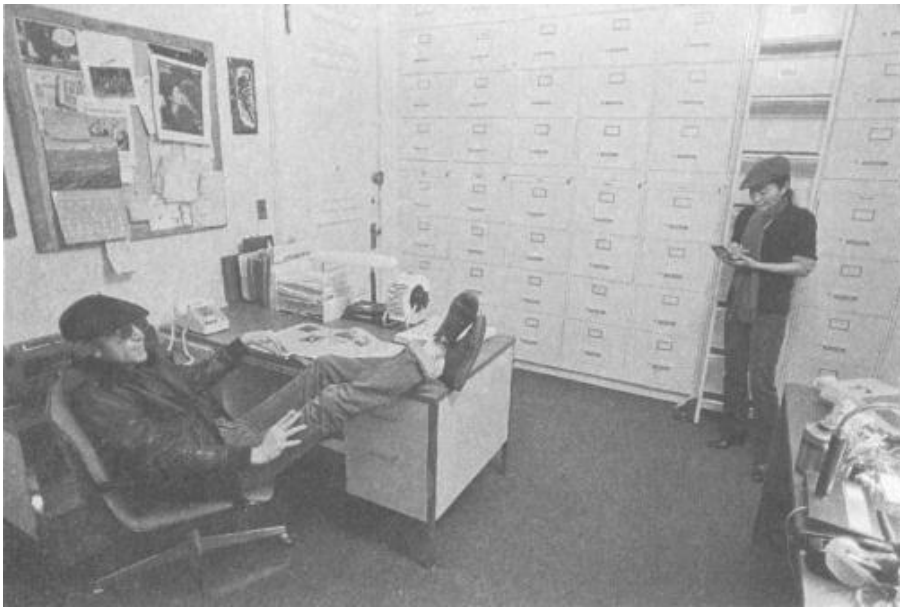
Веб-сайты

BBC.com
The Beatles Facebook Fan Club of the World
CNN.com
Fabfourfaq.com
Imaginepeace.com
MSNBC.com
Spinner.com
TruTYcom

Фотографии

Когда чета Леннонов в 1975 году поселилась в Дакоте, соседи поначалу отнеслись к ним настороженно, но в скором времени Джон и Йоко на равных правах влились в местное сообщество. (© Allan Tannenbaum/SoHo Blues)

Ленноны на «Рекорд Плант» недавно записали «Double Fantasy». Чета работала над синглом Йоко «Walking on Thin Ice». (© Bettmann/Corbis)

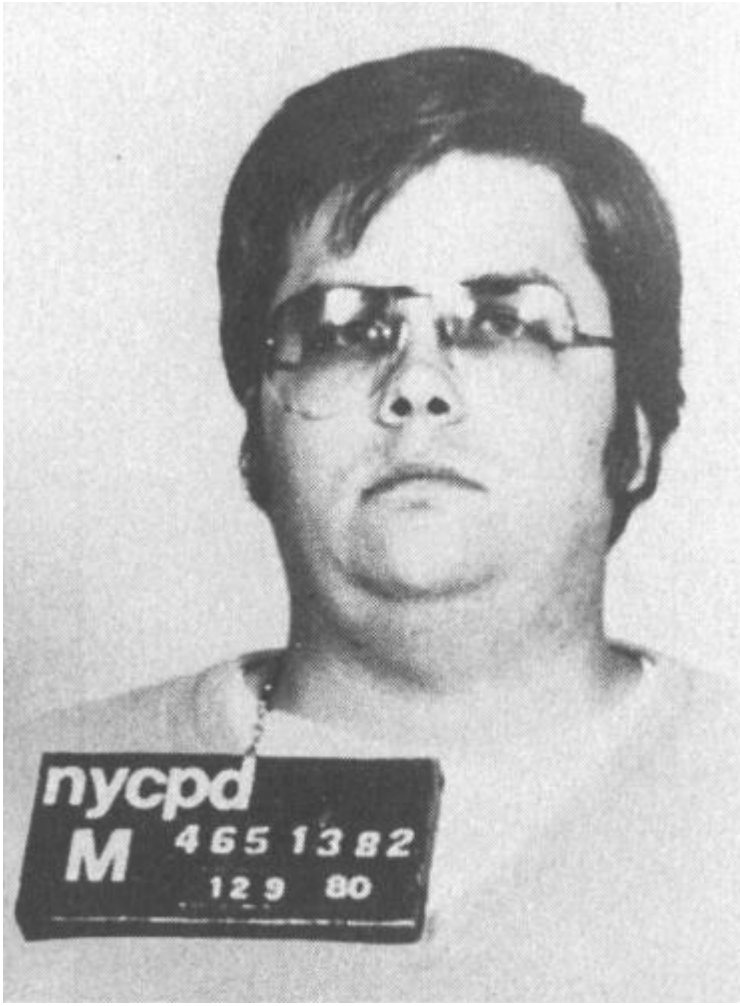


В рабочем кабинете дома у Леннонов хозяйничала Йоко. С её подачи в список деловых интересов семьи попала недвижимость и скот. (© Allan Tannenbaum/SoHo Blues)

Пол Гореш — одержимый фанат из Нью-Джерси, обманом попавший в квартиру Леннона. Спустя определённое время Джон проникся к нему симпатией. Гореш — автор одной из последних фотографий бывшего «битла». (© Bettmann/Corbis)

Руководитель лейбла Дэвид Геффен в тот день встречался с Леннонами в студии. Услышав о гибели Джона, он бросился в больницу Рузвельта утешать Иоко. (© Allan Tannenbaum/SoHo Blues)

Хотя Марк Дэвид Чепмен убил Джона Леннона предположительно ради славы, когда его вели в участок Двадцатого административного округа, он застенчиво прятал лицо. (New York Daily News Archive/Getty)



С официальной фотографии Марка Дэвида Чепмена смотрит человек с самой обычной внешностью, который боролся с суицидальными мыслями и отправился в Нью-Йорк выслеживать своего кумира, бросив на Гавайях жену. (AFP/ Getty)

Ринго Старр и его будущая жена, актриса и модель Барбара Бах, едва узнав об убийстве, с Багамских островов полетели в Дакоту. Перед домом фанаты взяли Ринго в кольцо. Он сразу же улетел из Нью- Йорка. (© Bettmann/Corbis)

После убийства несколько дней вокруг Дакоты собирались толпы фанатов: они вместе оплакивали кумира, жгли свечи и пели песни Леннона. На панихиду в Центральном парке пришло сто тысяч человек. (Keystone/Getty)

В 1980 году среди нью-йоркских таблоидов шла свирепая конкуренция за горячие новости. На этой фотографии скорбящие о Ленноне демонстрируют свою приверженность «Дейли Ньюс».

(© Allan Tannenbaum/SoHo Blues)

12-page pullout on John Lennon—Page 27

DAILY NEWS

NEW YORK, WEDNESDAY, DECEMBER 10, 1980

No Lennon funeral

YOKO: PRAY FOR HIS SOUL

EXCLUSIVE!

John Lennon and his accused killer

Зная о презрительном отношении Джона к «культу мёртвых музыкантов», Йоко решила не проводить похороны. «Джон любил человечество и молился за него, — сказала она в заявлении по этому поводу. — Пожалуйста, отплатите ему тем же». (New York Daily News Archive/Getty)

Charge ex-mental patient as killer

Ono: Pray for John's soul; No funeral is scheduled

By ALTON BLAKELY

He was vacant, his hands laying with a loose, a pudgy, 25-year-old amateur guitar player and former mental patient whom police described as a "wacko" was charged yesterday with the murder of ex-Beatle John Lennon. Lennon's agent-attorney, who discussed bail arrangements with Yoko Ono, said there would be no funeral for the gentle man whose music helped define the sixties, warring '60s and set the world reeling to a new beat.

She asked instead that his friends and millions of fans "pray for his soul." It was not known when or where the 40-year-old musician would be buried.

The assailant, Mark David Chapman of Honolulu, was sent to Bellevue Hospital for psychiatric tests after he admitted "I killed John Lennon," according to police sources.

THE SOURCES said that when he was asked why he shot Lennon, Chapman stood at the railing and ref used to answer.

Otherwise, during his overnight stay in a cell at the W. 68th St. stationhouse, Chapman was very talkative, freely discussing his background, his Japanese-born wife and Hawaii, according to sources.

But he would not after a word when questioned about the motives for the slaying except for a cryptic remark about having a "good ride and a bad ride."

Lennon fell in a hail of bullets Monday night in the entrance to his home, the exclusive Dakota apartments at Central Park West and 72d St., as his wife watched in horror.

The slaying shocked the world.

ACCORDING TO police, Chapman, carrying a switchcuted pistol and 14 bullets of taped Stacher Wizard 38 s big, had boarded the Dakota for three days before pumping four bullets into the unarmed Lennon. Lennon was dead within minutes.

With a smirk on his face, Chapman calmly dropped the gun and waited for

See JOHN Page 21

John Lennon sings during recording session for his recently released album.

Chapman–A walk in sun to a gun

On the last day he worked, Mark David Chapman signed log as John Lennon, instead of his own name.

By THOMAS MONAHAN and MARK GIPP

Mark David Chapman, the 25-year-old amateur rock musician held in the murder of John Lennon, signed a security employe logbook in Honolulu with the name "John Lennon" four days before he bought the pistol used in the slaying of the former Beatle.

He also told a fellow employe at the Honolulu condominium complex where he worked as a combination security guard and maintenance man that he was quitting his job and going to London.

"The last day he worked, he signed John Lennon instead of Mark Chapman in the log," Police worker Mildred Reid said. A check of the log page for that day showed the scrawled "signature" of John Lennon. The signature appeared to be forged ever.

Reid relieved Chapman Oct. 22—the suspect's last day on the job as a guard-maintenance man employed by the Hawaiian Management Co. at the Waikiki canyon apartments.

POLICE SOURCES ALSO SAID that Chapman, described

See CHAPMAN Page 21

Artist sketch of Mark David Chapman

Free lance photog Paul Gorsch.

I spoke with suspect hours before

Paul Gorsch, an avid Beatle fan and amateur photographer, first became convinced John Lennon when he heard the Beatles' "Rubber Soul" album in 1965. He was 7 years old.

Today, at 31 and living in North Arlington, N.J., and has been photographing Lennon the last two years. Here's his story of the events leading to the tragic night at the Dakota, as told to Daily News reporter Larry Parker:

I arrived at the Dakota about 11:30 p.m. There were already two other people waiting for Lennon. One of them was a tall, husky guy; the other was a blonde girl who appeared to be in her 20s.

Almost two hours later, Jann Lauren (Lauren's 9-year-old story account name from a two-day vacation with Helen Seaman, his nanny and a nurse. The girl, who returned to Jann Aiden, approached the child with the man. Jann showed them that he had bruised his finger in a door. They talked for several minutes, and then Jann, the nurse and the nanny went inside.

The man then approached me and asked, "Are you waiting for Lennon?" I said that I was.

We started talking. He told me his name was Mark and that he was from Hawaii. He had a Southern accent. I asked where he got the accent, and he said he was originally from Atlanta. I asked where he was staying while in New York. He subsequently replied: "Why do you want to know?"

I ASKED IF LENNON WAS his favorite musician. He said no one. He said he liked Lennon, but Todd Rundgren was his favorite singer.

Soon, John Lennon, Yoko Ono and several other people came outside. Then Mark approached Lennon with the album. Lennon gladly took it and signed "John Lennon 1980." Then Lennon got into a limo.

We stayed two more hours. Mark kept to himself. I said I was going to leave. He said, "Why don't you wait until Boy Gorsch leaves? He should be back soon, and you can get your album signed."

I explained I would get it another day.

He said, "I'll wait. You never know if you'll see him again."

I said, "What do you mean? I always see him."

Mark replied, "It's possible he could go to Santa or somewhere tonight, and you'll never get your album signed."

I left shortly after that. Mark stayed.

Daily News, Copyright © 1980

Таблоиды Нью-Йорка сразу поведали читателям о том, что Марк Давид Чепмен страдает от психического заболевания. В «Дейли Ньюс» вышло интервью с Полом Горешем, где тот рассказывал о беседах со стрелком непосредственно перед убийством. (Daily News Photo Archive/Getty)

Хотя мэр Нью-Йорка Эд Коч предпочитал музыку Пола Маккартни, они с Йоко в день рождения Джона, 9 октября 1985 года, открыли посвященный ему парк «Земляничные поляны». (New York Daily News)

В центре «Земляничных полян», расположенных в

Центральном парке, красуется мозаика «Imagine» — дар от Неаполя, Италия. Преданные фанаты часто украшают её цветами. (Don Emmert/Getty)

notes

1

«Been So Long Since We Took the Time» — строка из песни Джона Леннона «(Just Like) Starting Over»

2

Иоанн Павел II, урожденный Кароль Юзеф Войты-ла, был поляком.

3

Йиппи (англ. Yippies от аббревиатуры YIP — Youth International Party — международная молодежная партия) — движение-партия, основанное Джерри Рубином, Эбби Хоффманом и Полом Красснером в 1967 году.

4

Строка из песни Джона Леннона «My Mummy’s Dead».

5

North End Music Stores — Музыкальные магазины Норт-энда.

6

Строка из песни «Be-bop-a-lula» Джина Винсента.

7

Багизм (мешкизм) — термин, придуманный Леннонами, «человек в мешке», примерный аналог чеховского «человека в футляре».

8

Строка из песни Леннона «Give Peace a Chance».

9

«A Toot and a Snore in 74».

10

Имя нарицательное, изначально страница газеты «Сан», где печатались фотографии обнаженных моделей. Здесь — страница с подборкой интересных фотографий.

11

«Come together right now over me» — строка из песни «Битлз» «Come together».

12

Строчка из песни Элтона Джона «Empty garden».

13

Название книги «The Catcher in the Rye» переводится именно как «Ловец во ржи». Оно взято из сцены, где Холден Колфилд воображает, что стоит над пропастью и ловит играющих во ржи детей, чтобы они не упали вниз. Отсюда и устоявшееся русское название: «Над пропастью во ржи».